

В. А. Томсинов

Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954):

государственный деятель и правовед

**Часть 15. Формирование теоретических основ
советского правоведения**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2022. № 3. С. 86–94. № 4. 86–94. № 5. С. 86–94. № 6. С. 87–94. № 7. С. 87–94.
№ 8. С. 87–94. № 9. С. 87–94. № 10. С. 87–94. № 11. С. 87–94. № 12. С. 76–83.

Содержание:

- С. 1–13.** — А.Я. Вышинский о значении правовой науки в юридической деятельности. Критика революционного направления в советском правоведении. **Статья 1.**
- С. 14–47.**– Советская теория права. **Статьи 2–4.**
- С. 48–53.**– Наука советского государственного права. **Статья 4.**
- С. 53–66.**– Наука советского административного права. **Статья 5.**
- С. 66–104.**– Наука советского гражданского права.
Наука советского хозяйственного права. **Статьи 6–8.**
- С. 104–129.**– Наука советского уголовного права. **Статья 9–10.**

-1-

21 и 22 мая 1938 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание прокуроров. При его открытии прокурор СССР А.Я. Вышинский выступил с докладом о перестройке работы органов прокуратуры, где высказал мысли, которые в условиях проходившей кампании борьбы с врагами народа должны были восприниматься слушателями как весьма необычные и даже странные. Отметив в начале речи, что данный вопрос назрел уже давно, поскольку «после утверждения Сталинской Конституции требования к органам прокуратуры все больше и больше повышались», он сообщил далее, что перестройка прокурорской деятельности «сверху донизу и снизу доверху» необходима «в целях окончательного устранения тех дефектов и недостатков, которые мешают поднять ее на должную высоту»¹.

О недостатках в деятельности правоохранительных органов в то время говорилось едва ли не каждом совещании работников внутренних дел и прокуратуры, но эти разговоры, как правило, сводились к упрекам в том, что следователи и прокуроры слишком пассивны и недостаточно жестоки в борьбе с врагами народа. Прокурор СССР не мог в своем выступлении обойти данную тему. Отметив, что еще имеются случаи, «когда отдельные прокурорские работники не проявляют необходимой бдительности, не умеют вовремя разглядеть и распознать козни врагов, не оказывают их подлым преступлениям должного противодействия», он сообщил присутствовавшим, что за последнее время снял с должности ряд прокуроров «как не соответствующих своему положению, потворствовавших врагам своей слепотой и политической беспечностью»².

Однако первым и основным недостатком в деятельности прокурорских органов Вышинский назвал неправильное представление прокурорских работников о месте прокуратуры в системе государственных органов, о ее роли в деле социалистического строительства и значении для дальнейших успехов социализма в нашей стране. «У нас, к сожалению, — заметил он, — очень многие прокуроры недостаточно квалифицированы как юристы, как

¹ Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 4.

² Там же. С. 9.

прокуроры, если понимать под этим словом настоящего советского прокурора, то есть политически и юридически высококвалифицированного государственного деятеля, на обязанности которого лежит охрана закона в советском государстве, охрана интересов советского государства и советского общества, охрана интересов и защита прав граждан нашей великой социалистической родины»³.

Главную же причину недостаточной юридической подготовки работников прокуратуры Андрей Януарьевич связал с их безразличием к юридической науке, с отсутствием у них отчетливого понимания того, что представляет собой советское право как право социалистического государства рабочих и крестьян, как оно осуществляется на практике, как «ломает встречающиеся на пути социалистического строительства препятствия», как «организует общественную инициативу, общественное сознание, энергию и волю людей, творящих свою историю нового социалистического общества»⁴. «В нашей прокурорской среде, — заявил он, — отношение к науке советского права поверхностное и невнимательное. Это — крайне отрицательное и опасное явление»⁵.

Чтобы продемонстрировать своим слушателям справедливость этой оценки, прокурор СССР задал им вопрос: «Кто занимается систематически, или, может быть, не систематически, по более или менее серьезно вопросам науки нашего советского права?» и попросил поднять руки «товарищей, занимающихся систематически теорией советского права». В зале присутствовали в основном руководящие работники прокуратуры, и только шестеро из них подняли руки.

Часть вины за недостаточную юридическую подготовку прокуроров к исполнению своих должностных обязанностей, Вышинский возложил на руководителей прокуратуры, в том числе и на себя. «Мы недостаточно, — говорил он, — обращаем внимание на то, чтобы наши прокуроры были на уровне мировой науки права. Между тем, чтобы правильно решать свои собственные задачи в своей собственной стране, нужно знать, как решают у себя свои задачи наши враги. Мы не принимаем мер к тому, чтобы держать прокуроров в курсе правовой жизни и законодательства в различных

³ Там же. С. 4–5.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

капиталистических странах, что весьма серьезно расширило бы кругозор наших юристов. Но, хуже того, мы мало заботимся о том, чтобы держать наших прокуроров на уровне успехов и дальнейшего движения вперед нашей собственной советской науки права»⁶.

Что же заставило Вышинского столь резко и решительно заявить на майском Всесоюзном прокурорском совещании 1938 года о том, что в тогдашних условиях не могло не казаться мелкой и несвоевременной проблемой, а именно что прокурорам необходимо систематически заниматься юридической наукой?

Сам прокурор СССР назвал по меньшей мере три причины своего обращения к этому вопросу.

Прежде всего он постарался убедить слушателей в том, что *без научной подготовки в области права невозможно эффективно исполнять функции, возложенные на прокуратуру Конституцией и прежде всего функцию надзора за точным исполнением законов всеми государственными органами и гражданами. «Кому неизвестно, что с надзором за законностью дело обстоит недостаточно удовлетворительно, — сказал в своей речи Вышинский. — Почему? Потому что очень часто, в подавляющем большинстве случаев, наши прокуроры, знакомясь с теми или иными обязательными постановлениями, приказами, инструкциями, издаваемыми наркоматами и местными органами, не знают, что в этих инструкциях, приказах, постановлениях законно, а что незаконно»*⁷. По мнению прокурора СССР, овладение прокурорами наукой права в данной ситуации приобретает «исключительное значение». «Нельзя понимать, что законно, а что незаконно, нельзя правильно понимать законы, не опираясь на методологические основы науки права. Ни одно методическое руководство, ни одна инструкция из Прокуратуры Союза, ни одно указание, как, например, осуществлять общий надзор, не может научить, как вести эту работу, если в основу не будут положены принципы правовой теории»⁸.

Вместе с тем Вышинский признал, что слабость юридической квалификации отрицательно сказывается и на таком особенно важном участке прокурорской деятельности, как следственная работа. «Нельзя вести борьбу с преступлениями лишь одними культурными и экономическими мероприя-

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

тиями. В борьбе с преступлениями необходимо также применение принуждения», — подчеркнул он, добавив: «Но при этом, разумеется, нужно знать, к кому применить принуждение, нужно найти преступника, установить виновного»⁹.

Изучение прокурорами юридической науки Вышинский считал необходимым и для совершенствования их судебной деятельности. В речи на совещании прокуроров Ленинградской области, состоявшемся также в мае 1938 года, Андрей Януарьевич констатировал: «Сейчас наши прокуроры уклоняются от выступлений в суде, потому что не чувствуют себя достаточно подготовленными к судебному состязанию, отчасти же потому, что не имеют вкуса к этому делу. Эти прокуроры забывают, что суд — основная арена прокурорской деятельности». Он обещал как прокурор Союза энергично бороться с таким «в корне неправильным отношением некоторых прокуроров к этой своей обязанности»¹⁰.

Определяя подлинное значение для общества и государства прокурорской деятельности, он заявлял: «Прокурор — это общественный деятель, прокурор — это судебный трибун, государственный прокурор — это представитель интересов государства на суде. Когда прокурор поддерживает обвинение, которое он возбуждал, и тогда, когда он отказывается от поддержки обвинения, он одинаково остается представителем государственных интересов, посланцем государства, глашатаем государственной правды»¹¹.

В докладе на Всесоюзном прокурорском совещании Вышинский представил фигуру прокурора в иных выражениях, но придал ей столь же большое значение. «На обязанности прокурора, — говорил он, — лежит обеспечение процесса наиболее убедительным и доказательным судебным материалом. Прокурор является наиболее активной силой судебного процесса, защищающей правильность предъявленного обвинения и несущей всю ответственность за обоснованность обвинения и за квалификацию преступления. Прокурор обязан стремиться к тому, чтобы была обеспечена вся полнота судебного следствия, чтобы каждое доказательство было

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ На новые рельсы. Речь Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского на совещании прокуроров Ленинградской области // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 50.

¹¹ Там же. С. 51.

облечено в плоть и кровь действительности, чтобы оно было воспринято судом и всем народом со всей убедительностью. Вот в чем роль прокурора»¹².

Все эти качества прокурорской должности требовали, по мнению Вышинского, высокого уровня юридической подготовки, которого можно было достичь только систематическим и углубленным изучением теоретических основ советского правоведения.

Чтобы заинтересовать прокурорских работников в приобретении юридических знаний и навыков, прокурор СССР предложил в своем докладе изменить порядок оплаты их работы. «Я не думаю, — сказал он, — чтобы кто-либо из наших работников мог пожаловаться на свое материальное положение, так как за последние годы в этом отношении достигнуты значительные успехи. Сейчас некоторые товарищи возбуждают вопрос об установлении выплаты за выслугу лет. Мне кажется, что этот вопрос надо решать не путем расширения категорий, получающих доплату за выслугу лет, а путем установления дифференцированной оплаты наших работников в зависимости от их опыта и квалификации. Не годы работы сами по себе дают право на надбавку к установленной зарплате, а **опыт, талант и квалификация**»¹³ (выделено мной. — В.Т.).

К причинам, заставивших Вышинского посвятить свой доклад на Всесоюзном совещании прокуроров значению юридической науки для прокурорской деятельности, следует отнести и принятые весной 1938 года руководством ВКП (б) меры, направленные на совершенствование системы высшего образования и организации научных исследований.

С 13 по 17 мая 1938 года в Большом Кремлевском дворце прошло Первое всесоюзное совещание работников высшей школы, в рамках которого состоялся обмен мнениями о недостатках советской высшей школы и способах их исправления, были обсуждены проект устава высших учебных заведений и новые вузовские типовые учебные планы. 15 мая с докладом «О высшей школе» перед участниками совещания выступил председатель СНК СССР В. М. Молотов¹⁴, а 17 мая И.В. Сталин произнес в Кремле небольшую речь-тост на приеме работников высших учебных заведений¹⁵.

¹² Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. С. 10.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Молотов В.М. О высшей школе // Правда. 1938. № 137 (7462). 20 мая. С. 1-2.

¹⁵ Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы // Правда. 1938. № 136 (7461). 19 мая. С. 1.

В этих выступлениях ничего не говорилось о правоведении, однако их содержание свидетельствовало о повышенном внимании руководства ВКП (б) и Советского государства к высшему образованию и науке в целом.

Вышинский воспринял данный поворот в политике партийного и государственного руководства как повод обратиться к вопросу о значении высшего юридического образования и юридической науки в подготовке прокурорских работников. Об этом прокурор СССР прямо заявил в своем докладе на Всесоюзном прокурорском совещании: «Выступление товарища Молотова, затем прием в Кремле молодых и старых научных работников и, наконец, исключительная по своему значению речь товарища Сталина сами по себе говорят о том, что мы, работники прокуратуры, одни из передовых отрядов нашей советской рабоче-крестьянской интеллигенции, один из передовых отрядов защитников советского закона, не можем не поставить перед собой, особенно теперь, со всей решительностью задачу овладения вершинами науки»¹⁶.

Объясняя в указанном докладе свое внимание к юридической науке, Вышинский назвал еще одну причину, заставившую его поставить вопрос об изучении ее прокурорами.

В первые месяцы 1938 года в Советском Союзе произошли события, которые окончательно изменили расстановку сил в советской юридической науке. 19 января 1938 года был снят с поста наркома юстиции СССР Николай Васильевич Крыленко. 31 января 1938 года он был арестован по обвинению в участии в антисоветской деятельности. После П.И. Стучки, умершего 25 января 1932 года, и Е.Б. Пашуканиса, расстрелянного 4 сентября 1937 года на основании приговора Военной коллегии Верховного суда СССР, Н.В. Крыленко оставался единственным влиятельным представителем революционного направления в советском правоведении и соответственно главным научным противником Вышинского.

По Вышинского, одной из причин недостаточной юридической подготовки работников прокуратуры, непонимания ими сущности советского права было «тлетворное влияние» Крыленко и его единомышленников. «Эти господа, — подчеркивал Вышинский в докладе на Всесоюзном прокурорском совещании, — пытались прививать «извращенные, антимарксистские, антиленинские, антисталинские взгляды на сущность советского закона, на

¹⁶ Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. С. 7-8.

сущность нашего права и его природу, на все те задачи, которые стоят перед нами как органами, призванными укреплять наше социалистическое правосознание, вести борьбу за укрепление социалистического правопорядка, внедрять уважение к правилам социалистического общежития, вести беспощадную и самоотверженную борьбу со всеми дезорганизаторами нашего нового общественного строя, нарушителями правил нашего социалистического общества и государственной дисциплины и, особенно, с врагами нашего дела, дела социализма, дела великой партии Ленина – Сталина»¹⁷.

Взгляды Крыленко на советское право, отразившиеся в его книгах и речах, Вышинский называл «вредительскими» и не упускал случая развенчать их в своих выступлениях¹⁸. Это противостояние прокурора СССР и наркома юстиции СССР объяснялось разными причинами: в какой-то степени оно было столкновением их личностей, но вся же в большей мере в данном случае боролись между собой не *личности*, а *доктрины* правовой идеологии. В докладе, прочитанном 22 мая 1938 г. на Всесоюзном прокурорском совещании, Вышинский обрушился на идеи Крыленко, наносившие огромный вред именно прокурорской деятельности в Советском государстве. Так, он раскритиковал попытку Крыленко приписать советскому уголовному праву отрицание понятия вины, стремление подменить его понятием вреда. По словам Вышинского, Крыленко «пытался доказывать, что марксизм-ленинизм не знает понятия индивидуальной вины, что все дело сводится к вреду, что мы судим не того, кто виноват, а того, кто причинил вред»¹⁹, и тем самым грубо искажал

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ См. подробнее о критике Вышинским воззрений Н.В. Крыленко: *Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья 9 // Законодательство. 2018. № 4. С. 87–94. Статья 10. № 5. С. 79–86.*

¹⁹ Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. С. 9. Мнение о том, что марксизм-ленинизм якобы не знает понятия индивидуальной вины, Н.В. Крыленко в наиболее ясной, категоричной форме высказал в докладе «Принципы переработки уголовного кодекса», прочитанном на заседании коллегии НКЮ 24 мая 1928 г. Он говорил, в частности, что «основной принцип марксизма, рассматривающего общество как совокупность различных классов, рассматривающего всякую систему репрессии как орудие господства и принуждения, при помощи которого действует один класс в отношении другого, не может мириться ни с теорией “вины” и “наказания”, ибо не за что “наказывать” классовых врагов, ни с теорией исправления, поскольку исправлять классовых

марксистско-ленинскую методологию в таком важном вопросе советского уголовного права, каким является вопрос о вине и ответственности. Вышинский подчеркивал, что Крыленко не принимал во внимание разницы между умыслом и неосторожностью, между неосторожностью и случаем, что исключало возможность «говорить об индивидуальной ответственности, об индивидуализации вины». В связи с этим дискредитировался суд и советский закон, прививалось «пренебрежительное отношение к требованиям закона и справедливости». Такая точка зрения, заключал Вышинский, «приводит к практике огульных приговоров, что дискредитирует наше правосудие, не говоря уже о том, что она в целом противоречит социалистическому правосознанию, являющемуся одним из важнейших элементов судебной и прокурорской деятельности»²⁰.

* * *

Судьба Н.В. Крыленко сложилась печально. 29 июля 1938 года приговором Военной Коллегии Верховного суда СССР он был «признан виновным в том, что с 1930 года являлся участником антисоветской организации правых и по заданию этой организации проводил в органах юстиции вредительскую деятельность», и осужден к расстрелу, который в тот же день привели в исполнение.

29 июля 1955 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР на основании протеста, внесенного генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко, отменила данный приговор как основанный «на недостаточных и противоречивых доказательствах»²¹.

Между тем сам Н.В. Крыленко вполне допускал вынесение такого рода приговоров. Выступая 25 декабря 1934 года на совместном заседании президиума Комкадемии и Государственного института уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР с докладом о проекте Уголовного кодекса СССР, он говорил: «Кодекс должен быть достаточно *гибким*, чтобы обеспечить суду возможность не только применить репрессию в каждом конкретном

врагов, равным образом не имеет никакого смысла» (Революция права. 1928. № 4. С. 7. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 642).

²⁰ Там же.

²¹ См.: Записка Р.А. Руденко в ЦК КПСС о реабилитации Н.В. Крыленко. 11 мая 1955 г. // Реабилитация: как это было. Март 1953–февраль 1956 гг. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. М., 2000. С. 218.

случае, в том числе тогда, когда необходимо судить по аналогии, но и применить репрессию так, чтобы у суда не были связаны руки в смысле выбора *наиболее целесообразной* меры репрессии для каждого конкретного случая. Мы решили, что нельзя в этом отношении идти за либералами, которые тянут нас назад, отказываясь вообще, под предлогом борьбы за революционную законность, от определенной свободы суда, связывая тем самым руки судье в процессе классовой борьбы»²².

Любопытно, что наиболее убежденным и последовательным в своих мнениях правоведом среди тех, кого Крыленко назвал «либералами, которые тянут нас назад», был прокурор СССР Вышинский. А Крыленко в свою очередь являлся наиболее убежденным и последовательным сторонником доктрины революционной целесообразности. Приверженцев этой доктрины было немало среди советских правоведов, но никто из них не мог выразить ее смысл в столь ярких, запоминающихся выражениях, как Крыленко. Он был не просто ведущим идеологом революционного направления в советском правоведении, но и выдающимся оракулом его. Вот лишь некоторые образцы его изречений о законах и правосудии:

«Преступно все опасное для пролетарской диктатуры, а вовсе не только то, что обозначено в законе»²³. Данный тезис Крыленко сформулировал в 1935 году, отвечая на слова Вышинского о том, что «нельзя допустить, чтобы граждан привлекали к суду за такие преступления, которые не обозначены в законе».

«Политически неосторожным, нецелесообразным и прямо глупым явилось бы со стороны господствующего класса связать себе руки торжественным обещанием преследовать только за те действия, которые он заранее предусмотрел в законе»²⁴. Это мнение Крыленко высказал, давая оценку приципу *nullum crimen sine lege* (нет преступления, если оно не обозначено в законе) во второй части своей книги «Суд и право в СССР», представляющей собой теоретический и практический комментарий к

²² Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР. Переработанная стенограмма доклада 25 декабря 1934 г. на заседании президиума Комакадемии совместно с Госинститутом уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. 1935. № 1–2. С. 104. Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1935. № 11. С. 9.

²³ Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 10.

²⁴ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Ч. 2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1928. С. 28.

основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Он считал, что применение данного принципа является нецелесообразным в эпоху революционных потрясений, в эпоху революционной ломки старых общественных отношений, в эпоху построения новых общественных отношений»²⁵.

«Общественная опасность деяния должна быть единственным критерием при применении процессуальных и уголовных законов»²⁶. Эту формулу Крыленко привел во второй части книги «Суд и право в СССР», добавив к ней следующее пояснение: «Если суд признает то или другое действие опасным,

он должен рассмотреть его даже при отсутствии специального закона»²⁷.

«Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых»²⁸, — заявил Крыленко во время выступления в качестве государственного обвинителя на процессе «промпартии» 4 декабря 1930 года.

«Каждый может и должен быть осужден и изъят из общества, нового общества, постольку, поскольку он подозрителен по опасности»²⁹. Эти слова Крыленко произнес, выступая 24 мая 1928 года с докладом «Принципы переработки уголовного кодекса» на заседании наркомата юстиции РСФСР. Николай Васильевич занимал в то время пост заместителя наркома юстиции РСФСР. Изложенная подробнее, эта его идея кажется еще более зловещей. «В пролетарских слоях, — говорил Крыленко работникам советской юстиции, — никто не будет протестовать против утверждения, что каждый может и должен быть осужден и изъят из общества, нового общества, постольку, поскольку он подозрителен по опасности. Этот принцип не является странным, это старый закон французской революции: ты подозрителен, и этого достаточно для того, чтобы принять против тебя репрессивные меры. Что же, этот принцип вызовет противоречие или возмущение в пролетарских

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 30.

²⁷ Там же.

²⁸ Крыленко Н.В. Речь государственного обвинителя // Процесс «промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 452.

²⁹ Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. Доклад тов. Н.В. Крыленко на заседании Коллегии Н. К. Ю. 21/V. 1928 года // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 23. С. 664.

кругах? Нет. Вызовет противоречия в нашем сознании? Нет. И этот правильный принцип уже в достаточной степени внедрен в сознание масс»³⁰.

* * *

Призывая прокуроров обратиться к изучению советской юридической науки, Вышинский одновременно старался развенчать те ее доктрины, которые в основу правовой политики Советского государства ставили принцип революционной целесообразности и умалляли принцип законности. Эти доктрины представляли собой в совокупности идеологию разрушения государства: они оправдывали произвол следователей, прокуроров, судей при расследовании и рассмотрении уголовных дел, легитимизировали вынесенные ими ничем не обоснованные решения, постановления и приговоры.

Революционное направление в советском правоведении опиралось на понимание права как системы общественных отношений³¹. Соответственно и преступление определялось в рамках этого направления как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом»³². Такие явления, как правовая норма, закон, законность в этом понимании сущности права оказывались совсем не главными элементами. Но сильное государство, способное выступать на международной арене державой, невозможно создать, опираясь только на интересы господствующих общественных группировок. Для существования и эффективного функционирования такого государства необходим режим законности, обеспечивающий подчинение населения и государственных служащих общим интересам и создающий условия для проведения государственной политики, соответствующей интересам всего общества. В условиях, сложившихся к 1938 года в СССР и в окружавшем его мире, только такое государство могло сохранить нашу страну и установившийся в ней социалистический общественный строй. Юридическая наука, сложившаяся в Советском Союзе, в

³⁰ Там же.

³¹ «Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой» (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление Народного комиссариата юстиции. 12 декабря 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1919. № 66. 28 декабря. С. 841.

³² Там же. С. 842.

предшествовавшее время, перестала соответствовать потребностям страны. Вместо нее должна была сформироваться новая наука, в которой такие категории, как правовая норма, закон, законность, являлись бы главными, определяющими и содержание научных трудов, и характер юридического образования, а значит и общественное сознание.

Думается, Вышинский все это вполне ясно сознавал. Именно поэтому, обратившись к советской юридической науке, он подверг весьма жесткой критике доктрину уголовного права, сформулированную Н.В. Крыленко. И вполне логично, что еще одной своей жертвой он избрал П.И. Стучку. Именно *Петр Иванович Стучка* был самым авторитетным выразителем трактовки права как системы общественных отношений. Он являлся одним из творцов «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР», где это понимание права выразилось в предельно ясной форме. Этот документ и напечатан был за его подписью как заместителя наркома юстиции. Выступая 10 октября 1922 года в Институте советского права с докладом «Заметки о классовой теории права», Петр Иванович признал, что определение права, приведенное в «Руководящих началах...», хотя и не было создано им, но принято было при его участии. Он сказал: «Я признаю недостатки в формулировке этого определения, но настаиваю на том, что оно принципиально правильно. Я понимаю право, как систему или порядок общественных отношений, соответствующий интересам господствующего класса и т.д. Ему противопоставляется право, как “совокупность норм поведения” или “норм внешнего регулирования”, “система внешне-обязательных социальных норм” и т.д.»³³. Сообщая далее о том, что за это смешение производственных и правовых отношений его критиковали, Стучка напомнил, что это «смещение» допустил Карл Маркс, который в предисловии «К критике политической экономии» «говорит “об отношениях производства” или, выражаясь по-юридически, “отношениях собственности”. А разве кто-либо станет отрицать, что отношения собственности есть именно “отношения правовые”»³⁴.

27 апреля 1938 года Вышинский выступил с докладом «Вопросы права и государства у К. Маркса» на заседании отделения общественных наук АН

³³ Стучка П.И. Заметки о классовой теории права // Советское право. Журнал Института советского права. 1922. № 3. С. 6.

³⁴ Там же. С. 10.

СССР. Начав с характеристики взглядов Карла Маркса, Вышинский обратился к работам П.И. Стучки, заявив, что в них «имеется ряд серьезных ошибок, ряд антимарксистских, антиленинских положений, дающих извращенное представление о существе и значении советского права в эпоху социализма»³⁵. Первой принципиальной ошибкой прокурор СССР назвал определение П.И. Стучкой самого понятия права как системы общественных отношений и попытку представить его марксистским. «Стучка доказывал, — пояснил Вышинский, — что юридические или правовые отношения это и есть производственные отношения и что, следовательно, право и есть форма этих отношений. Но Стучка пользуется неправильным переводом цитируемого им места из предисловия «К критике политической экономии» или сам неправильно переводит немецкий текст. П.И. Стучка выражение Маркса “oder was nur ein juridischer Ausdruck dafür ist” переводит словами: «или, выражаясь по-юридически», тогда как эти слова надлежит перевести так: «или — что является только юридическим выражением этого». Разница очевидная. Разница, устраняющая всякую возможность толковать известные указания К. Маркса и Ф. Энгельса так, что правовые отношения якобы и есть производственные отношения или, что еще менее правильно, *система* общественных и именно производственных отношений»³⁶.

Вышинский нашел весьма убедительный для того времени способ показать ошибочность определения права как системы общественных отношений. Данное определение игнорировало значение права как системы правовых норм, принижало роль закона в социалистическом обществе. Но это был не единственный и не самый пагубный для Советского государства и общества порок революционного направления в советском правоведении. Формирование юридической науки, соответствующей общенародному характеру Советского государства и потребностям советского общества, стоявшего в преддверии страшных испытаний, требовало пересмотра практически всех прежних правовых доктрин и создания принципиально новой правовой идеологии и соответственно — новой юридической науки.

³⁵ Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. Доклад на заседании отделения общественных наук 27 апреля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 3. С. 24.

³⁶ Там же. С. 24–25.

-2-

Советская теория права

Определяющим событием в формировании теоретических основ советского правоведения стало совещание по вопросам науки советского права и государства, прошедшее в Москве с 16 по 19 июля 1938 года. В нем приняли участие около 600 человек, представлявших юридическую общественность разных республик, краев, областей, городов. Среди них были профессора и преподаватели юридических вузов, факультетов и кафедр, сотрудники научно-исследовательских учреждений, работники суда, прокуратуры и наркомата юстиции СССР.

Совещание заслушало и обсудило доклад прокурора СССР и по совместительству директора Института права Академии Наук СССР А.Я. Вышинского «О задачах науки советского социалистического права», рассмотрело предложения о совершенствовании работы журнала «Советское государство» и развитии сотрудничества Института государства и права АН СССР с юридическими вузами и научно-исследовательскими учреждениями³⁷.

С докладами по второму и третьему вопросам выступил ученый секретарь Института права АН СССР Я.Н. Уманский. Из всего сказанного им самым главным был вывод о том, что «для научно-теоретического обобщения и разработки всех областей советского социалистического права, научной систематизации теории советского права на основе марксо-ленинской методологии, успешной ликвидации последствий вредительства в области права и государства настоятельно требуется объединение всего лучшего, всего талантливого во всех областях знания права и государства, имеющегося в нашей советской стране»³⁸. Этот вывод определял основную задачу мероприятия.

Речь Вышинского, произнесенная на открытии совещания, должна была привлечь особое внимание участников. Перед выступлением докладчика слушателям раздали тезисы, поскольку предполагалось последующее обсуж-

³⁷ См.: Турецкий В. I Совещание по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Советское государство. 1938. № 4. С. 119–129. Уманский Я.Н. Первое совещание по вопросам науки советского государства и права // Социалистическая законность. 1938. № 9. С. 124–126.

³⁸ Цит. по: Турецкий В. I Совещание по вопросам науки советского государства и права. С. 127.

дение их на совещании. Главную цель своего доклада Вышинский видел в том, чтобы «обрисовать лишь основные задачи», стоявшие перед советской правовой наукой в целом и перед отдельными юридическими дисциплинами в частности³⁹. По его мнению, характеристика и определение этих научных задач имели особое значение в виду того обстоятельства, что в течение довольно продолжительного времени направление советской науки права «не соответствовало интересам дела социалистического строительства; по крайней мере очень во многих отношениях это направление науки было не тем, каким оно должно было бы быть». Объясняя причину этого положения, Андрей Януарьевич подчеркнул: «В науке права в течение ряда лет почти монопольное положение занимала группа людей, оказавшихся провокаторами и предателями, людей, которые сумели под маской защитников марксизма-ленинизма, под маской ратоборцев за ортодоксальный марксизм, за марксистско-ленинскую методологию в действительности творить дело предательства и нашей науки, и нашего государства, и нашей отчизны»⁴⁰.

Вышинский мог бы указать целый ряд имен правоведов и государственных деятелей, вредивших, как он утверждал, советской юридической науке⁴¹, но ограничился упоминанием лишь Бухарина, Пашуканиса, Крыленко и Бермана⁴². Их самым большим ударом по советскому правоведению, прокурор СССР назвал **доктрину отмирания государства при социализме**. По его словам, «извращая марксистскую теорию о государстве, Бухарин, Пашуканис и компания рисовали схему отмирания государства после победы пролетарского государства в таком виде, что эту схему, и в особенности в свете последних фактов, установленных в судебных процессах по делу так называемого “правотроцкистского блока”, нельзя рассматривать иначе, как

³⁹ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского государства и права 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ О репрессиях, обрушившихся в 1937–1938 гг. на советских правоведов см. подробнее: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья 28 // Законодательство. 2019. № 11. С. 90–91.

⁴² Вышинский имел в виду Якова Леонтьевича Бермана (1888–1937), специалиста в области государственного права, занимавшего до своего ареста пост заместителя председателя Верховного Суда РСФСР и должность директора отделения советского строительства и права в Институте красной профессуры.

продолжение той же самой провокаторской политики, направленной на то, чтобы открыть ворота границ нашим врагам, чтобы обеспечить им возможность безболезненного вторжения в пределы нашей страны»⁴³. Основание для такой оценки Вышинский усматривал в утверждениях Бухарина и Пашуканиса о том, что государство пролетарское отмирает с первого момента его возникновения, причем таким образом, что «сперва отмирает армия и флот, как орудия наиболее острого внешнего принуждения, потом отмирает система карательных и репрессивных органов, далее — принудительный характер труда и т. д.»⁴⁴.

Обрушиваясь на вождя правых, расстрелянного четыре месяца назад по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, Вышинский старался внушить мысль о том, что оппозиционеры совсем не случайно требовали как можно скорее ликвидировать армию и флот. «Измена Тухачевского, — заявлял он, — измена целого ряда людей шла по той же линии провокаторской деятельности, которую в области теории культивировали Бухарин, Пашуканис и компания. Попытка пропагандировать мысль о неизбежном отмирании уже теперь армии и флота, а, следовательно, попытка свернуть работу по усилению нашей обороноспособности преследовала цель отдать нашу страну со связанными руками во власть врагов. Проповедь отмирания карательных и репрессивных органов означала попытку отдать нас со связанными руками и всю нашу страну в разбойничьи лапы вредителей, террористов и диверсантов»⁴⁵.

Основное содержание работы правоведов, примыкавших к Бухарину и Пашуканису, составляли, утверждал в своем докладе Вышинский, грубейшие искажения по всем линиям науки советского государства и права. Их предательские, вредительские извращения, отмечал он, «привели к крупнейшим прорывам в нашей науке по всему ее фронту, а на некоторых участках привели к полной ликвидации научной разработки юридических проблем, к ликвидации даже целых юридических дисциплин»⁴⁶.

Окончательный вывод, который сформулировал прокурор СССР, был похож на приговор всей советской юридической науке, сложившейся за два десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции: «В

⁴³ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 9.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 12.

сущности говоря, то, что было до сих пор этими господами преподносимо под видом “теории” “права”, представляло собой самую беззастенчивую фальсификацию науки права»⁴⁷.

Обвиняя Пашуканиса, Крыленко и Бермана в систематическом саботаже научной работы, сознательного срыве ее организации, в провале мероприятий по подготовке молодых научных кадров, Вышинский утверждал, что их разрушительная работа, затронув все основные теоретические вопросы государства и права, отрицательно повлияла и на юридическую практику. Тон его выступления был в этой части доклада особенно резким: «Проповедь вредительских “теорий” отмирания права и государства, “выветривания” права, советского права, как “права без справедливости”, как буржуазного права, проповедь построения советских уголовных кодексов, как кодексов без общей и особенной частей, проповедь “хозяйственного права”, превращавшего человека в хозяйственную “единицу”, — весь этот бред не мог не ударить самым чувствительным образом и по практической работе органов юстиции в целом»⁴⁸.

Подобные оценки состояния советской юридической науки означали, что до сих пор не сложились ее теоретические основы, соответствовавшие социалистической сущности советского права. Одни советские правоведы (Е.Б. Пашуканис и его сторонники) пытались взгромоздить советское правоведение на теоретический фундамент буржуазного права, другие (Н.В. Крыленко и его приверженцы) стремились утвердить советское правоведение на принципах революционного правосознания и революционной целесообразности. Формирование теоретических основ советского правоведения предполагало поэтому прежде всего освобождение его от чуждых ему доктрин, учений и теорий и Вышинский считал данный процесс в высшей степени актуальным и необходимым.

В докладе на совещании по вопросам науки советского государства и права прокурор СССР говорил об этом, используя предельно жесткие политические выражения: «Важнейшая задача, стоящая в настоящее время перед всеми научными работниками в области науки права и государства, заключается в окончательном выкорчевывании, в полной и до конца ликвидации всех остатков этих провокаторских измышлений, т. е. в полном и

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 13.

до конца очищении авгиевых конюшен нашей правовой науки от грязи, от всей гнусности вражеских “теорий”, от всего того хлама, который, к сожалению, накоплялся у нас целые годы, от всех вражеских “теорий”, имевших у нас хождение в значительной мере (надо прямо и честно это сказать) по нашей вине, по нашей недопустимой доверчивости к различным авторам, которые попросту оказались иностранными полицейскими шпииками, полицейскими лазутчиками и шпионами»⁴⁹.

«Вражеские» измышления и теории Вышинский призвал заменить идеями Маркса-Энгельса-Ленина, отметив при этом, что «богатейшее наследство марксизма-ленинизма в области права не только не изучено, но оно не систематизировано, оно остается нередко на книжных полках, вместо того, чтобы быть предметом самого пламенного изучения со стороны десятков и сотен наших и новых и старых научных работников»⁵⁰.

Указав, что перед советскими правоведами стоят «крупнейшие» задачи юридической разработки ряда вопросов социалистического строительства, Вышинский подчеркнул, что «эта разработка возможна лишь при условии полного и последовательного овладения марксизмом-ленинизмом, всем учением Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина»⁵¹.

Одной из важнейших задач, которую советским правоведам надлежало решить после освобождения правоведения от чуждых ему идей, Вышинский определил «всестороннее и исчерпывающее овладение наукой и культурой капиталистического общества»⁵². При этом он отметил, что изучение научного юридического наследия прошлого будет плодотворным лишь при условии критического отношения к нему, «преодоления узкого кругозора буржуазного мышления – буржуазной методологии науки», оценки его с точки зрения марксистско-ленинского учения.

Настаивая на изучении иностранного правоведения, Вышинский отмечал, что «использование этого материала, привлечение его к нашей созидательной, творческой работе оказывается весьма затруднительным вследствие того поразительного хаоса, той поразительной путаницы в науке буржуазного права, которые там существуют до сегодняшнего дня»⁵³.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 15.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 14.

⁵³ Там же. С. 15.

Бессилие буржуазной правовой науки в решении острейших юридических проблем Вышинский связывал с порочностью господствовавшего в ней «юридического метода исследования, который уходит от конкретных особенностей исследуемых явлений»⁵⁴. Он пояснял, что «юридический метод означает логическое оперирование понятиями и представлениями, вместо оперирования явлениями, скрывающимися под покровом этих понятий и представлений. Это чисто логический метод, рассматривающий явления как таковые, существующие для себя и в себе, как явления замкнутые, черпающие свое начало и свой конец в самих себе»⁵⁵. Такой метод, заключал Вышинский, не подходил для научных исследований, и с его помощью невозможно было создать советскую науку общей теории права и государства.

В качестве примера бесплодности любых усилий, направленных на достижение этой цели посредством догматико-юридического метода, Андрей Януарьевич привел теоретические разработки Е.Б. Пашуканиса в области юриспруденции. По словам Вышинского, деятельность этого правоведа мешала «юридической разработке теории права вообще и государственного права в частности», поскольку он «утверждал, что наиболее общие и простейшие юридические понятия являются результатом логической обработки норм позитивного права», и поэтому отрицал самую возможность построения такой теории⁵⁶. «Если действительно так представлять себе самый процесс организации или выработки теории права, что общая теория права является результатом лишь “логической обработки норм позитивного права”, то, конечно, никакой общей теории права создать нельзя», — констатировал Вышинский.

Действительно, Пашуканис писал, что «общую теорию права можно определить как развитие основных, т.е. наиболее абстрактных юридических понятий. К последним относятся такие, например, определения, как “юридическая норма”, “юридическое отношение”, “субъект права” и т.п. Благодаря своей абстрактной природе эти понятия одинаково приложимы к любой отрасли права. Их логическое и систематическое значение остается тем же самым, независимо от того, к какому конкретному содержанию они

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 16.

⁵⁶ Там же. С. 17.

прилагаются»⁵⁷. Однако Пашуканис не отрывал абстрактные юридические категории от экономической жизни общества, о чем свидетельствует, например, следующее его высказывание: «Те основные юридические абстракции, которые порождаются развитым юридическим мышлением и представляют собой ближайшие определения юридической формы вообще, отражают собой определенные и притом весьма сложные общественные отношения»⁵⁸. К выводу о невозможности появления общей теории социалистического права Евгений Брониславович пришел, так как думал, что «только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности»⁵⁹. Отсюда вытекал следующий его тезис: «Отмирание категорий (именно категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание категории стоимости, капитала, прибыли и т.д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появление новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т.д. Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, т.е. постепенное исчезновение юридического момента в отношениях людей»⁶⁰.

Такой подход к сущности права заставлял Пашуканиса выстраивать общую теорию права на теоретических основаниях буржуазного права. Профессор Ленинградского юридического института М.Я. Раппопорт назвал данный способ построения теории государства и права методологически порочным. «Ведь основные правовые категории, — пояснял он свою оценку идей Пашуканиса, — представляют собой наиболее основные определения исторических правовых систем. Можно ли при таких условиях строить систему категорий, общую для нашего государства и права и типов государств и систем права эксплуататорских классов?»⁶¹. На этот вопрос Раппопорт отвечал отрицательно. Отстаивая положение о недопустимости теории государства и права как системы основных государственно-правовых

⁵⁷ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Издание третье. М., 1927. С. 11.

⁵⁸ Там же. С. 19.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 22.

⁶¹ Раппопорт М.Я. Вредительство на правовом фронте и проблема теории государства и права // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 15.

категорий, общей для советского социалистического государства и права и для государства и права эксплуататорских обществ, он отмечал, что «общие понятия и определения возможны лишь при том условии, если это обосновывается общностью существа самих явлений. Буржуазное государство и право имеет, конечно, свои отличительные особенности по сравнению с рабовладельческим и феодальным типами государства и системами права. Однако, поскольку все эти типы государства и системы права представляют собой разновидности государства и права эксплуататорских классов, здесь возможны и общие определения, пусть хоть на известной ступени абстракции. Но принципиально иначе стоит вопрос в отношении нашего государства и права: речь идет о государственно-правовой системе не просто новой, отличной от предшествующих, а об антагонистичной им, подчиненной принципиально отличным закономерностям. Вот почему никаких определений и понятий, общих для нашего государства и права и для государства и права эксплуататорских классов, нет и быть не может»⁶².

Данный пример показывает, что выбор способа построения общей теории права и государства находился в прямой зависимости от понимания сущности права и методологии его изучения.

Вышинский в докладе, прочитанном на совещании по вопросам науки советского государства и права, предложил следующее понимание сущности и предназначения науки общей теории права: «Теория права это есть система правовых принципов, на основе которых строится вся наука права, все отрасли науки права, независимо от их конкретного содержания. Ясное дело, что выработка этих принципов не может брать свое начало в нормах позитивного права. Наоборот, нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права, опирающейся в свою очередь на принципы социализма, социалистической революции, социалистического государственного и общественного строя. Следовательно надо выработать сначала принципы теории права. А выработать их можно не из права, хотя бы позитивного, а из жизни, откуда они и берут свое начало, берут все свои истоки, вбирают в себя всю свою жизненную силу, из содержания общественных отношений, в основе которых лежат производственные

⁶² Там же.

отношения данного общества, из особенностей данного общественного и государственного строительства»⁶³.

Из приведенных слов можно сделать вывод о том, что в представлении Вышинского общая теория права и государства аналогична марксистско-ленинской теории права и государства, а значит это теория, применимая только к советскому праву и государству. В дальнейшем изложении доклада Вышинский сформулировал эту мысль более четко: «Ставя вопрос о марксистско-ленинской теории права и государства, или, как ее называют, общей теории права и государства, т. е. такой теории права и государства, которая давала бы систему принципиальных положений, обязательных для направления и разработки всей науки права в целом и каждой из конкретных юридических дисциплин в отдельности, мы имеем в виду принципы, отличающие советское право от права буржуазного. Советская теория права и государства должна дать систему советских социалистических принципов, объясняющих и обуславливающих социалистическое содержание советских юридических дисциплин и юридических институтов»⁶⁴.

* * *

Ключевым положением любой теории права и государства является, безусловно, определение сущности права. В устном варианте доклада на совещании правоведов Вышинский представил следующую дефиницию: «Право – совокупность правил поведения, установленных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса, а также санкционированных государственной властью обычаев и правил общежития, осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»⁶⁵. В письменном тексте, подготовленном для публикации в журналах, определение было слегка изменено: **«Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных**

⁶³ Там же. С. 18.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 234 (сноска 1).

государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»⁶⁶.

Представляя новое определение права, Вышинский сообщил, что это плод коллективных усилий сотрудников Института права Академии наук СССР и оно не является окончательным, а представляет собой лишь первую попытку дать определение права, «только первое приближение к определению».

Приведенная формулировка выражала отказ от понимания права как системы общественных отношений, которое сложилось в первые годы существования Советского государства и составляло главную доктрину революционного направления в советском праве.

Поясняя новое определение права, Вышинский отмечал, что «право не есть система общественных отношений, право не есть форма производственных отношений, право есть совокупность правил поведения, или норм, но не только норм, но и обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и защищаемых ею в принудительном порядке»⁶⁷. Вместе с тем он подчеркивал, что данное определение «ничего общего не имеет с нормативистскими определениями». Порочность нормативизма, выразившегося наиболее отчетливо в произведениях французского правоведа Леона Дюги (1859–1928) и американского правоведа Ганса Кельзена (1881–1973), Вышинский видел в том, что такой подход к праву отрывает данное явление от тех общественных отношений, которые обуславливают в действительности его содержание. Определяя право как совокупность норм, нормативисты «ограничиваются этим моментом, понимая самые нормы права как нечто замкнутое в себе, объясняемое из самих себя»⁶⁸. «Они не видят в праве, — подчеркивал Вышинский, — выражения воли господствующих в обществе классов; они не видят в праве выражения господствующих в данном обществе классовых интересов, не видят того, что закон и право черпают свое содержание в

⁶⁶ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского государства и права 16 июля 1938 г. // Советское право. 1938. № 4. С. 27.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

определенных экономических или производственных условиях, господствующих в обществе. В конечном итоге производство и обмен определяют весь характер общественных отношений. Право есть регулятор этих общественных отношений»⁶⁹.

Объясняя смысл выработанного в Институте права АН СССР определения права как совокупности правил поведения, Вышинский указывал, что оно исходит из отношений господства и подчинения, выражающихся в праве, и полностью соответствует марксистско-ленинской методологии. Он признавал возможность неполноты, неточности предложенной конструкции и говорил, что «нужно это определение всесторонне и самым внимательным, критическим образом обсудить и проверить. Такой вопрос, разумеется, не решается простым голосованием, принятием резолюции. Но общее мнение специалистов-юристов нужно сформулировать»⁷⁰.

При обсуждении доклада А.Я. Вышинского «О задачах науки советского социалистического права» именно данное в нем новое определение права привлекло наибольшее внимание ученых. Выступавший в прениях первым сотрудник Института права АН СССР Н.Н. Полянский сказал весьма примечательные слова, показывающие, какой переворот в советской юридической науке произвело изложенное Вышинским новое понимание сущности права: «Я думаю, что огромное большинство из нас встретило это определение со вздохом облегчения, потому что очень долго над нами тяготело явно неприемлемое, стеснявшее нас определение права, которое как-то приходилось обходить для того, чтобы высказать то или другое суждение о праве. Каким мучительным моментом для каждого из нас была в свое время вводная лекция, когда во что бы то ни стало из определения права надо было изгнать указание на то, что оно есть совокупность правил или норм. Для того, чтобы употребить это выражение, нужно было еще недавно проявить известную решимость, потому что слово «норма» для ряда юристов было приблизительнона тем же, чем для замоскворецкой купчихи было слово “жупел”; достаточно было сказать “право — совокупность норм”, чтобы ваша работа пошла на литературное кладбище. Поэтому я думаю, что

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 28.

предложенное определение права все здравомыслящие юристы будут, конечно, приветствовать и примут его с большим сочувствием»⁷¹.

Сославшись на то, что предложенное в докладе определение права «конечно, не претендует на то, чтобы быть окончательно точно выражающим то, что авторы хотели выразить», Н.Н. Полянский попросил дозволения отметить то, что на его взгляд требует исправления. «Возьмем самое начало: “Право — совокупность правил поведения” . Мне кажется, — сказал он, — что выражение “правил поведения” перешло в это определение из дореволюционной литературы. Разве нормы права всегда заключают в себе правила поведения? Разве мало норм чисто организационных, или норм, определяющих компетенцию, норм, о которых очень трудно сказать, что они содержат в себе какие-то правила поведения?»⁷².

В качестве примера нормы права, определяющей компетенцию и не являющейся правилом поведения, Полянский привел статью 39 Конституции 1936 года, в которой устанавливалось, что «закон считается утвержденным, если он принят обеими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой». «Бесспорно, что это — норма, которая содержит в себе приказ: считать утвержденным закон при таких-то условиях, — пояснил правовед. — Она подобна всякой норме, содержащей в себе приказ или запрет. Но видеть в этой норме правило поведения было бы странно. Во всяком случае это можно было бы сделать с очень большой натяжкой и весьма искусственно. Едва ли для кого-либо эта норма устанавливает правила поведения. Правила поведения рассчитаны, главным образом, на личность, на индивидуум, но не на государственную организацию и не на деятельность, состоящую в организации учреждения»⁷³.

Еще одним примером правовой нормы, которую нельзя рассматривать как правило поведения, а правильнее назвать приказом, Полянский назвал предписание, устанавливающее деление Верховного Суда на те или иные коллегии. В результате этих рассуждений Полянский сделал вывод о том, что при определении сущности права «было бы лучше сказать: право есть

⁷¹ Полянский Н.Н. Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 131–132.

⁷² Там же. С. 132.

⁷³ Там же. С. 132–133.

совокупность норм, а так как норма это приказ или запрет, то право есть совокупность приказов и запретов»⁷⁴.

В 1961 году в Оксфорде вышла в свет книга английского правоведа Герберта Харта «The Concept of Law»⁷⁵, которая в настоящее время признается специалистами одним из самых выдающихся произведений в области юриспруденции XX века, крупнейшим вкладом в развитие науки о праве⁷⁶. Одной из основных идей этой книги стало деление правовых норм на два типа: 1) правила, которые можно считать базовыми или первичными, предписывающие делать что-либо или воздерживаться от определенных действий, и 2) правила, которые являются вторичными по отношению к первым, так как позволяют ввести в действие новые правила первого типа, удалить или изменить старые или различными способами изменить сферу их применения и установить контроль над их исполнением. По словам Г. Харта, «правила первого типа устанавливают обязанности; правила второго типа облачают властными полномочиями, публичными или частными. Правила первого типа касаются действий, состоящих в физических движениях или переменах; правила второго типа предусматривают совершение действий, которые приводят не только к физическому движению или перемене, но и к созданию или изменению обязанностей или обязательств»⁷⁷.

⁷⁴ Там же. С. 133.

⁷⁵ В русском переводе эта книга была издана под названием «Понятие права» (СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007). Более правильным русским ее названием является, по моему мнению, — «Понимание права». Герберт Харт не ставил своей целью раскрыть понятие права, показать сущность этого явления. Он предпринял попытку наметить наиболее оптимальный путь познания права. «Моя цель в этой книге, — сообщил он в самом начале своего предисловия, — состояла в том, чтобы **углубить понимание** права, принуждения и морали как различных, но взаимосвязанных социальных явлений (My aim in this book has been to further the understanding of law, coercion, and morality as different but related social phenomena)» (Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford, 1961. P. V).

⁷⁶ «Опубликованная в 1961 году "Концепция права", несомненно, является самой важной книгой в области аналитической юриспруденции, появившейся за многие годы», — писал в 1963 г. в своей рецензии на книгу Герберта Харта американский правовед Роберт Сэмюэл Саммерс (*Summers R.S. Professor H.L. Hart's Concept of Law // Duke Law Journal*. 1963. No 4. P. 629).

⁷⁷ «Rules of the first type impose duties; rules of the second type confer powers, public or private. Rules of the first type concern actions involving physical movement or changes; rules of the second type provide for operations which lead not merely to physical movement or change, but to the creation or variation of duties or obligations» (Ibid. P. 79).

Выделение Гербертом Хартом наряду с нормами поведения норм признания современные правоведы считают одной из наиболее интересных идей в мировой юриспруденции XX века⁷⁸. Между тем эту идею задолго до английского правоведа высказал советский правовед *Николай Николаевич Полянский* (1878–1961), выступая на первом совещании по вопросам науки советского государства и права, которое проходило в Москве с 16 по 19 июля 1938 года.

- 3 -

В определении права, сформулированном А.Я. Вышинским в докладе на совещании по вопросам науки советского государства и права 1938 года, одним из главных сущностных его признаков называлось обеспечение применения правовых норм принудительной силой государства. Н.Н. Полянский, выступая при обсуждении доклада, предложил уточнить, что государственное принуждение не во всех случаях необходимо для соблюдения всех правовых норм. «Конечно, из марксистско-ленинского определения права этот признак не может быть исключен, — сказал он, — но, по-моему, он не совсем на месте назван, потому что неверно, что все правила, образующие право, осуществляются в принудительном порядке. Есть в пирамиде права сверху и снизу такие нормы, которые не осуществляются в принудительном порядке. В области, например, гражданского права имеется большое количество диспозитивных норм, которые оттого и диспозитивные, что они в принудительном порядке осуществлены быть не могут. Есть такие нормы, как, например, норма, требующая, чтобы договор займа свыше известной суммы облекался в письменную форму. Разве эта норма осуществляется принудительным порядком? Никогда. Никого нельзя заставить заключать договор в письменной форме. Указанное правило есть правовая норма, но она лишь содержит в себе условие, при котором я могу осуществить в принудительном порядке свое право требовать возвращения одолженной суммы»⁷⁹.

Полянский согласился с тем, что указание на государственное принуждение в определении права надо оставить, но заметил, что правильнее было бы говорить об охране принудительным порядком не

⁷⁸ См. об этом, например: *Lamond G. The Rule of Recognition and the Foundations of a Legal System // Reading H.L.A. Hart's The Concept of Law. Oxford and Portland, 2013. P. 179–225.*

⁷⁹ *Полянский Н.Н. Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 134.*

правовых норм, а системы общественных отношений, выгодных для господствующего класса. Соответственно определение права он предложил сформулировать следующим образом: *«Право есть совокупность приказов и запретов, установленных или признанных государственной властью, как властью господствующего класса, закрепляющих и развивающих общественные отношения и порядки, выгодные и удобные господствующему классу и принудительно им охраняемые при помощи государственного аппарата»*⁸⁰.

В своем заключительном слове Вышинский отверг предложенное Полянским определение, в котором право представлялось совокупностью не правил поведения, установленных государством, а исходящих от государственной власти приказов и запретов. Он постарался убедить слушателей в том, что статья 39 Конституции СССР, — установившая порядок утверждения закона и на которую Полянский ссылался как на доказательство того, что многие правовые нормы не содержат каких-либо правил поведения, а представляют собой нормы чисто организационные, — составляет несмотря ни на что именно правило поведения. «Статья 39, — утверждал Вышинский, — значит не больше, не меньше, что члены палат должны вести себя определенным образом, чтобы принятое ими решение стало законом; что лишь при наличии с их стороны поведения, при котором их воля выразится в такой-то формуле, их решение будет законом. Этот пример никоим образом не бьет по моему определению, нисколько не колеблет силы этого определения»⁸¹.

Не принял Вышинский и утверждения, согласно которому правило поведения относится к людям, но не к учреждениям. «Разве учреждение не состоит из людей, — возразил он, — разве учреждение — это не живые люди, и разве за учреждение не несут ответственности те же самые люди?»⁸².

Недостатком определения права, предложенного Полянским, Андрей Януарьевич назвал и отсутствие в нем указания на обычаи и на правила общежития. Это ставит вне права, пояснил он, «все так называемое обычное право», нормы шариатских судов, признававшиеся нашим государством, и другие правовые установления, не исходящие от государства.

По мнению Вышинского, определение права как совокупности приказов и запретов оставляет открытым вопрос о диспозитивных нормах, которых

⁸⁰ Там же. С 135.

⁸¹ Заключительное слово тов. А. Я. Вышинского // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 239-240.

⁸² Там же. С. 240.

много, например, в гражданском праве. «Мы же ищем, — отметил он, — общее определение, и не только для советского права, мы ищем определение для всякого права, и не только для какой-нибудь специальной правовой дисциплины, или права как предмета, как специального вида права, но для права в целом»⁸³.

Легко опроверг Вышинский и возражение профессора Полянского против использования термина «правила поведения» на том основании, что он заимствован якобы из дореволюционного права. «Но слова “закон”, “указ”, “приказ” тоже были известны дореволюционному праву», — напомнил прокурор СССР. «Понятие “правила поведения”, — указал он, — шире понятия закона. “Правила поведения” это — нормы. Но почему предпочтительно это иностранное слово слову русскому? Это непонятно»⁸⁴.

Не поддержал предложенное Вышинским определение права и преподаватель Всесоюзного института юридических наук при Наркомате юстиции СССР А.К. Стальгевич. Его выступление при обсуждении главного доклада было одним из самых продолжительных и содержало больше всего замечаний к докладу Вышинского⁸⁵. Спор Стальгевича с прокурором СССР стал одним из важнейших событий июльского 1938 года совещания по вопросам науки советского государства и права, и Вышинский посвятил рассмотрению критики этого оппонента почти семьдесят процентов своего заключительного слова⁸⁶.

Альфред Кришьянович построил свое выступление при обсуждении доклада Вышинского весьма хитроумно. Он не отверг предложенное Вышинским определение права, но признал его правильность **только с политической, а не научной** точки зрения. Отметив, что Вышинский прав, называя свое определение права предварительным и неполным, Стальгевич довольно категорично заявил, что «оно является односторонним. Это определение не охватывает всех основных сторон, всего значения права»⁸⁷.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 241.

⁸⁵ *Стальгевич А.К.* Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 143–149.

⁸⁶ Заключительное слово тов. А. Я. Вышинского. С. 242–255.

⁸⁷ *Стальгевич А.К.* Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского. С. 145.

После этих слов Стальгевич привел цитаты из «Манифеста Коммунистической партии» и «Немецкой идеологии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в которых право представлялось в качестве возведенной в закон воли господствующего класса. «Исходя из этих положений Маркса и Энгельса, — сказал он, — я считаю правильным утверждение, что всякое право есть возведенная в закон воля господствующего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования господствующего класса. Считаю, что, когда формулируется понятие права, нам это положение нужно иметь в виду»⁸⁸.

Данное заявление звучало как упрек Вышинскому в недостаточном учете при разработке определения права идей классиков марксизма-ленинизма. Однако главную идею этого определения, представляющую право совокупностью правил поведения, Стальгевич отнес к числу его достоинств. «В определении тов. Вышинского, — сказал он, — с особой силой подчеркнута роль закона, роль юридических норм, правил поведения, изданных и охраняемых государственной властью. Вопрос о законе и его роли должен быть поставлен особенно резко... Вредители, враги народа, всемерно искажая вопросы государства и права, принижали значение закона, подрывали законность. Стучка, вредительски формулируя вопрос о праве, отбрасывал закон, игнорировал и принижал роль закона. В его определении права нет положения о роли и значении закона. Сильной стороной определения права тов. Вышинского является именно то, что вопрос о законе поставлен особенно четко»⁸⁹.

Отметив политические достоинства определения права, данного Вышинским, Стальгевич оценил его с научной точки зрения как недостаточное. Указанием на совокупность правил поведения, заметил он, не исчерпывается определение права, ибо право шире правовых норм. «Право необходимо рассматривать и как определенный порядок»⁹⁰. Для подтверждения своего суждения Стальгевич сослался на высказывания Ленина о том, как совершается на практике пролетарская революция и устанавливается диктатура пролетариата. Ленин утверждал, что народ сам непосредственно выступает на политическую сцену, сам “чинит суд и

⁸⁸ Там же. С. 146.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 147.

расправу, применяет власть, творит новое революционное право”»⁹¹. По мнению Стальгевича, Ленин в данном случае имел в виду, что «трудящиеся массы в пролетарской революции ломают старые общественные отношения и устанавливают новый революционный порядок, создают новый порядок общественного и государственного устройства, новый порядок поведения»⁹². Сославшись в подтверждение своих умозаключений на постановление второго Всероссийского съезда советов, в котором говорилось о том, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны на местах обеспечить подлинный революционный порядок, Стальгевич задался вопросом: «А что собой представляет этот подлинно революционный порядок?». И сам себе ответил: «Советское социалистическое право и является подлинно революционным порядком»⁹³.

Подобным же образом Стальгевич истолковал и высказывание Сталина о революционном порядке. «Товарищ Сталин, — напомнил он, — в беседе с Уэллсом сказал: “В-третьих, нужна власть, как рычаг преобразования. Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком”». Из этого высказывания Стальгевич сделал вывод о том, что «новый революционный порядок и является нашим советским социалистическим правопорядком»⁹⁴, и заявил: «Вот почему, формулируя определение права, необходимо иметь в виду, что право является волей господствующего класса, возведенной в закон, системой или совокупностью норм, изданных и охраняемых государственной властью в интересах господствующего класса, определенным порядком, установленным и охраняемым государственной властью в интересах господствующего класса»⁹⁵.

Отождествление права с общественным порядком не соответствовало его определению как совокупности правил поведения или норм ни с точки зрения фактов, ни с позиции элементарной логики. Право могло сводиться к общественным отношениям только в обществах, где государство еще не сформировалось и потому не сложились общие для всех, незыблемые, охраняемые государственной властью правила поведения. Именно такими

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

являлись общества, существовавшие на пространстве бывшей Российской империи в первые годы после крушения традиционной монархической государственности. По мере формирования на этом пространстве новой государственности и нового законодательства право неизбежно приобретало все более явный нормативный характер и тем самым отделялось от общественного порядка. В течение 1920-х и 1930-х годов в СССР сложилось мощное бюрократическое государство и довольно обширное законодательство. Отождествление права с общественным порядком, да еще наименование этого порядка «революционным» окончательно перестало соответствовать действительному состоянию советского права и советского общества.

Но Вышинский, как он сам неоднократно подчеркивал, стремился выработать определение не только советского права, а любого права, то есть определение, применимое для права каждой страны, а не только СССР. В истории многих стран бывали переходные периоды, когда одна государственность рушилась, а другая только начинала формироваться. Право вполне могло в эти времена отождествляться с фактическими общественными отношениями. Но такие ситуации являлись чрезвычайными, исключительными. Они не могли длиться сколько-нибудь долго. Как правило, рухнувшее государство восстанавливалось или вместо него возникало новое и соответственно формировалась новая нормативно-правовая система.

Отождествление права с общественным порядком, которое допустил А.К. Стальгевич, невозможно было обосновать фактами. Именно поэтому он обратился к классикам марксизма-ленинизма, чьи мнения в соответствии с требованиями официальной советской идеологии должны были восприниматься учеными как истины, не требующие доказательств. Однако нигде в произведениях Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Ленина и Сталина право прямо не отождествлялось с общественным порядком. Поэтому Стальгевич обратился к тем их высказываниям, в которых просто использовались термины «порядок», «революционный порядок», «революционное право», и сделал выводы, которые из них совсем не вытекали, но в полной мере соответствовали его логике.

Вышинский довольно резко отреагировал на выводы Стальгевича и на тот метод, который он применил для их обоснования. «Тов. Стальгевич, —

сказал прокурор СССР в заключительном слове, — не только сделал попытку вернуть нас к стучкианскому определению права, как порядка общественных отношений, а — что еще более важно отметить — пытался подкрепить свою попытку ссылкой на В. И. Ленина. Тов. Стальгевич процитировал следующее место из статьи Ленина *“Победа кадетов и задачи рабочей партии”*: “...ибо народ, масса населения, неоформленная, “случайно” собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право”, и добавил: “творит революционное право, революционный порядок”. Вышло так, будто Ленин приравнивает революционное право к революционному порядку, т. е. право отождествляет с порядком. Но в словах Ленина нет ни звука о “революционном порядке”. Нельзя не протестовать самым решительным образом против такого безответственного способа цитирования учителей и основоположников марксизма-ленинизма. Между тем у тов. Стальгевича подобный метод цитирования повторяется неоднократно»⁹⁶.

Критикуя умозаключения Стальгевича, Вышинский старался показать научную несостоятельность методики обоснования выводов, присущей не только этому правоведу, но и всему революционному направлению в советском правоведении. Его сторонники опирались в своих трудах преимущественно не на факты действительной правовой жизни общества, а на высказывания классиков марксизма-ленинизма. При этом часто допускалось искажение подлинных мыслей Карла Маркса, Фридриха Энгельса и В.И. Ленина, а нередко к их высказываниям добавлялись фразы, которые на самом деле в их произведениях отсутствовали.

«Тов. Стальгевич не разобрался и не понял того, о чем идет речь в цитированном отрывке Ленина, — говорил Вышинский в своем заключительном выступлении. — Поучая кадетов законам революции, Ленин и говорил о народе, творящем свое, революционное право. Но причем тут “порядок”? О нем у Ленина нет ни слова. Пролетариат, возмущенная негодующая масса, негодующая против всяких насильников, казачьих офицеров Аврамовых и т. п., убивает их на месте, а Стальгевич говорит про какой-то порядок, который-де наводит негодующая, возмущенная народная масса: “Масса творит революционное право”. В чем же заключается это

⁹⁶ Заключительное слово тов. А. Я. Вышинского. С. 242.

революционное право? Оно заключается в том, что “революционная масса творит определенный порядок отношений”.

Ну, знаете, это буквально “в огороде бузина, а в Киеве дядька”. И вот эта цитата приводится для того, чтобы доказать, что по Ленину право есть порядок. Эта цитата приведена здесь некстати, и тов. Стальгевичу нужно отучиться от своей манеры цитирования, т. е. прибавлять к цитатам собственные слова и целые фразы. Основное требование научной работы — это быть объективным, это быть добросовестным и в таком деле, как пользование цитатами»⁹⁷.

Научная недобросовестность Стальгевича проявилась и в обращении с высказываниями Сталина. Произнесенную в беседе с Гербертом Уэллсом фразу Сталина «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком», Стальгевич истолковал таким образом, будто в ней подразумевается, что «новый революционный порядок и является нашим советским социалистическим правопорядком».

Оценивая данную трактовку, Вышинский прежде всего обратил внимание на слова Сталина из указанного интервью, не приведенные Стальгевичем: «Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса. Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность». Из этого высказывания прямо следовало, что Сталин совсем не отождествлял право и порядок. Напротив, он предельно четко разграничивал понятия закона и порядка.

Общая оценка методики использования Стальгевичем высказываний Сталина из интервью Г. Уэллсом, которую огласил в заключительном слове Вышинский, прозвучала как приговор: «Проф. Стальгевич, извращая указания товарища Сталина, говорит: право является порядком. Если принять определение права как порядка, то окажется, что порядок защищает порядок. Это было бы неправильным, было бы прямым извращением марксистско-ленинского учения о праве. Неправильно право отождествлять с порядком, еще более неправильно ссылаться на источники, не дающие для таких утверждений никаких решительно оснований»⁹⁸.

⁹⁷ Там же. С. 243.

⁹⁸ Там же. С. 245.

Думается, именно обвинение в извращении указаний Сталина заставило Альфреда Кришьяновича вставить в стенограмму при подготовке ее текста к публикации следующее покаянное примечание: «Не имея права по существу изменить стенограмму своего выступления, считаю необходимым заявить, что после обсуждения на совещании с определением права тов. Вышинского я целиком и полностью согласен. Одновременно я целиком и полностью отвергаю обвинение меня в продолжении “теоретической линии” Стучки, равно как и в отождествлении права и экономики. Работа совещания, в частности критика моего выступления тов. Вышинским, помогли мне освободиться от остатков отдельных прежних ошибочных положений»⁹⁹.

Опубликованная в 1940 году статья А.К. Стальгевича «К вопросу об определении права» свидетельствует, что ему действительно удалось освободиться от ошибочного отождествления права с общественным порядком. Выступая в июле 1938 года на совещании по вопросам науки государства и права, Альфред Кришьянович говорил: «Право необходимо рассматривать и как определенный порядок»¹⁰⁰. В указанной статье признавалось, что «не всякий порядок является правовым. Право и порядок не тождественны, не сводятся друг к другу. Однако право имеет и должно иметь характер и значение *правопорядка*»¹⁰¹.

Таким образом, после критики со стороны Вышинского Стальгевич стал отождествлять право не с общественным **порядком**, а с **правопорядком**. Если прежде он утверждал, что «новый революционный порядок и является нашим советским социалистическим *правопорядком*», то теперь писал, что «правопорядок — это не просто порядок, а порядок, установленный государственной властью, санкционированный законом и имеющий юридический характер»¹⁰². Соответственно в словах Ленина о том, что народная масса в условиях краха старого порядка «сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право», он увидел несколько другой смысл: «Новое, создающееся в революции право,

⁹⁹ Стальгевич А.К. Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского. С. 143.

¹⁰⁰ Там же. С. 147.

¹⁰¹ Стальгевич А.К. К вопросу об определении права // Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. Ученые записки. 1940. Вып. 1. С. 8.

¹⁰² Там же. С. 9.

выступающее в значении, в смысле определенного порядка, Лениным противопоставляется беспорядку, самоуправству, произволу...»¹⁰³.

Стальгевич не принял предложенного Вышинским для определения права термина «совокупность правил поведения», заменив его на термин «система норм», и счел возможным обойтись без указания на обычаи и правила общежития, санкционированные государственной властью. В сформулированном им определении права выражения классовости этого явления явно доминировали над выражениями нормативности: в нем дважды повторялось словосочетание «господствующий класс». В полном своем варианте это определение имело следующий вид: «Право есть возведенная в закон воля господствующего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования этого класса, выраженная в системе норм, установленных и охраняемых государственной властью в целях закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу»¹⁰⁴.

А.К. Стальгевич был представителем революционного направления в советском правоведении и так же, как и Н.В. Крыленко, смотрел на государство и право исключительно как на орудия классового гнета или классовой борьбы. В первые годы после установления советской власти советское государство и право только формировалось, оно еще не освободилось от революционности, пребывало в зачаточном состоянии, но именно это государство, выступавшее как диктатура, не связанная законами, и это право, покоившееся в значительной мере на так называемом «революционном правосознании» и пронизанное принципом революционной целесообразности, Крыленко и Стальгевич считали воплощением подлинного государства и настоящего права. И спустя десятилетие после революции Стальгевич яростно клеймил тех советских правоведов, которые пытались утвердить в советском правоведении доктрину правового государства: он считал ее вредной, антиреволюционной, антисоветской, буржуазной теорией. «Советское государство, — писал Стальгевич в 1928 году, — по этой теории приобретает особый характер, характер государства правового, “связанного законом”, и “ограниченного” законом. Полное непонимание роли закона и законности в Советском государстве лишь может

¹⁰³ Там же. С. 11.

¹⁰⁴ Там же. С. 13–14.

привести к тому, чтобы “ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть”, ограничить “всевластной” нормой права — законом, стоящим над диктатурой»¹⁰⁵. Ограничение государственной власти правовыми нормами Стальгевич считал препятствием в борьбе с классовыми врагами и при этом совершенно не принимал во внимание того, что носители власти могли быть опасны для Советского государства не меньше, чем те, кто открыто с ним боролись.

Настаивая в своем выступлении на совещании 1938 года и в последующих статьях на классовой природе права, представляя его как волю господствующего класса, Стальгевич считал свою позицию незыблемой, поскольку она опиралась на цитаты из произведений Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Однако научный сотрудник Института права Академии Наук СССР С.А. Голунский нашел в ней уязвимое место. Критически оценивая прозвучавшие до его выступления мнения Стальгевича о сущности права, Сергей Александрович сказал: «Ссылаясь на высокий авторитет Маркса, проф. Стальгевич говорит здесь, что Маркс определял право как волю господствующего класса и что об этом нужно сказать в определении права. Но, во-первых, как я сейчас покажу, это определение было сделано несколько иначе. А во-вторых, надо все-таки, приводя цитаты, учитывать, когда писались цитируемые слова и в каком контексте. Цитата, которую привел проф. Стальгевич, написана Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» 90 лет тому назад в применении к капиталистическому обществу. Что было главным для Маркса и Энгельса в тот момент? Что им важно было тогда показать? Им важно было показать классовую природу права. Им важно было показать, что право есть не какая-то вечная, неизвестно откуда, с неба на землю свалившаяся вещь, а — воля господствующего класса. Это была важнейшая политическая задача Маркса и Энгельса в тот момент. Разве для нас, для советских юристов, представляет теперь какие-либо сомнения вопрос о том, что право есть воля класса? Конечно, нет. Но и воля, товарищи, тоже выражается не только в праве. В революции тоже выражается воля класса»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Стальгевич А.К. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 5.

С. 50.

¹⁰⁶ Голунский С.А. Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 159.

Вывод Голунского из этих рассуждений вполне можно было признать крамольным, ведь он усомнился в применимости для определения сущности права высказываний классиков марксизма. Однако данный вывод в полной мере соответствовал воззрениям Вышинского, выраженным в его определении права. Сказать, что «право есть воля класса, — это значит ничего не сказать»¹⁰⁷, — заявил Голунский.

Показав на конкретных примерах, что такой подход к определению права опошляет слова Маркса и Энгельса о возведенной в закон воле господствующего класса, Голунский указал на способ создания оптимальной дефиниции того или иного феномена. «Задача всякого определения, — отметил он, — заключается в том, чтобы подчеркнуть специфику того явления, которое мы определяем». Определение права, предложенное Стальгевичем, Голунский оценил как неправильное, поскольку оно смазывает специфику права, как особого общественного явления, растворяет его в политике, в экономике, в разных других категориях, смешивает с правом производственные отношения. В результате право, как особая, специфическая общественная категория, исчезает.

Определение же права, данное Вышинским, Голунский охарактеризовал как правильное. «В самом деле, товарищи, — сказал он, — если вы скажете, что право это совокупность правил поведения со всеми теми последующими определениями, которые содержатся в тезисах тов. Вышинского, то этим вы даете определенное, ясное представление об определенном специфическом общественном явлении. Если вы попытаете это определение приложить к отдельным отраслям права (гражданскому праву, государственному праву, уголовному праву, судебному праву), то вы получите твердую почву для того, чтобы определить эти отдельные отрасли права. Но стоит вам ввести в это определение общественные отношения, форму политики, порядок и т. д., как всякая четкость, ясность пропадают»¹⁰⁸.

Голунский раскритиковал и стремление Стальгевича отразить в определении права все грани его сущности. «Проф. Стальгевич говорит, что определение права, которое дано в тезисах тов. Вышинского, односторонне, неполно, что оно не охватывает всех сторон вопроса, что нельзя в этом определении ограничиваться только одной стороной, а необходимо отразить

¹⁰⁷ Там же. С. 160.

¹⁰⁸ Там же. С. 160-161.

всю многогранность этого понятия. Совершенно бесспорно, что право, как и всякое понятие, понятие многогранное. Но весь вопрос в том, нужно ли в определении обязательно отражать все эти грани?»¹⁰⁹.

Преподаватель Всесоюзного института юридических наук С.Ф. Кечекьян выступил при обсуждении доклада Вышинского с небольшой речью, в которой прежде всего выразил свое согласие с определением права как правил поведения. Он отметил, что это определение не дает ни малейшего основания для обвинения в нормативизме, «ибо нормативизм состоит не в том, что право определяется как совокупность или система норм, а в том, что эти нормы рассматриваются в отрыве от тех экономических отношений, выражением которых они являются, в том, что теряется связь с экономическими фактами»¹¹⁰.

Тем не менее Степан Федорович выразил ряд сомнений в целесообразности использования некоторых слов в определении и прежде всего возразил против употребления термина «совокупность». «Было бы правильнее, — сказал он, — определить право не через понятие “совокупность”, а через понятие “система”, ибо слово “совокупность” наводит на мысль если не о механическом, то все же о несколько внешнем соединении норм, тогда как нормы права соединены между собою органически. Существует известная взаимозависимость между нормами права»¹¹¹.

Сомнения у Кечекьяна вызвала и та часть определения права, в которой содержалась ссылка на обычаи и правила общежития. Он предложил изъять эти слова и тем самым упростить определение, придав ему такую формулировку: «Право есть система правил поведения (норм), установленных или санкционированных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса»¹¹².

Оценивая же доклад Вышинского в общем, С.Ф. Кечекьян сказал, что данное в нем определение права и вся намеченная программа работ представляет собой большое событие, важное для советской науки государства и права. Обсуждение доклада Вышинского, изобиловавшее критическими замечаниями, убедительно подтверждало это мнение. Больше

¹⁰⁹ Там же. С. 156.

¹¹⁰ Кечекьян С.Ф. Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 150.

¹¹¹ Там же. С. 151.

¹¹² Там же. С. 152.

всего возражений у правоведов, присутствовавших на совещании, вызвало предложенное Вышинским определение права, порывавшее с революционной традицией советского правоведения. Одновременно было высказано немало интересных мыслей при обсуждении тезисов, относившихся к отдельным отраслям советской юридической науки.

- 4 -

Теория государства и права в том варианте, в котором она была представлена в докладе Вышинского на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, хотя и предполагала изучение общей сущности государственных и правовых явлений, мыслилась по своей методологии марксистско-ленинской теорией и соответственно наукой, предназначенной дать теоретическое осмысление и обоснование советского социалистического государства и права.

В тезисах, приложенных к докладу, задачи этой науки определялись следующим образом: «Теория государства и права должна иметь своим предметом по преимуществу разработку таких вопросов, как вопрос о сущности государства и права вообще и советского государства и права в особенности, как вопрос о развитии государства и права; об источниках и институтах права; об исторических типах государства и системах права, об особенностях советского государства и права, как государства и права социалистического типа; о советском праве и пролетарской диктатуре; о содержании и форме правоотношений в советском обществе; о закономерностях и путях развития и укрепления советского государства и советского права и т. п.»¹¹³.

Соответственно такому пониманию сущности и основных задач теории государства и права, Вышинский часто называл ее «**советской** теорией права и государства»¹¹⁴ или «теорией социалистического права», дающей

¹¹³ Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 265.

¹¹⁴ «Советская теория права и государства должна дать систему советских социалистических принципов, объясняющих и обуславливающих социалистическое содержание советских юридических дисциплин и юридических институтов» (Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. // Советское право. 1938. № 4. С. 18).

«обобщение советских социалистических юридических понятий»¹¹⁵. Андрей Януарьевич считал эту науку теоретическим основанием отраслевых юридических наук.

Данный взгляд на теорию государства и права в последующие годы стал доминирующим. Так, в изданном в 1940 году и рекомендованном Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР для юридических высших учебных заведений учебнике по теории государства и права С.А. Голунского и С.М. Строговича утверждалось: «Теория государства и права является, таким образом, ведущей дисциплиной, определяющей основы других юридических дисциплин»¹¹⁶. Далее приводилось определение этой науки из вышеуказанного доклада Вышинского: «Теория права это есть система правовых принципов, на основе которых строится вся наука права, все отрасли науки права, независимо от их конкретного содержания...»¹¹⁷.

Придание теории государства и права основополагающего значения в советском правоведении ставило перед ней в качестве задачу разработать принципы классификации советских юридических наук и соответственно деления советского права на отрасли. Вышинский отмечал в своем докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, что данный вопрос, хотя и является важнейшим, до сих пор не нашел удовлетворительного решения. Создание устойчивой системы советского права считается невозможным, пояснил он, по той причине, что «наша жизнь слишком подвижна, что она слишком быстро меняет свои формы». Прокурор СССР назвал это мнение «пустой отговоркой» и заявил: «Как бы ни была изменчива наша жизнь, тем не менее не только возможно, но и необходимо построить систему советского социалистического права»¹¹⁸. По его мнению, для решения этой проблемы требовалось, «во-первых, систематизировать те принципы, на которые опирается советское право, во-вторых, классифицировать советские юридические дисциплины, показав конкретное содержание этих дисциплин, и, в-третьих, дать исчерпывающее описание и определение тех задач, которые стоят перед каждой из этих дисциплин в

¹¹⁵ Там же. С. 19.

¹¹⁶ Голунский С.А. и Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. С. 14.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского государства и права 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 29-30.

отдельности и перед всей наукой советского права в целом, и тех методов, при помощи которых эти задачи могут и должны быть решены»¹¹⁹. Вышинский считал, что настало время сказать, какие именно у нас существуют юридические науки и определить их содержание и границы. «Нужно дать, — подчеркнул он, — конкретное и твердое представление о том, что такое советское право не только в социолого-политическом разрезе, но и в разрезе юридическом, что представляет собой вся правовая система. Поэтому задача построения системы советского социалистического права стоит перед нами как самая актуальная задача, над которой должны работать все наши юридические институты и каждый в отдельности»¹²⁰.

При обсуждении доклада Вышинского внимание участников совещания привлекла проблема деления советского права на отрасли. Научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук при НКЮ СССР И.В. Павлов посвятил ей все свое довольно пространное выступление. «К сожалению, в нашей теории само понятие “отрасли права” еще очень слабо пока разработано», — констатировал он и высказал собственное мнение о том, какие критерии необходимо учесть при построении системы советского права. «Мне кажется, — сказал он, — что об отрасли права можно говорить при наличии по крайней мере трех следующих моментов: во-первых, при наличии своеобразия источников права, в данной отрасли — в смысле наличия особых норм, иногда составляющих содержание особых отраслей законодательства, особых кодексов или особых разделов существующей системы кодификации; во-вторых, при наличии особых методов правового регулирования и, в-третьих, при наличии некоторого своеобразия самих правовых отношений»¹²¹.

Сопоставление высказываний А.Я. Вышинского и И.В. Павлова о делении советского права на отрасли показывает, что говорили они о разном: Андрей Януарьевич поднял вопрос о построении системы советского правоведения и соответственно вел речь об отраслях юридической науки, а Иван Васильевич имел в виду систему советского права и соответственно пытался определить признаки отрасли действующего права.

¹¹⁹ Там же. С. 30.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Павлов И.В. Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 221.

Никто из них не обратил внимания и на другой значимый факт, а именно на отождествление советского права с законодательством, которое было отчетливо выражено в определении данного права, приведенном в тезисах к докладу Вышинского. В дефиниции отсутствовало указание на обычаи и правила общежития, санкционированные государственной властью, которое имелось в определении права вообще (права как такового)¹²². Советское право определялось исключительно как «совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся...»¹²³ (выделено мною. — В.Т.), т.е. недвусмысленно сводилось к нормам законов.

Советское правоведение вследствие этого выступало фактически как законоведение. И соответственно категория отрасли правоведения или права в действительности являлась в действительности понятием отрасли законоведения или законодательства.

Таким образом, поднимая вопрос о значении понятия «отрасли права» применительно к советскому праву, необходимо было прежде всего определить, что имеется в виду под этим термином: 1) отрасль права, 2) отрасль законодательства, 3) отрасль правоведения или 4) отрасль законоведения. Однако правоведы, участвовавшие в работе первого совещания по вопросам науки советского права и государства, как будто не придавали какого-либо значения этому вопросу.

В заключительном слове к своему докладу Вышинский вообще ничего не сказал о построении системы советского правоведения или права. Однако в тезисах, приложенных к докладу, в числе «важнейших вопросов теории

¹²² «Право есть совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства, в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» (Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского. С. 266–267).

¹²³ В полном выражении данное определение было следующим: «Советское право есть совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, выражающих их волю и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства, в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества» (там же. С. 267).

советского права, подлежащих разработке в течение ближайшего периода времени», упоминалась «система советского социалистического права»¹²⁴.

В резолюции, принятой Совещанием по докладу Вышинского, было признано необходимым созвать второе совещание по вопросам науки советского государства и права не позднее января 1939 года «для обсуждения итогов проделанной работы за истекший период времени, а также для рассмотрения ряда важнейших вопросов, составляющих предмет дальнейшей разработки теории советского государства и права». В перечне таких вопросов была обозначена проблема системы советского социалистического права¹²⁵.

Дискуссия о критериях деления советского права на отрасли продолжилась в 1938–1940 годах на страницах советских юридических журналов. Оптимальным критерием такой классификации большинство советских правоведов признало предмет правового регулирования. Так, научный сотрудник Института права Академии Наук СССР М.А. Аржанов в статье, посвященной принципам построения системы советского права весьма категорично заявил: «Мы утверждаем, что классификация правовых норм должна совершаться лишь по *одному* принципу — по конкретному содержанию общественных отношений, регулируемых правом, по предмету правового регулирования»¹²⁶.

Научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук при НКЮ СССР С.Н. Братусь в статье о предмете гражданского права осторожно допустил необходимость принять во внимание при делении советского права на отрасли не только предмет, но и метод правового регулирования¹²⁷. Эту

¹²⁴ Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 267.

¹²⁵ Резолюция, принятая Совещанием по докладу тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 256–257.

¹²⁶ Аржанов М.А. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 32.

¹²⁷ «Те или иные правовые нормы регулируют определенные стороны общественных отношений. Поэтому при разграничении отдельных отраслей права нельзя игнорировать самого метода правового регулирования, не забывая, что различия в методах регулирования отражают различия в реальных общественных отношениях или в тех или иных сторонах общественных отношений, регулируемых правом» (Братусь С.Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 37–38).

идею жестко раскритиковал М.А. Аржанов¹²⁸. Показав на конкретных примерах «искусственность и надуманность» концепции Братуся, Аржанов сделал вывод о том, что «т. Братусю не удалось достичь своей цели — установить особенности тех методов регулирования, которые он считает спецификом гражданского права»¹²⁹.

Вышинский также принял участие в дискуссии по вопросу деления советского права на отрасли. В статье, опубликованной в марте 1939 года в журнале «Советское государство и право» и посвященной задачам советской юридической науки, вытекающим из решений XVIII съезда ВКП (б), Андрей Януарьевич предложил разделить советское социалистическое право на следующие основные отрасли: «1) Государственное право, 2) Трудовое право, 3) Колхозное право, 4) Административное право, 5) Бюджетно-финансовое право, 6) Семейное право, 7) Гражданское право, 8) Уголовное право, 9) Судебное право». К этому перечню он добавил два замечания: «Особо стоит международное право» и «Эта схема системы советского социалистического права не претендует на исчерпывающий и законченный характер. Мы предлагаем эту схему как основу для обсуждения и дальнейшей разработки»¹³⁰. Приведенная классификация представляла отрасли не советского правоведения, а советского права.

В марте 1941 года Институт права Академии Наук СССР подвел итоги дискуссии, выпустив тиражом в 600 экземпляров 18-страничную брошюру под названием «Система советского социалистического права (тезисы)».

В первом тезисе утверждалось, что «практическое значение имеет главным образом вопрос о делении права на отдельные отрасли, поэтому вопрос о системе права есть по преимуществу вопрос о классификации норм права. Этот вопрос не следует смешивать с вопросом о социальной и исторической характеристике права, хотя самая систематизация норм права не может быть делом произвольным и случайным, а вытекает из самих особенностей систематизируемого правового материала»¹³¹.

¹²⁸ Аржанов М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. 1940. № 8-9. С. 21-27.

¹²⁹ Там же. С. 24.

¹³⁰ Вышинский А.Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26.

¹³¹ Система советского социалистического права (тезисы). М., 1941. С. 3.

В третьем тезисе сообщалось, что при обсуждении вопроса о системе советского права среди правоведов наметилось два главных направления. «Одно направление исходит из того, что деление советского права на отдельные, особые отрасли права должно быть проведено по предмету регулирования, т.е. в соответствии с различиями в конкретном содержании тех общественных отношений, которые регулируются правом. Другое направление считает необходимым проводить деление советского социалистического права на области в соответствии с различиями в методах правового регулирования, которые приводят к различному положению субъектов права в правоотношении»¹³².

В следующем тезисе делался вывод о том, что деление советского права должно быть проведено по предмету правового регулирования, то есть по характеру регулируемых правом общественных отношений: «Кладя в основу систематизации права предмет его регулирования, мы выдвигаем на первый план главное и решающее в праве — его социально-экономическое, социально-политическое содержание. Мы исходим из тех задач, разрешению которых служит тот или иной комплекс правовых норм. Мы отправляемся от тех целей, которые наше государство ставит себе при том или ином регулировании общественных отношений, и из них исходим при систематизации норм права. Классификация норм права, т.е. деление советского социалистического права на отдельные отрасли должна исходить из того, что нормы права затрагивают самые различные общественные отношения, что в зависимости от содержания и характера регулируемых правом общественных отношений должны различаться отдельные отрасли права»¹³³.

В пятом тезисе утверждалось, что метод правового регулирования зависит от предмета правового регулирования общественных отношений, что он «обусловлен содержанием правовых норм, что специфика правового материала выступает в методе, т.е. в форме права, слабее, чем в содержании правовых норм, что поэтому правильно исходить при систематике права из содержания норм как из определяющего момента, а не из метода, являющегося моментом производным»¹³⁴.

¹³² Там же. С. 4.

¹³³ Там же. С. 4.

¹³⁴ Там же. С. 5-6.

После этих слов в наставлении, подготовленном Институтом права АН СССР, приводилась следующая весьма интересная оговорка: «Из сказанного не вытекает, однако, что, систематизируя правовой материал по предмету правового регулирования, мы тем самым должны оставить без внимания те различия, которые существуют в методах регулирования отдельных общественных отношений»¹³⁵.

Такие отношения, составляющие сферу применения особого метода регулирования со стороны государства, действительно существуют. Это, например, общественные отношения, юридически оформляемые уголовным и уголовно-процессуальным правом. В седьмом тезисе давался следующий перечень основных отраслей единой системы советского социалистического права: «а) государственное право, б) административное право, в) финансовое право, г) земельное право, д) гражданское право, е) колхозное право, ж) трудовое право, з) семейное право, и) уголовное право, к) судебное право»¹³⁶.

Рассматриваемый документ различал систематизацию права и правоповедения. В нем признавалось недопустимым смешивать вопрос о системе права с вопросом о системе науки о праве: «Система правовых наук должна в основном отражать деление права на отрасли, однако она отражает его не во всем и не полностью»¹³⁷.

Между тем в докладе Вышинского на первом совещании по вопросам науки советского права и государства говорилось о делении на отрасли не советского права, а советского **правоповедения**. Прокурор СССР последовательно изложил задачи, которые, по его мнению, стояли в то время перед правоведами, развивавшими те или иные юридические науки, а именно государственное право, административное право, международное право, гражданское право, земельное право, колхозное право, трудовое право, уголовное право, судебное право, криминалистику.

* * *

¹³⁵ Там же. С. 6.

¹³⁶ Там же. С. 6–7.

¹³⁷ Там же. С. 3.

Наука советского государственного права

Главной задачей правоведов, занимавшихся научными исследованиями в области советского государственного права, Вышинский назвал определение предмета, содержания и объема данной науки. Он сообщил, что эта задача отчасти уже решена в учебном курсе по советскому государственному праву, подготовленном к изданию Институтом права АН СССР. Указанный учебник вышел в свет в конце 1938 года. Представленное в нем определение предмета науки советского государственного права в полной мере соответствовало той его характеристике, которую Вышинский дал в своем докладе.

Это определение закрепляло важные отличия советского государственного права от буржуазного государствоведения. Различия проявлялись не только в методологии, но и в содержании учебного курса, в своеобразной оценке сущности государственно-правовых явлений. «Государственное право, — говорилось в учебнике, — имеет дело с правовыми вопросами, с юридическими отношениями, явлениями и понятиями. Но объяснение этих отношений, явлений и понятий государственное право можно дать, лишь покидая “правовую” почву и переходя на почву действительных общественных отношений»¹³⁸.

Социологическая методология в изучении государственно-правовых явлений предполагала значительное расширение предмета науки государственного права. Характеризуя его, Вышинский отмечал, что «не только юридическая форма, но и материальный субстрат государственных отношений, не только юридическая природа государства, но и его социально-экономическая природа, как основа и определитель юридических свойств и особенностей государственно-правовых институтов, составляют предмет науки советского социалистического государственного права»¹³⁹. Поэтому «советское социалистическое государственное право изучает социалистический общественный и государственный строй СССР, его возникновение и развитие, систему советских государственных учреждений и органов, их полномочия, обязанности, задачи, методы решения этих задач; оно изучает права граждан СССР, охраняемые советским законом, и возложенные на граждан советским государством обязанности перед страной,

¹³⁸ Советское государственное право. Учебник для юридических институтов / Под общей редакцией А.Я. Вышинского. М., 1938. С. 85–86.

¹³⁹ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 32.

обществом, государством. Советское социалистическое государственное право изучает советское государство и общество, государство и общественные институты в их динамике, начиная от их зарождения, прослеживая весь путь их развития»¹⁴⁰.

Советское государство, подобно любому государству, представляло собой сочетание территории, публичной власти и населения. Выделяя эти элементы как главные устои государственности, Вышинский подчеркивал в своем докладе, что в социалистическом государстве они приобретают новое значение. Для нашей страны «государственная территория не только “пространственное основание для осуществления власти государства”¹⁴¹. Государственная территория — это материальное выражение верховенства, независимости и неприкосновенности населяющего ее народа. Территориальное верховенство — это органическая часть государственного верховенства, защищаемого всей мощью государственных и общественных сил и средств, всей мощью морально-политического и государственного единства народа»¹⁴².

Раскрывая значение территории для существования советского государства, Вышинский указывал на необходимость всячески сохранять ее неделимость и неприкосновенность. С этими свойствами территории он справедливо связывал могущество государства, его способность противостоять врагам. Для подтверждения данного вывода Андрей Януарьевич счел необходимым напомнить всем самое известное в ту пору сталинское изречение: *«Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»*¹⁴³. Вышинский увидел в этих словах лучшее выражение идеи «неделимости и неприкосновенности советской

¹⁴⁰ Там же. С. 30.

¹⁴¹ Вышинский в данном случае использует выражение немецкого государствоведа Георга Еллинека из его работы «Право современного государства». — В.Т.

¹⁴² Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 31.

¹⁴³ И.В. Сталин произнес эти слова, выступая 27 июня 1930 г. с политическим отчетом Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б). Он говорил: «Нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристские наскоки поджигателей войны. Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. Такова наша внешняя политика. Задача состоит в том, чтобы проводить и впредь эту политику со всей настойчивостью, свойственной большевикам» (Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. Апрель 1929–июнь 1930. М., 1949. С. 261).

государственной территории, как основы верховенства советского государства»¹⁴⁴.

Касаясь организации публичной власти, Вышинский отмечал, что «советское государственное право отвергает разделение властей, как и деление властей на господствующие и негосподствующие»¹⁴⁵, и связывает свойства государственной власти с отношениями классового господства. Соответственно, и «оперируя понятием населения, советское государственное право исходит из деления населения на классы, из различного общественно-политического положения каждого класса, из различия их правового положения, определяемого их отношением к орудиям и средствам производства, к земле, фабрикам и заводам, железным дорогам, банкам и т. д. и т. п.»¹⁴⁶.

Основанием науки советского государственного права Вышинский считал принципы действующей Конституции СССР. Изданный в 1938 году под его редакцией учебник «Советское государственное право» начинался с изложения основ марксистско-ленинской идеологии. Вторая глава учебника была посвящена основным этапам развития советской конституции. В последующих главах изложение материала учебника было ориентировано на систему положений Конституции СССР 1936 года, то есть последовательно рассматривались: общественное устройство СССР, государственное устройство СССР, высшие органы государственной власти СССР, союзных и автономных республик, органы государственного управления СССР, союзных и автономных республик, местные органы государственной власти, суд и прокуратура, основные права и обязанности граждан, избирательная система.

Все это означало, что в учебнике, по сути, речь шла не о государственном, а конституционном праве. Можно сказать, что наука государственного права выступала в данном учебнике в своем самом узком значении. Но Вышинский вполне допускал употребление термина «государственное право» и в самом широком смысле. «По существу все отрасли права могут быть включены в круг государственного права, если под этим последним понимать учение о всех сторонах развития и деятельности государства, как они проявляются в

¹⁴⁴ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 31.

¹⁴⁵ Там же. С.

¹⁴⁶ Там же.

тех или иных правовых формах», — говорил он в докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства.

Содержание курса государственного права в учебнике «Советское государственное право», вышедшем под общей редакцией А.Я. Вышинского в 1938 году, базировалось на доктринах официальной идеологии. Но эта книга действительно стала первым настоящим учебником по советскому государственному праву¹⁴⁷. Она давала понимание основных категорий государственного права и знания об устройстве советского общества и государства, о выраженной в советских конституциях организации государственной власти в СССР.

В содержании данного учебника были отражены многие из тех мыслей о науке советского государственного права, которые Вышинский изложил в своем докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства.

Можно, конечно, сетовать на то, что в учебнике показывался только фасад государственного здания Советского Союза и не открывалось его истинное состояние. Но разве наука государственного права в той или иной стране может быть предназначена для других целей — для раскрытия глубинных тайн реальной государственной политики, действительной организации властвования, истинного механизма принятия государственных решений? Разве способна наука государственного права освободиться от идеологического налета и тумана.

В своем докладе на указанном Совещании и учебнике по государственному праву Вышинский высказал мысль о том, что эта наука «не может ограничиваться узко юридической сферой исследования, не может ограничи-

¹⁴⁷ В 1926 г. в Харькове издательством Наркомата юстиции Украинской советской социалистической республики была издана книга А.Л. Малицкого «Советское государственное право (очерки)», рекомендованная Научно-методическим комитетом Наркомпроса УССР «к употреблению в качестве пособия для ВУЗов». Однако в данном учебном пособии отсутствовало определение предмета науки государственного права, а содержание книги строилось без какой-либо системы. Оно состояло из двадцати трех отдельных очерков: «Пролетариат и право», «Марксистская теория государства», «Конституция», «Демократия», «Принципы демократии», «Суверенитет народа», «Свобода личности», «Принципы Советской Республики», «Правовое государство», «Самоуправление», «Парламентаризм», «Советское избирательное право» и т.д. Несмотря на весьма примечательное название и рекомендацию использовать в качестве учебного пособия, данная книга явно не может считаться первым учебником по советскому государственному праву.

ваться изучением государства только и исключительно как правового института, как комплекса каких-то юридических отношений. Наука должна исходить из действительных общественных отношений»¹⁴⁸.

В этих словах выражалось стремление не просто описывать государственный строй той или иной страны, но еще и понимать его, раскрывать «все содержание предмета в целом, показывающее динамику его развития, его особые, специфические качества, объясняющее действительное содержание его внешних форм, наполняющее эти формы материальным содержанием»¹⁴⁹.

Это стремление несло в себе новый метод познания государственно-правовых явлений, создававший теоретические основания для появления новой государственно-правовой науки.

В 1948 году учебник «Советское государственное право», вышедший под общей редакцией А.Я. Вышинского в 1938 году, был издан нью-йоркским издательством «The Macmillan Company» на английском языке¹⁵⁰. Во введении к данному изданию профессор публичного права Колумбийского университета Джон Хазард назвал Вышинского «главным организатором новой юриспруденции»¹⁵¹ и отметил: «Американцы заинтересуются этой книгой не только потому, что в ней излагаются кредо и контуры структуры советской формы правления: книга также раскрывает советские педагогические методы. Американские читатели познакомятся с энергичной, бескомпромиссной манерой, в которой советские преподаватели излагают свои тезисы. Здесь можно обнаружить крайне критический и даже презрительный подход к несоветским системам правления. Здесь можно обнаружить частое повторение идей в различных формах. Все это характерно для советского учебника, независимо от того, написан ли он для массового употребления или для продвинутого студента в профессиональной школе»¹⁵².

¹⁴⁸ Советское государственное право... / Под общей редакцией А.Я. Вышинского. С. 83.

¹⁴⁹ Там же. С. 87.

¹⁵⁰ *The Law of the Soviet State* / Andrei Y. Vyshinsky, General Editor. Translated from the Russian by Hugh W. Babb. Introduction by John N. Hazard. New York, 1948.

¹⁵¹ «Vyshinsky came forward as the principal organizer of the new jurisprudence» (*Hazard J.N. Introduction // The Law of the Soviet State. P. X*)

¹⁵² «Americans will find interest in this book not only because it is a statement of a creed and an outline of the structure of the Soviet form of government: the book is also revealing of Soviet pedagogical techniques. American readers will be introduced to the vigorous, uncompromising

Энергичную манеру изложения материала данного учебника отметил в своей рецензии на него и пакистанский ученый Назир Ахмад Факуки: «Книгу Вышинского нельзя считать риторической, поскольку он обращается к интеллекту, а не к эмоциям (по крайней мере, он сам так говорит). Однако он обращается с такой энергией, которая объясняет, почему Россия из состояния морального, экономического и социального банкротства поднялась до своего нынешнего положения всего за тридцать лет»¹⁵³.

- 5 -

Советское административное право

Задачи, которые А.Я. Вышинский ставил перед советскими правоведами в своем докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, внешне выглядели как исключительно идеологические. Андрей Януарьевич призывал, причем довольно решительно, очистить юридическую науку от вражеских доктрин¹⁵⁴ и разработать для нее теоретические основы, опирающиеся на марксизм-ленинизм и соответствующие интересам

manner in which Soviet teachers present their thesis. There is to be found the highly critical and even scornful approach to non-Soviet systems of government. There is to be found frequent repetition of ideas in varying forms. All of this is characteristic of the Soviet textbook, whether it be written for mass consumption or for the advanced student in the professional school» (Ibid. P. VI).

¹⁵³ «Vyshinsky's book is not supposed to be rhetoric, for his appeal is to the intellect and not emotions (at least that is what he says). But he appeals to both with a vigour which explains why Russia, from a state of moral, economic, and social bankruptcy, rose to her present position in only thirty years» (*Farooqi N.A. Vyshinsky's Law of State // Pakistan Horizon. 1950. Vol. 3. No. 2. P. 121*).

¹⁵⁴ «Проповедь вредительских “теорий” отмирания права и государства, “выветривания” права, советского права, как “права без справедливости”, как буржуазного права, проповедь построения советских уголовных кодексов, как кодексов без общей и особенной частей, проповедь “хозяйственного права”, превращавшего человека в хозяйственную “единицу”, — весь этот бред не мог не ударить самым чувствительным образом и по практической работе органов юстиции в целом. Важнейшая задача, стоящая в настоящее время перед всеми научными работниками в области науки права и государства заключается в окончательном выкорчевывании, в полной и до конца ликвидации всех остатков этих провокаторских измышлений, т. е. в полном и до конца очищении авгиевых конюшен нашей правовой науки от грязи, от всей гнусности вражеских “теорий”, от всего того хлама, который, к сожалеению, накоплялся у нас целые годы, от всех вражеских “теорий”, имевших у нас хождение в значительной мере» (Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 13).

социалистического государства рабочих и крестьян¹⁵⁵. Его доклад был наполнен лозунгами идеологического характера. Но идеология являлась в данном случае всего лишь оболочкой, скрывавшей вполне рациональные требования к научной деятельности советских правоведов.

Советская юриспруденция должна была измениться таким образом, чтобы соответствовать действительным потребностям советского общества. Вышинский выразил эту мысль в идеологизированной форме, дважды употребив термин «социалистический». «Задача заключается, — сказал он, — в том, чтобы организовать научную работу в области права в тесной органической связи с многообразной и величественной практикой социалистического государства рабочих и крестьян. Задача заключается в том, чтобы готовить молодых научных работников в соответствии с требованиями, которые предъявляет к науке социалистический общественный строй»¹⁵⁶.

Под социалистическим государством Вышинский имел в виду здесь не умозрительное, а реально существовавшее в то время в СССР государство. И выдвинутое им к советским правоведам требование увязывать научные исследования с практикой социалистического государства также было вполне конкретным, соответствовавшим той обстановке, которая сложилась к 1938 году внутри нашей страны и в окружавшем ее мире. «В области научной разработки тех или других проблем, — утверждал в своем докладе Вышинский, — основной, решающей мыслью должно явиться стремление обеспечить максимальное развитие и укрепление советского права и советского государства. Наука права должна устремить все свое внимание в эту сторону. Она должна мобилизовать все свои силы на научную разработку таких вопросов, которые вытекают из задачи именно всемерного укрепления Советского государства и советского права»¹⁵⁷.

В свете этих высказываний вполне определенный смысл приобретала жесткая критика Вышинским революционных идеологических догм,

¹⁵⁵ «Перед нами, перед советской наукой, стоят сейчас крупнейшие задачи юридической разработки ряда вопросов, вытекающих из решенных под руководством партии Ленина–Сталина задач социалистического строительства. Эта разработка возможна лишь при условии полного и последовательного овладения марксизмом–ленинизмом, всем учением Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина» (там же).

¹⁵⁶ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 55.

¹⁵⁷ Там же. С. 23–24.

согласно которым государство и право представляют собой не самостоятельные явления, предназначенные создавать и поддерживать устой нормальной человеческой жизни, а всего лишь инструменты классовой борьбы, проводники политики правящей партии; что в социалистическом обществе, по мере перехода к бесклассовому обществу — так называемому коммунизму государство и право постепенно отмирают. Эти догмы оказывали деформирующее воздействие на развитие советского правоведения: они отрывали его от действительных потребностей советского общества и не позволяли создать соответствующую практике общественных отношений систему отраслевых юридических наук, искажали понимание сущности и содержания этих наук.

Под влиянием революционных идеологических догм с конца 1920-х годов были приостановлены научные исследования в области административного права, административно-правовая наука стала удаляться из учебных программ юридических вузов. Науку же гражданского права попытались заменить наукой хозяйственного права.

Выступая на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, Вышинский заявил, что «советское административное право должно занять в системе советского права одно из важнейших мест в силу того исключительного значения, которое принадлежит вопросам администрации (управления) в деле социалистического строительства»¹⁵⁸, но при этом признал, что возрождение данной правовой отрасли — сложная задача, поскольку в СССР нет сейчас науки административного права, «ибо она была в свое время ликвидирована»¹⁵⁹.

Прокурор СССР обвинил в ликвидации науки административного права группу советских правоведов, которые занимались в 1920-е годы данной отраслью юридической науки. В подтверждение этого обвинительного заключения он привел их взгляды на сущность административного права: «Например, вредитель Челяпов доказывал, что административное право вообще не может существовать отдельно от учения о советском государстве, что предмет административного права “растворяется” в предмете учения о советском государстве. Он хвалился “реформой”, которую провели вредители, упразднив особый курс административного права СССР. Эти

¹⁵⁸ Там же. С. 34.

¹⁵⁹ Там же. С. 33.

взгляды питались большой поддержкой различных административистов вроде Евтихиева, Кобалевского, Архипова и целого ряда других, подвизавшихся на этом участке нашей правовой науки, людей, которые вообще старались свести наше административное право к обыкновенному старому полицейскому праву. **Все эти “ученые” усиленно ликвидировали советское административное право»¹⁶⁰** (выделено мною. — В.Т.).

Феномен, который Вышинский назвал ликвидацией советского административного права, имея в виду упразднение в Советском Союзе отрасли юридической науки, а не законодательства, был обусловлен рядом вполне объективных обстоятельств. Советские правоведы-административисты, которых прокурор СССР обвинял в сознательном уничтожении науки административного права, просто вынуждены были подчиниться этим обстоятельствам.

Ликвидация советского административного права, о которой Вышинский говорил в июле 1938 года, произошла в начале 1930-х годов, когда в Советском Союзе разворачивалась широкомасштабная индустриализация и, как следствие, резко возростала роль государства и государственного управления. Казалось бы, значение науки административного права в этих условиях должно было только увеличиться, но произошло обратное. Чем объяснить столь вопиющее противоречие?

Состояние, в котором советский государственный аппарат и советское государственное управление пребывали в течение всех 1920-х годов, было весьма плачевным. Это признавалось и самым высоким руководством ВКП (б). Население нашей страны вынуждено было терпеть неисчислимы бедствия и страдания не только от экономических неурядиц, но и от плохой работы государственного аппарата. Удивительно, но именно период с 1922 по 1929 год стал самым благоприятным временем для развития советской науки административного права. В эти годы вышла в свет целая серия учебников и учебных пособий по административному праву¹⁶¹, было опубликовано множество научных статей по проблемам данной науки¹⁶².

¹⁶⁰ Там же. С. 33.

¹⁶¹ *Елистратов А.И.* Очерк административного права. М., 1922. Кобалевский В.Л. Очерки советского административного права. Харьков, 1924. Елистратов А.И. Административное право РСФСР. Л., 1925. Евтихийев А.Ф. Основы советского административного права. Харьков, 1925. Карадже-Искров Н.П. Новейшая эволюция административного права.

Расцвет науки административного права в 1920-е годы отразился и в ее преподавании в юридических высших учебных заведениях. Так, «Программа Факультета общественных наук 1-го МГУ на 1920/1921 учебный год» предусматривала чтение лекций по курсу административного права на юридическом отделении (лектором являлся проф. М.Д. Загряков)¹⁶³. «Обозрение преподавания Факультета общественных наук 1-го МГУ на 1922/1923 ак. год» показывает, что на юридическом отделении ФОНа преподавались по отдельности и общая часть административного права (проф. А.И. Елистратов), и особенная часть (проф. М.Д. Загряков) административного права.

В июне 1925 года юридическое отделение ФОНа 1-ого МГУ было реорганизовано в факультет советского права¹⁶⁴. Учебный план нового учебного заведения предусматривал чтение лекций по курсу советского административного права на всех его трех отделениях — государственно-административном с международным циклом, судебном и хозяйственно-правовом, а в дополнение — проведение семинария¹⁶⁵ по административному праву на государственно-административном и хозяйственно-правовом

Иркутск, 1927. Елистратов А.И. Административное право. Учебное пособие. М.-Л., 1929. Кобалевский В.Л. Советское административное право. Харьков, 1929 и др.

Первым же учебным изданием советского периода по этой науке был вышедший в 1919 г. в Ростове на Дону «Учебник административного права» профессора Донского универси-тета В.А. Гагена. В нем предпринималась попытка изложить то, что можно назвать теорией административного права. Оно определялось В.А. Гагеном как «совокупность юридических норм, определяющих публично-правовые отношения, которые возникают на почве проявления административной деятельности государства и других юридических лиц публичного права между физическими и юридическими лицами (как гражданского, так и публичного права), находящимися в пределах данного государства» (Гаген В.А. Учебник административного права. Ростов на Дону, 1919. С. 74).

¹⁶² См., например: Колесников А. Административное право РСФСР (К вопросу о содержании Административного кодекса) // Власть Советов. 1923. № 3. С. 38–41. Турубинер А. Основные элементы советского административного права // Административный вестник. 1925. № 8. С. 14 - 22. Берцинский С.М. К вопросу о методологии советского управления // Сов. государство и право. 1930. № 10. С. 22–40 и др.

¹⁶³ Программа Факультета общественных наук 1-го МГУ на 1920-1921 уч. г. // ОПИ ГИМ. Фонд 442. Оп.1. Д. 35. Л.115-116).

¹⁶⁴ Данная реорганизация ФОНа была осуществлена на основе Постановления СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. «О преобразовании факультета общественных наук Первого московского государственного университета в факультет советского права и этнологический» (: СУ РСФСР. 1925. № 28. Ст. 199).

¹⁶⁵ В настоящее время занятия этого рода обозначаются термином «семинар».

отделениях¹⁶⁶. Программа лекционного курса по административному праву состояла из трех разделов: «Общее учение и административное право буржуазных государств», «Административный режим в России до Октябрьской революции», «Административное право РСФСР»¹⁶⁷.

Программа семинария по административному праву была значительно обширнее. Она состояла из десяти разделов, тематика которых отражала действительное состояние Советского государства середины 1920-х годов и те проблемы, с которыми сталкивалось в то время советское общество: «Административное право и методы его изучения в историческом развитии», «Структура аппаратов административного права», «История рабочей крестьянской милиции», «Государственная советская служба», «Методы рационализации административной техники», «Обязательные постановления и административные взыскания», «Государство и культуры», «Административные вопросы жилищного права», «Борьба с проституцией», «Укрепление революционной законности в государственном управлении»¹⁶⁸.

Преподавание административного права в форме лекций и семинариев было предусмотрено также учебными программами факультета советского права Ленинградского государственного университета и факультета права и местного хозяйства Иркутского государственного университета¹⁶⁹.

В октябре 1926 года государственно-административное отделение факультета советского права 1-го МГУ было преобразовано в отделение советского строительства, предназначенное, как и прежде, готовить служащих для центрального и местного государственного аппарата¹⁷⁰. Преподавание административного права на факультете сохранилось, несмотря на переименование государственно-административного отделения. В 1930 году слова «советское строительство» были добавлены к названию

¹⁶⁶ Учебный план факультета советского права // Обзорение преподавания на Факультете советского права 1-го М.Г. Ун-та на 1925-26 год. М., 1926. С. 9-11. «Обзорение преподавания на факультете советского права показывает, что в рамках хозяйственно-правового отделения советское административное право в указанном учебном году не преподавалось. На остальных отделениях его преподавал проф. А.И. Елистратов.

¹⁶⁷ Обзорение преподавания на Факультете советского права 1-го М.Г. Ун-та на 1925-26 год. С. 46-47.

¹⁶⁸ Там же. С. 47-51.

¹⁶⁹ См.: *Исаев М.М.* О высшем юридическом образовании // Советское право. 1927. № 6. С. 117.

¹⁷⁰ См.: *Челяпов Н.И.* Факультет советского права I Московского государственного университета // Советское государство и революция права. 1931. № 7. С. 96

факультета, который соответственно стал именоваться «факультетом советского строительства и права».

Отмена преподавания науки административного права в советских юридических вузах произошла при очередной их реорганизации в начале 1930-х годов. Постановлением ВЦИК от 20 апреля 1931 года. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» было предписано «выделить из Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского и Казанского государственных университетов факультеты советского строительства и права, реорганизовав их в самостоятельные институты: а) советского строительства для подготовки руководящего и инструкторского состава районных исполкомов и советов городов и крупных фабрично-заводских поселков, передав эти институты в ведение ВЦИК, с возложением непосредственного управления ими на соответствующие краевые (областные) исполкомы и ЦИК Татарской АССР; б) советского права для подготовки судебно-прокурорских работников для краевых, областных и районных органов, передав эти институты в ведение НКЮста РСФСР».

1 июня 1931 года коллегия Наркомата юстиции РСФСР приняла Положение о Московском институте советского права, которое было решено распространить «как типовое на все остальные институты советского права с внесением изменений, вытекающих из структурных особенностей каждого института». Положением была установлена следующая структура института: «а) судебно-прокурорско-следственное отделение; б) исправительно-трудовое отделение; в) хозяйственно-правовое отделение; г) международное отделение; д) высшие курсы по переподготовке руководящих работников юстиции; е) центральные курсы по заочной подготовке и переподготовке»¹⁷¹.

1 июля 1931 года состоялось совещание директоров институтов советского строительства и советского права, которое приняло резолюцию об основах построения типового учебного плана для каждого института. В подробном перечне учебных дисциплин, распределенных по шести периодам¹⁷², не нашлось места науке административного права. Зато для всех шести периодов был указан предмет «учение о советском государстве». В

¹⁷¹ Положение о Московском институте советского права // Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1931. № 19. С. 11.

¹⁷² Термином «период» в рассматриваемом документе названо то, что сейчас именуется «семестром».

списке дисциплин, включенных в объем специальной подготовки по советскому строительству и советскому праву, присутствовала, помимо указанного предмета, учебная дисциплина под названием «организация и техника советского управления»¹⁷³.

Распоряжением № 94 по Народному Комиссариату Юстиции РСФСР от 5 августа 1931 года были утверждены руководители кафедр Московского института советского права. В их списке не было руководителя кафедры советского административного права¹⁷⁴.

Изъятие науки административного права из учебных программ советских юридических вузов вряд ли было неожиданным для их преподавателей. Еще в 1927 году Е.Б. Пашуканис в своем обзоре литературы по административному праву заметил, что ученые-административисты не в состоянии найти «новую точку зрения», соответствующую «революционной эпохе и задачам пролетарского государства», что «советское административное право еще ждет своего теоретика»¹⁷⁵. Чтобы подтвердить правоту этой оценки, достаточно обратиться к определениям административного права, которые предлагал профессор Московского университета А.И. Елистратов. В 1910 году он отметил, что «административным правом называется совокупность юридических норм, определяющих отношения между органами государственного управления и гражданами»¹⁷⁶.

В 1914 году А.И. Елистратов высказал предположение о том, что наука административного права может быть определена как *учение о правоотношениях в области государственного управления*¹⁷⁷. В 1922 году Аркадий Иванович вернулся к прежней трактовке этой отрасли юриспруденции, констатируя, что «наука административного права стремится изучать *правовые формы взаимодействия власти и подвластных в области государственного управления*»¹⁷⁸.

¹⁷³ Резолюция по вопросу об основах построения типового учебного плана Институтов советского строительства (принята совещанием директоров Института совстроительства и Институтов права 1 июля 1931 г.) // Советское государство и революция права. 1931. № 7. С. 143.

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 31. Л. 122-122об.

¹⁷⁵ Пашуканис Е.Б. Обзор литературы по административному праву // Революция права. 1927. № 3. С. 175, 177.

¹⁷⁶ Елистратов А.И. Учебник русского административного права. Вып. 1. М., 1910. С. 1.

¹⁷⁷ Елистратов А.И. Основные начала административного права. М., 1914. С. 41.

¹⁷⁸ Елистратов А.И. Очерк административного права. М., 1922. С. 30.

Наконец, в учебнике по административному праву, изданном в 1929 году, А. И. Елистратов высказал мнение о необходимости замены науки административного права общей теорией социалистического управления, изучающей такие вопросы, как: 1) административная организация в смысле организации личных и вещных элементов государственного управления – людского состава и материальной базы; 2) формы административной деятельности; 3) формы взаимоотношений органов управления с гражданами; 4) методы проверки административной работы и улучшения госаппарата¹⁷⁹.

Вышинский подверг в своем докладе довольно резкой критике правоведа-административиста А.Ф. Евтихиева, даже обвинил его в антисоветских поклепах и в контрреволюционной клевете на советский строй, указав с явной обидой: «Этот “профессор” осмелился утверждать, что “права личности в советских республиках занимают сугубо подчиненное положение к правам коллектива”»¹⁸⁰. Но А.Ф. Евтихийев обратился к анализу юридических взаимоотношений государства и личности в СССР не для того, чтобы выставить советское общество в неблагоприятном свете, а потому, что этого требовало понимание им сущности науки административного права. В его учебнике, на который ссылался Вышинский, было предложено следующее определение советского административного права: «Административным правом называется система юридических принципов, которые регулируют государственную деятельность, направленную на обеспечение безопасности и благосостояния, по преимуществу, трудящихся в Советских республиках»¹⁸¹.

В полном соответствии с этим определением Евтихийев искал главные особенности советского варианта административного права именно в отношениях государства и граждан. «Советское административное право как право переходной эпохи от капитализма к социализму определяет отношения между личностью и государством на своеобразных началах. — утверждал он. — В нем взаимоотношение между личностью и государством покоится на началах законности, в особенности, после новой экономической политики, но законности своеобразной: революционной, пролетарской, коммунистической, которая совершенно не признает ни равенства прав всех

¹⁷⁹ Елистратов А. И. Административное право. М.-Л., 1929. С. 34–35.

¹⁸⁰ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 34.

¹⁸¹ Евтихийев А.Ф. Основы советского административного права. Харьков, 1925. С. 6.

граждан, ни равенства прав личности и коллектива. Права личности в Советских республиках занимают сугубо подчиненное положение к правам коллектива. Подобно тому, как в праве буржуазном всякое неустановленное законом вмешательство в свободу личности и имущества является возбраняемым, так равно возбраняет его и советское право, но по сравнению с буржуазным правом, оно расширяет случаи такого вмешательства»¹⁸².

К правоотношениям между государством и гражданами сводил предмет науки административного права и советский правовед Н.П. Карадже-Искров. Своеобразие советского административного права он так же, как и А.Ф. Евтихийев, связывал с подчиненностью индивидуальной свободы коллективным интересам. В небольшой по объему книге «Новейшая эволюция административного права» Карадже-Искров писал: «Индивидуальная свобода не является у нас таким основным принципом, как на Западе: наше государство проникнуто идеями коллективизма»¹⁸³.

Правоведы, видевшие в административном праве исключительно науку о взаимоотношениях государства и граждан, кажется, совсем не принимали во внимание тот факт, что сложные, в том числе правовые отношения существуют также между государственными органами, между должностными лицами, между должностными лицами, с одной стороны, и государственными органами, с другой. Но именно их трактовка науки административного права доминировала в советском правоведении 1920-х годов, хотя и не была единственной¹⁸⁴.

¹⁸² Там же. С. 195.

¹⁸³ *Карадже-Искров Н.П.* Новейшая эволюция административного права. Иркутск, 1927. С. 24.

¹⁸⁴ В первом томе Малой советской энциклопедии административное право определялось как «совокупность норм, регулирующих, в интересах господствующего класса, внутреннее управление государства». При этом пояснялось, что «область внутреннего управления в тесном смысле охватывает охрану обществ, порядка и безопасности, а в смысле широком — и ряд др[угих] отраслей государств[енной] деятельности (по нар[одному] просвещению, здравоохранению и друг[им])» (Малая советская энциклопедия. Том 1. Аа — ваниль / Главный редактор Н.Л. Мещеряков. М., 1928. Стлб. 135–136). Автором энциклопедической статьи об административном праве был, скорей всего, Н.И. Челябинов. Интересно, что из второго издания этой энциклопедии, опубликованного в 1937 г., статья об административном праве была удалена.

То, что Вышинский в своем докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, назвал ликвидацией науки советского административного права, представляло собой в действительности реакцию на слишком узкое понимание этой науки в советском правоведении, исключавшее из ее предмета широкий круг административно-правовых по своей юридической природе отношений. Это ясно показывает оценка, которую дал сформировавшемуся в СССР в 1920-е годы *индивидуалистическому варианту* советской науки административного права профессор Н.И. Челяпов, занимавший в 1929–1930 годах должность декана факультета советского права 1-го МГУ. Во введении к программе учения о советском государстве Николай Иванович написал: «Выделение административного права в особую “науку” об отношениях между государством и гражданином основано на том противополжении личности и общества, личности и государства, которое является характерным для буржуазного индивидуалистического мышления. В советской государственной системе как организационной форме диктатуры пролетариата нет места ни противополжению центральных и местных органов власти (несмотря на имеющие место в литературе попытки возродить эти отрывки буржуазных концепций), ни противополжению гражданина и государства. Поэтому мы должны пересмотреть не только содержание науки о государстве по сравнению с тем материалом, который вкладывается в эту науку буржуазными государствоведами, но отвергнуть и распределение материала этой науки по вышеуказанным рубрикам»¹⁸⁵.

Вышинский назвал Н.И. Челяпова вредителем, приписав ему стремление ликвидировать науку административного права. На самом деле профессор Челяпов отказывался не от науки советского административного права, а от **методологии** ее индивидуалистического варианта, господствовавшей в 1920-е годы в советском правоведении. Он стремился изменить эту методологию на другую, более соответствовавшую юридической природе административно-правовых отношений в советском социалистическом обществе. В этом стремлении его поддерживал в начале 1930-х годов С.М. Берцинский, которого Вышинский после рассматриваемого совещания привлек к созданию нового учебника советского административного права, изданного в 1940

¹⁸⁵ Цит. по: Берцинский С.М. К вопросу о методологии советского управления // Советское государство и революция права. 1930. № 10. С. 22.

году В статье «К вопросу о методологии советского управления» Семен Моисеевич, приведя положения об индивидуалистическом варианте науки административного права, сформулированные Челябинским, счел необходимым заметить: «Обоснование указанных важнейших положений мы черпаем из всего того богатого опыта марксистско-ленинской разработки проблем советского государства и права, который мы имеем в трудах секции права и государства Коммунистической академии. Исходя из достижений именно этих работ, мы можем вплотную подойти с критической оценкой к методологии так называемого “советского административного права”, используя при этом тот опыт коренного пересмотра этой дисциплины, который проделан в процессе преподавательской работы»¹⁸⁶.

Говоря об опыте коренного пересмотра науки советского административного права, Берцинский имел в виду труды именно Н.И. Челябинова. Необходимость такого пересмотра Берцинский связывал с тем, что в индивидуалистическом варианте науки советского административного права из сферы научного исследования и соответственно преподавания выпадают или получают извращенный смысл важнейшие элементы организации советского управления, например, способы вовлечения народных масс в государственное управление, вопросы рационализации аппарата советского управления и др.¹⁸⁷.

Призвав на первом совещании по вопросам науки советского права и государства к возрождению науки советского административного права, Вышинский отметил в тезисах своего доклада, что перед правоведами, которые возьмутся за это, будут стоять следующие задачи: «а) Определение предмета и содержания науки советского социалистического административного права; б) разработка вопросов об объеме полномочий (прав и обязанностей) органов государственного управления Союза, союзных и автономных республик и полномочий местных органов власти; в) изучение методов руководства местных органов государственной власти деятельностью подчиненных им органов управления и методов и форм руководства местным хозяйством и культурным строительством; г) учение о юридической

¹⁸⁶ Берцинский С.М. К вопросу о методологии советского управления. С. 22.

¹⁸⁷ Там же. С. 24–25.

природе решений и распоряжений местных органов государственной власти»¹⁸⁸.

После совещания началось восстановление науки административного права в учебных программах юридических вузов СССР. На страницах юридических журналов развернулось обсуждение вопросов о предмете и системе административного права¹⁸⁹.

В конце 1940 году вышел в свет учебник «Советское административное право», подготовленный к изданию Всесоюзным институтом юридических наук НКЮ СССР. Он зафиксировал новое понимание этой науки, которое в наиболее концентрированном виде выразилось в следующих положениях: «Таким образом, советское административное право — это совокупность не только норм, но и правоотношений, содержанием которых является конкретная организация государственного управления СССР и исполнительно-распорядительная деятельность органов и должностных лиц аппарата управления. Обобщая все сказанное, приходим к выводу, что советское социалистическое административное право, как отрасль советского социалистического права, своими нормами определяет и регулирует: а) организацию государственного управления, полномочия и ответственность его органов и должностных лиц; б) исполнительно-распорядительную деятельность органов и должностных лиц государственного управления; в) возникающие в процессе этой деятельности взаимоотношения между органами и должностными лицами советского государственного управления, а также этими органами и должностными лицами, с одной стороны, гражданами и их общественными организациями — с другой»¹⁹⁰.

Элементы индивидуалистического варианта науки советского административного права в новом советском административном праве сохранились: правовые отношения между государственными органами, должностными лицами, с одной стороны, и гражданами, их общественными организациями, с другой, были названы в числе предметов изучения. Но

¹⁸⁸ Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 269–270.

¹⁸⁹ Студеникин С.С. О некоторых вопросах советского социалистического административного права // Советское государство. 1938. № 1. С. 117–145. Студеникин С.С. О предмете и системе советского административного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 102–110. Петров Г.И. Предмет советского административного права // Советское государство и право. 1940. № 7. С. 34–44.

¹⁹⁰ Советское административное право. М., 1940. С. 8.

основной акцент в этой науке, возрожденной Вышинским в новом содержании и смысле был сделан на организации государственного управления. В преддверии тяжелых испытаний — в период, который в советском обществе считался довоенным, хотя война еще не разразилась — это было в высшей степени оправдано.

-6-

Советское гражданское право. Советское хозяйственное право

В докладе Вышинского, прочитанном 16 июля 1938 года на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, ставились задачи, предполагавшие изменение не только сложившейся к тому времени системы советского правоведения, но также содержания отраслевых юридических наук. При этом интересы укрепления государственности и правопорядка в СССР были не единственным фактором, диктовавшим новое понимание предмета и метода этих наук. Призывая правоведов устремить свое внимание на разработку вопросов, способствующих решению проблемы «всемерного укрепления Советского государства и права»¹⁹¹, Вышинский одновременно убеждал их в недопустимости ограничения правового регулирования только политическими целями, использования правовых форм лишь для юридического оформления государственной политики. Он старался показать, что право призвано охранять интересы не только государства, но и личности, обеспечивая каждому условия для нормальной человеческой жизни.

На основе этого представления о предназначении права Вышинский делал вполне логичный вывод о том, что в советской правовой системе административное право как совокупность норм, устанавливающих организацию государственного управления и регулирующих исполнительно-распорядительную деятельность государственных органов, должно гармонично дополняться гражданским правом как совокупностью норм, регулирующих личные, семейные, имущественные отношения граждан. «Сведение права к политике господствующего класса, — говорил в своем докладе Вышинский, — это извращение представления о праве, потому что право

¹⁹¹ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского государства и права 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 24

хотя и есть политическая категория, тем не менее оно ни в какой степени не может быть сведено только к политике. Громадная область личных и имущественных интересов граждан, защищаемых правом, не укладывается в понятие политики, имеющей свое особое содержание. Сведение права к политике означало бы игнорирование таких стоящих перед правом задач, как задачи правовой защиты личных, имущественных, семейных, наследственных и т. п. нрав и интересов. Именно в результате представления о праве, как о форме политики, и оказались возможными ликвидация например гражданского права и замена или “выветривание” его правом “хозяйственным”, имеющим дело не с живыми интересами и правами граждан, а с хозяйственной политикой»¹⁹².

Судьба науки гражданского права в первые два десятилетия существования Советского государства была аналогична судьбе науки административного права.

Ликвидация юридических факультетов согласно постановлению Народного комиссариата по просвещению, опубликованному 28 декабря 1918 года, и учреждение вместо них с 16 марта 1919 года факультетов общественных наук¹⁹³, сопровождалась упразднением большей части кафедр, в том числе и кафедр административного и гражданского права. Однако преподавание науки гражданского права (так же, как и административного права) в новом учебном заведении сохранялось. В соответствии с Положением о факультетах общественных наук с третьего года обучение шло в рамках трех отделений: экономического, исторического и юридико-политического. Программа факультета общественных наук 1-го МГУ в 1920/1921 учебном году предусматривала на юридико-политическом отделении чтение лекций по учебным курсам «Основы гражданского права» (лектором являлся проф. А.Э. Вормс) и «Гражданское право Западной Европы (проф. И.Б. Новицкий)¹⁹⁴.

Постановлением СНК от 4 марта 1921 года «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» юридико-

¹⁹² Там же. С. 22.

¹⁹³ Постановление Народного Комиссариата по просвещению об учреждении факультетов общественных наук» и Положение о факультетах общественных наук были приняты 3 марта 1919 г.

¹⁹⁴ Программа факультета общественных наук 1-го МГУ на 1920-1921 уч. г. // Отдел письменных источников ГИМ. Фонд 442. Оп.1. Д. 35. Л.115-116).

политическое отделение ФОНа было преобразовано в правовое отделение¹⁹⁵. Его учебная программа также подверглась реформе. «Обозрение преподавания Факультета общественных наук 1-го МГУ на 1922/1923 ак. год» показывает, что на правовом отделении ФОНа студенты слушали лекции по курсу «Гражданское право» (проф. И.Б. Новицкий).

В 1922 году появилось первое советское учебное издание по гражданскому праву. Оно называлось «Гражданское право РСФСР» и имело подзаголовок «Пособие к изучению основные вопросов гражданского права и действующего гражданского права РСФСР»¹⁹⁶. Его автором был С.В. Александровский. До революции он проживал в Томске и служил присяжным поверенным¹⁹⁷. После революции С.В. Александровский занимал должность заведующего отделом юстиции, который был создан в декабре 1919 года при Томском губернском революционном комитете, а в октябре 1920 года передан в состав Томского губернского исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 6 августа 1922 года С.В. Александровский был определен на пост прокурора Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК. 25 октября того же года его назначили еще и областным прокурором, поручив общее наблюдение за законностью действий всех сибирских областных органов власти. Приблизительно в феврале 1923 года Александровский был переведен в Москву, на должность председателя кассационной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР¹⁹⁸. На этом посту он отличился своей решительной борьбой с попытками лиц, у которых в первые годы пролетарской диктатуры «на

¹⁹⁵ Постановление СНК о плане организации факультетов общественных наук российских университетов // Декреты Советской власти. Т. XIII. 1 февраля – 31 марта 1921 г. М., 1989. С. 178; *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*. 1921. № 19. Ст. 117. С. 176.

¹⁹⁶ Александровский С.В. Гражданское право РСФСР. (Пособие к изучению основные вопросы гражданского права и действующего гражданского права РСФСР). Ново-Николаевск, 1922.

¹⁹⁷ Из судебных процессов, в которых С.В. Александровский участвовал как присяжный поверенный, самым громким был процесс по делу о томском погроме 20-22 октября 1905 г., проходивший в Томском окружном суде с 17 по 28 августа 1909 г. (см.: Дело о погроме в г.Томске в 1905 году (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 2, 25, 26, 96-98).

¹⁹⁸ Данная коллегия начала действовать на постоянной основе со второй половины февраля 1923 г.

основании революционного права» было отнято имущество, вернуть его с помощью соответствующих норм Гражданского кодекса РСФСР¹⁹⁹.

Книга С.В. Александровского «Гражданское право РСФСР» состояла из введения и пяти отделов: I. Вещное право. II. Обязательственное право. III. Исключительное право. IV. Семейное право. V. Наследственное право. Каждый отдел начинался с краткого изложения общих теоретических и исторических сведений о соответствующем правовом институте. После этого шло описание нормативного выражения указанных правовых институтов в действующем законодательстве РСФСР.

Текст первого издания данной книги был составлен автором до принятия Гражданского кодекса РСФСР. Поэтому к апрелю 1923 года автор подготовил ее второе издание, переработанное почти на две трети объема. В предисловии от редакции Сибирского областного государственного издательства было отмечено, что данный труд имеет «исключительную ценность для всех работников советской юстиции и юристов-практиков. Кроме того, простота и ясность изложения делают настоящую книгу единственным общедоступным пособием для студентов и всех желающих ознакомиться с данным вопросом»²⁰⁰. Третье издание труда С.В. Александровского по гражданскому праву вышло в 1924 году в Москве в издательстве Наркомата юстиции РСФСР²⁰¹.

Три издания рассматриваемой книги предельно отчетливо отразили первоначальное состояние советской цивилистики и те тенденции в ее развитии, которые впоследствии привели к поглощению науки гражданского права наукой хозяйственного права. В докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства Вышинский представил эту метаморфозу следствием «вредительской работы врагов народа, ликвидиро-

¹⁹⁹ См. об этом фрагмент из отчетного доклада председателя гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР С.В. Александровского в издании: Верховный Суд РСФСР за 1923 г. Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучки и статистический отчет с диаграммами. М., 1924. С. 27–29. Также см.: Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Кассационные определения кассационной коллегии по гражданским делам. Определение по делу № 3807 // Еженельник советской юстиции. 1924. № 22. С. 26–27.

²⁰⁰ Александровский С.В. Гражданское право РСФСР. (Пособие к изучению основных вопросов гражданского права и действующего гражданского права РСФСР). Издание второе, переработанное. Ново-Николаевск, 1923. С. 3.

²⁰¹ Александровский С.В. Очерки по гражданскому праву РСФСР. Третье издание, дополненное и исправленное. М., 1924.

вавших гражданское право и на его место поставивших так называемое “хозяйственное право”, представляющее собой смесь троцкистско-бухаринских измышлений в области права, соединенных с приемами, прямо заимствованными у наиболее реакционных буржуазных юристов»²⁰². В действительности главная причина, по которой в советском правоведении 1920-х годов на место науки гражданского права выдвинулась наука хозяйственного права, таилась, на мой взгляд, не в происках «врагов», а в **объективных обстоятельствах, не позволивших создать в то время советский вариант гражданско-правовой науки.** Ничего «ликвидировано» тогда не было, изменился лишь термин: **наукой хозяйственного права стали именовать то, что советские правоведы называли первоначально гражданским правом.**

История книги С.В. Александровского «Гражданское право РСФСР» показывает, какая гражданско-правовая наука существовала в рамках советского правоведения в первой половине 1920-х годов.

Введение к основному тексту своего произведения С.В. Александровский посвятил изложению понятия гражданского права, исторических основ современного гражданского права и задачам правотворчества РСФСР в области гражданского права.

При подготовке второго издания он оставил введение в прежнем виде и лишь добавил в его текст краткое изложение содержания Гражданского кодекса РСФСР. А вот для третьего, московского, издания своей книги Александровский написал новое введение. Сделал он это не потому, что его взгляды на сущность гражданского права изменились, а, видимо, для того, чтобы избежать обвинений в плагиате.

Существование гражданского права в советском обществе связывалось С.В. Александровским исключительно с провозглашенной в марте 1921 году X съездом РКП (б) новой экономической политикой большевистской партии, предполагавшей «признание частного хозяйственного оборота». По словам правоведа, данное признание «с неизбежностью потребовало создания правовой оболочки, создания норм гражданского права, регулирующего экономические отношения, вытекающие из нового курса, ибо отрицать

²⁰² Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 40.

необходимость этой правовой оболочки значило бы сводить на нет самые экономические отношения»²⁰³.

С.В. Александровский разделял распространенное среди советских правоведов того времени мнение об отмирании права по мере движения общества к коммунизму. «Коммунистический строй, — утверждал он, — не будет знать права. Право родилось с экономическим неравенством. Коммунизму не нужны будут органы права — их задачи выполняют хозяйственные органы. Коммунизму не нужно будет и право — его заменит единый разумный план производства и распределения»²⁰⁴. При этом Александровский допускал, что в переходный период от капитализма к социализму в советском обществе будет создано особое «пролетарское право, приспособленное к характеру переживаемого периода — периода диктатуры пролетариата»²⁰⁵, и что в рамках этого права найдется место и гражданско-правовым нормам, регулирующим частно-правовые отношения, но только таким, «которые неизбежно необходимы для придания жизненности признаваемому частному хозяйственному обороту и для создания реального стимула к развитию хозяйственной энергии и предприимчивости»²⁰⁶. Из этого высказывания видно, что советский вариант гражданского права мыслился Александровским как право *преимущественно хозяйственное*. Однако понимание им сущности гражданского права, представленное в начале книги, не соответствовало такому пониманию советского гражданского права.

Обратившись во введении к понятию гражданского права, С.В. Александровский почти дословно воспроизвел трактовку сущности гражданского права, которая была предложена И.А. Покровским в книге «Основные проблемы гражданского права», написанной в конце 1915 г.²⁰⁷

²⁰³ Александровский С.В. Гражданское право РСФСР. (Пособие к изучению основных вопросов гражданского права и действующего гражданского права РСФСР). Ново-Николаевск, 1922. С. 9.

²⁰⁴ Там же. С. 10.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. С. 9.

²⁰⁷ По сведениям, сообщенным самим автором, данная книга была первоначально написана для издания «Итоги науки» (книгоиздательства «Мир»). Ее напечатали приблизительно в конце 1915–начале 1916 г. в небольшом количестве отдельных оттисков, которые были разосланы «некоторым юридическим учреждениям и представителям науки гражданского права в России» (Покровский И.А. Основные проблемы гражданского

Однако советский правовед не только не сослался на эту книгу, но даже не упомянул о ней в своем труде.

Главную особенность гражданского права С.В. Александровский, так же как и И.А. Покровский²⁰⁸, усматривал в характерном для него способе регулирования отношений, существенно отличающемся от методики регулирования в отраслях публичного права. «В одних областях, — отмечал советский правовед, — отношения эти регулируются исключительно велениями, исходящими от единственного центра, каковым является государственная власть. Эта последняя своими нормами указывает каждому отдельному лицу его юридическое место, его права и обязанности по отношению к целому государственному организму и по отношению к другим отдельным лицам²⁰⁹. Вот этот-то способ, *прием юридической централизации*, и составляет основную сущность *публичного права*. Сюда относятся все отрасли права публичного — права государственного, уголовного финансового и т. д.²¹⁰

В области же права частного или гражданского, государственная власть воздерживается от непосредственного и властного регулирования отношений; здесь она предоставляет регулирование множеству иных маленьких центров, которые мыслятся как некоторые самостоятельные социальные единицы, как субъекты прав. Такими субъектами прав в большинстве случаев являются отдельные индивиды — люди, но сверх того и различные искусственные образования — объединения или учреждения, так называемые

права. Пг., 1917. С. 3). В июне 1917 г. автор подготовил отдельное ее издание, вышедшее приблизительно в октябре.

²⁰⁸ «В различии между правом публичным и частным, — подчеркивал И.А. Покровский, — мы имеем дело не с различием интересов или отношений, а с различием в *приемах* правового регулирования, т.е. с критерием не материальным, а *формальным*» (Покровский И.А. Указ. соч. С. 12-13).

²⁰⁹ И.А. Покровский в своей книге писал: «В одних областях отношения регулируются исключительно велениями, исходящими от одного единственного центра, каковым является государственная власть. Эта последняя своими нормами указывает каждому отдельному лицу его юридическое место, его права и обязанности по отношению к целому государственному организму и по отношению к другим отдельным лицам» (Покровский И.А. Указ. соч. С. 8).

²¹⁰ Приведенная фраза С.В. Александровского представляет собой немного измененное переложение следующего высказывания И.А. Покровского: «Вот этот-то *прием юридической централизации* и составляет основную сущность *публичного права*. То, что так ярко и непосредственно ощущается в сфере военного права, представляет общую характерную черту всех отраслей права публичного - права государственного, уголовного, финансового и т. д.» (Покровский И.А. Указ. соч. С. 9).

лица юридические. Все эти маленькие центры предполагаются носителями собственной воли и собственной инициативы, и именно им предоставляется регулирование взаимных отношений между собой. Государство не определяет этих отношений от себя принудительно, а лишь занимает позицию органа, охраняющего то, что будет определено другими»²¹¹.

Итоговый вывод из приведенных рассуждений был также заимствован С.В. Александровским из книги И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права»: «Таким образом, если публичное право есть система юридической *централизации* отношений, то гражданское право, наоборот, есть система юридической *децентрализации*»²¹².

Книга С.В. Александровского о гражданском праве РСФСР была полна недостатков и подвергалась довольно резкой критике на страницах советских юридических журналов, но в 1920-е годы трудно было найти среди советских правоведов такого человека, которого бы не критиковали за его взгляды на те или иные правовые явления²¹³. При всех своих недостатках указанная книга

²¹¹ Александровский С.В. Гражданское право РСФСР... Ново-Николаевск, 1922. С. 3.

И.А. Покровский выразил эту мысль следующим образом: «К совершенно иному приему прибегает право в тех областях, которые причисляются к сфере права частного, или гражданского. Здесь государственная власть принципиально воздерживается от непосредственного и властного регулирования отношений; здесь она не ставит себя мысленно в положение единственного определяющего центра, а, напротив, предоставляет такое регулирование множеству иных маленьких центров, которые мыслятся как некоторые самостоятельные социальные единицы, как субъекты прав. Такими субъектами прав в большинстве случаев являются отдельные индивиды — люди, но, сверх того, и различные искусственные образования — корпорации или учреждения, так называемые лица юридические. Все эти маленькие центры предполагаются носителями собственной воли и собственной инициативы, и именно им предоставляется регулирование взаимных отношений между собой. Государство не определяет этих отношений от себя и принудительно, а лишь занимает позицию органа, охраняющего то, что будет определено другими» (Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 9–10).

²¹² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 10. Александровский С.В. Гражданское право РСФСР... Ново-Николаевск, 1922. С. 4.

²¹³ Так, саратовский правовед Ф.Д. Корнилов, оценивая труд С.В. Александровского, назвал его «весьма поверхностным “теоретиком”, давшим в своих “Очерках по гражданскому праву” смесь самых противоположных точек зрения» (Корнилов Ф.Д. Природа гражданских правоотношений Советской России // Право и суд. 1925. № 1 (3). С. 18 (сноска 7). Однако высказывания А.Г. Гойхбарга и П.И. Стучки о гражданском праве вызвали с его стороны значительно более резкую критику. Правоведа Гойхбарга Корнилов назвал «наш знаменитый конструктивист», указав, что этот «достопочтенный марксист» страдает догматизмом, что он «весьма недалеко ушел от взглядов буржуазных юристов и, поддаваясь их авторитет-ному влиянию», стал в вопросе о природе гражданских правоотношений «на

заслуживает особого внимания: она в предельно ясной форме показывает, что в понимании сущности гражданского права советские правоведы 1920-х годов опирались на идеи дореволюционных русских правоведов и прежде всего на доктрину И.А. Покровского. Ее отличительной особенностью был, с одной стороны, явно выраженный индивидуалистический подход к гражданскому праву, а с другой стороны, признание огромной роли гражданского права в социализации индивидов. И.А. Покровский не противопоставлял личность обществу или государству, личные интересы — общественным или государственным, а стремился найти гармонию между ними, позволяющую им существовать во благо, и того и другого.

Индивидуалистический подход Покровского к гражданскому праву наиболее ярко выразился в следующем его суждении: «Гражданское право искони и по самой своей структуре, — утверждал Иосиф Алексеевич — было правом отдельной человеческой личности, сферой ее свободы и самоопределения. Здесь впервые зародилось представление о человеке, как субъекте прав, т.е. представление о личности, как о чем-то юридически самостоятельном и независимом даже по отношению к государству и его властям. Раз за человеком признано то или другое субъективное право, он уже занимает определенную позицию по отношению к этим последним, он уже чего-то может требовать от них, он уже известная волевая единица, а не безгласная особь кем-то пасомого стада. Пусть те объективные нормы, на которых покоятся субъективные права отдельной личности, могут быть изменены или даже отменены государством, но пока этого нет, личность имеет определенное прочное положение в жизни целого социального организма, положение, пользуясь которым, она может развивать свои силы для удовлетворения своих интересов, в пределах которого она может жить для себя. С этой точки зрения уже самое возникновение идеи субъективных прав представляет момент огромной принципиальной важности в истории человеческих обществ»²¹⁴.

Стремление Покровского найти формулу гармоничного сосуществования личности и государства наиболее отчетливо проявилось в следующем его высказывании: «Если публичное право есть система субординации, то

чисто формаль-ную точку зрения». П.И. Стучка, по мнению Корнилова, «не избежал в этом вопросе той же участи, что и Гойхбарг» (там же. С. 17-18).

²¹⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 309.

гражданское право есть система координации; если первое есть область власти и подчинения, то второе есть область свободы и частной инициативы»²¹⁵. При этом Иосиф Алексеевич отмечал, что «граница между публичным и частным правом на протяжении истории не всегда проходила в одном и том же месте; области одного и другого многократно менялись. То, что в одну эпоху регулировалось по началам юридической децентрализации и, следовательно, относилось к области частного права, в другую эпоху перестраивалось по типу юридической централизации и таким образом переходило в область публичного права и наоборот»²¹⁶. Эти факты позволили Покровскому сделать вывод о применимости обоих приемов правового регулирования ко всякой области общественных отношений и признать за каждым из них «особую социальную ценность»²¹⁷.

Методологический подход И.А. Покровского к объяснению сущности гражданского права оказался весьма востребованным в советской цивилистике. Первым из советских правоведов, обратившихся к его идеям для обоснования своей позиции, стал А.Г. Гойхбарг.

В статье «Пролетарская революция и гражданское право», опубликованной в 1918 года в первом номере журнала «Пролетарская революция и право», Александр Григорьевич задался вопросом: «Какова сущность гражданского права?». Отметив, что спор о том, где находятся границы между правом гражданским и публичным, каково основное отличие гражданского права от права публичного, далеко еще не решен в юридической литературе, он заявив, что «в общем можно признать наиболее удовлетворительным следующее разъяснение сущности гражданского права, данное, между прочим, недавно проф. И.А. Покровским»²¹⁸. После этих слов Гойхбарг привел довольно пространное рассуждение ученого о приемах регулирования общественных отношений и процитировал его вывод о том, что «если публичное право есть система юридической централизации отношений, то гражданское право, наоборот, есть система юридической децентрализации».

²¹⁵ Там же. С. 10.

²¹⁶ Там же. С. 11.

²¹⁷ Там же. С. 14.

²¹⁸ Гойхбарг А.Г. Пролетарская революция и гражданское право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 15.

Этот вывод привлек особое внимание Гойхбарга потому, что он признавал возможность регулирования общественных отношений, которые прежде регулировались приемами гражданского права, публично-правовыми методами, и, соответственно, допускал сокращение сферы действия гражданского права вплоть до полного его исчезновения. В 1918 году это уже происходило на практике — в частности: была проведена национализация земли, многие объекты собственности перешли в ведение государственной власти. Гойхбарг задавал вполне логичный вопрос: можно ли в этих условиях говорить, что вещное право продолжает быть частью гражданского права? «Можно ли говорить о свободе договоров и соглашений, когда наемный труд и наем помещений властно регулируются государственной властью, когда определяются пределы прибыли единоличных и коллективных предприятий, когда национализируются известные части производства и торговли, когда подготавливается всеобщая трудовая повинность?»²¹⁹.

Вывод, который Гойхбарг сделал, опираясь на доктрину сущности гражданского права, разработанную И.А. Покровским, был весьма категоричен: «Частное гражданское, буржуазное право, основанное на индивидуалистическом принципе “*Laisser faire, laisser passer*”, повсюду хиреет на наших глазах. Окончательный, смертельный удар наносит ему власть нового класса — пролетариата. Во время пролетарской революции это право находится в агонии и заменяется социальным правом переходной эпохи, правом, основанном на плановом, централизованном учете и удовлетворении материальных и духовных потребностей людей, членов крупного и все расширяющегося коллектива»²²⁰.

Вывод об исчезновении в Советской России гражданского права А.Г. Гойхбарг повторил в своем докладе «О Гражданском кодексе», произнесенном 28 июля 1920 года на заседании третьего Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. Сообщив, что число гражданских дел в судах сводится к нулю, что «договорное право уничтожено», «договоры, которые раньше были в основе всего, теперь никакой роли не играют», он завершил свою речь выводом, звучавшим как приговор гражданскому праву:

²¹⁹ Там же. С. 17.

²²⁰ Там же.

«Надо признать, что необходимо лишь издание Кодекса социального законодательства, но не Кодекса гражданского права»²²¹.

Два года спустя, в августе 1922 года именно А.Г. Гойхбаргу и его помощнику Н.И. Бернштейну было поручено составление окончательного проекта первого для Советской России Гражданского кодекса²²². 31 октября того же года Александр Григорьевич представил его на заседании IV сессии ВЦИК РСФСР²²³, и данный проект был принят и введен в действие с 1 января 1923 г.

Появление в Советской России Гражданского кодекса не привело к возникновению советской науки гражданского права. Работы по составлению его текста носили чисто прикладной характер и не сопровождались решением общих проблем — например, поисками ответа на вопрос о том, какими должны быть гражданское право и его основополагающие институты, чтобы соответствовать природе советского социально-экономического и политического строя. «Наш Гр[ажданский] кодекс возник в беспрецедентных условиях, — вспоминал позднее И.С. Перетерский. — Ему не предшествовали теоретические работы, имеющие своей задачей выяснить основные принципы законодательства переходной эпохи, постановления его не могли базироваться на предыдущем законодательстве, не имелось и судебной практики. И совершенно исключительной является та быстрота, с которой был создан Гр[ажданский] кодекс и которая диктовалась необходимостью немедленно урегулировать рыночные отношения, возникшие на почве новой экономической политики»²²⁴.

Работа над проектом Гражданского кодекса РСФСР и последующее его принятие не скорректировали взгляды Гойхбарга на сущность гражданского права. Новая экономическая политика, провозглашенная большевистским руководством на X съезде РКП (б), допустила частно-хозяйственный оборот в весьма ограниченной степени и, как можно было предполагать, не надолго. Гойхбарг понимал это и не считал, что в результате осуществления данной

²²¹ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Вып. XI-XII. Протоколы III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, с приложением резолюций съезда. М.-Пг., 1921. С. 101

²²² См.: Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания, общая характеристика, текст, приложения. Издание 2-е, доп. и исправл. М., 2012. С. 60-71.

²²³ IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. Бюллетень № 8. 1 ноября 1922 г. [Стенографический отчет] С. 15-20.

²²⁴ Перетерский И.С. Советские гражданские кодексы // Советское право. 1927. № 6. С. 50.

политики появилась почва для возрождения гражданского права. Поэтому своей книге о Гражданском кодексе РСФСР, вышедшей в 1923 году, он дал необычное название – «Хозяйственное право РСФСР. Том 1. Гражданский кодекс». Во введении автор сообщил: «Я собираюсь в моей работе дать систему не гражданского права, а гражданского кодекса»²²⁵. Однако и о Гражданском кодексе РСФСР Гойхбарг отозвался с нескрываемым скептицизмом: «Наш Гражданский кодекс не имеет корней в прошлом. Он не является завершением долголетней судебной практики или теории. Он построен на совершенно расчищенном месте. За два года до его появления в Советской России почти не оставалось и следа от тех отношений, которые обычно именуется частно-правовыми или гражданско-правовыми»²²⁶.

Само название книги показывает, что Гойхбарг смотрел на Гражданский кодекс как на законодательное воплощение не гражданского, а хозяйственного права. Создатель Гражданского кодекса РСФСР считал невозможным существование советского варианта науки гражданского права.

Впрочем для формирования такой науки в Советской России 1920-х годов отсутствовали и социальные предпосылки – не было достаточного количества правоведов-цивилистов, способных осмыслить своеобразный характер гражданско-правовых отношений в условиях страны, в которой хозяйство строилось на основе государственной собственности и в регулировании экономической жизни преобладали публично-правовые принципы. И.С. Перетерский писал по этому поводу: «Создание Гр[ажданского] кодекса в то время не затронуло широких кругов юристов. Советский юрист – “советский” не по названия, а на деле – тогда являлся еще, в значительной степени, фигурой будущего»²²⁷.

-7-

«Советское социалистическое гражданское право принципиально отлично от буржуазного гражданского права»²²⁸, – заявил Вышинский на первом совещании по вопросам науки советского права и государства. Для

²²⁵ Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. 1. Гражданский кодекс. М.-Пг., 1923. С. 5.

²²⁶ Там же. С. 3.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 39.

придания этой мысли большей убедительности Андрей Януарьевич привел высказывания В.И. Ленина о том, какой должна быть политика Советского государства в области регулирования гражданско-правовых отношений: «Ленинизм учит нас новому подходу к вопросам гражданского права. Еще в 1922 г. в записке на имя т. Курского Ленин писал: «“Мы ничего “частного” не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в “частно-правовые” отношения, расширить право государства отменять “частные” договоры, применять не *corpus juris romani* к “гражданским правоотношениям”, а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией”»²²⁹.

Вышинский процитировал слова Ленина из письма к наркому юстиции РСФСР Д.И. Курскому от 20 февраля 1922 года по 2-му изданию собрания ленинских сочинений²³⁰. Полный текст этого ленинского письма, впервые опубликованный только в 1970 году, содержал высказывания, показывающие более настойчивое стремление Ленина к формированию нового гражданского права. Приведенный Вышинским фрагмент данного письма являлся частью абзаца, который начинался со слов: «Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст “плывет по течению”; я это вижу. А он обязан бороться *против* течения». Далее следовала рекомендация: «**Не перенимать** (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) **старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое**. Не поддаваться Наркоминделу, который “по должности” тянет линию “приспособления к Европе”, а *бороться* с этой линией, вырабатывать **новое гражданское право**, новое отношение к “частным” договорам и т. п.»²³¹ (выделено мною. — В.Т.). Процитированная Вышинским неоконченная ленинская фраза «мы допускаем капитализм

²²⁹ Там же.

²³⁰ Ленин В.И. Д.И. Курскому. Записка. Февраль 1922 г. [Москва] // Ленин В.И. Сочинения. Издание второе, исправленное и дополненное / Под редакцией В.В. Адоратского, В.М. Молотова, В.А. Савельева. М., 1932. Том XXIX. Письма 1911–1922. С. 419.

²³¹ Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курскому. 20.02.1922 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 44. М., 1970. С. 398.

только государства...» в полном тексте письма выглядела следующим образом: «Мы допускаем капитализм *только* государственный, а государство, это — мы, как сказано выше»²³².

Высказаться и довольно категорично о том, каким должно быть гражданское право в Советском государстве, Ленина заставила ситуация, сложившаяся в связи с подготовкой ряда актов нового гражданского законодательства РСФСР. С лета 1921 года в Наркомате юстиции шла разработка проекта закона об обязательствах, возникающих из договоров²³³. В конце января – начале февраля 1922 года его текст был передан в Совет Народных Комиссаров. Вечером 14 или утром 15 февраля управляющий делами Совнаркома сообщил об этом Ленину. Владимир Ильич еще не был ознакомлен с данным проектом, но накануне он прочитал заключение на него Рабоче-Крестьянской инспекции, в котором «отрицалось право Советского государства вмешиваться в дела частных предприятий и контролировать их»²³⁴. Его чрезвычайно встревожила эта попытка ограничить полномочия государственной власти в сфере гражданско-правовых отношений. Тем более, что ее поддержало руководство Наркомата иностранных дел, которое считало, что определенные уступки частному капиталу в советском гражданском законодательстве облегчат советским дипломатам переговоры с представителями западных держав на созывавшейся в Генуе в апреле 1922 года международной конференции по проблеме экономического возрождения Европы.

15 февраля 1922 года Ленин сообщил наркомю юстиции: «Товарищ Курский, я не могу ознакомиться с проектом декрета о векселях и

²³² Там же.

²³³ В окончательном своем варианте, принятом ВЦИК РСФСР 22 мая 1922 г., данный закон получит название «Декрет об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Но в процессе подготовки его проект назывался по-разному. По словам Т.Е. Новицкой, изучавшей этот вопрос по архивным материалам, «в протоколах коллегии Наркомата юстиции он именуется и Кодексом об обязательствах, возникающих из договоров, и гражданским обязательственным правом, и Общим положением обязательственного права, и Гражданским кодексом, и Кодексом обязательственного права. В начале 1922 г. проект передается в Совнарком, теперь его именуют Положением об обязательствах, возникающих из договоров» (Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания, общая характеристика, текст, приложения. Издание 2-е, доп. и исправл. М., 2012. С. 38).

²³⁴ Новицкая Т.Е. Указ. соч. С. 39.

гражданских обязательствах. Считаю абсолютно необходимым, чтобы мы имели в этом законе полную гарантию прав нашего государства не только на полную ревизию и контроль, но и на расторжение по серьезным государственным основаниям»²³⁵.

Приведенное выше ленинское письмо Курскому от 20 февраля 1922 года, в котором было заявлено о необходимости создавать новое гражданское право, положив в его основание не частно-правовые, а публично-правовые начала, являлось в сущности продолжением указанного письма, написанного наркому юстиции пятью днями ранее.

В письме Д.И. Курскому, написанном 28 февраля 1922 года, Ленин повторил мысль о необходимости усиления вмешательства Советского государства в частно-правовые отношения, но при этом в приписке к основному тексту письма, сделанной «по поводу гражданского кодекса», наказал: «Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно»²³⁶. Таким образом, советский вариант гражданского права должен был, по мысли В.И. Ленина, обеспечивать интересы не только государства, но и частных лиц.

Указанное двойственное предназначение советского гражданского права было ясно выражено в принятом ВЦИК 22 мая 1922 года Декрете об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР (именно этот документ Ленин называл в письмах наркому юстиции Курскому *декретом о гражданских обязательствах* или *гражданским кодексом*). В его преамбуле было заявлено: «В целях установления точных взаимоотношений государственных органов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их объединений между собой, и в целях предоставления вытекающих отсюда **правовых гарантий**, необходимых для осуществления имущественных прав граждан РСФСР и иностранцев»²³⁷ (выделено мною. — В.Т.).

²³⁵ Ленин В.И. Письмо в Наркомюст Д.И. Курскому. 15 февраля 1922 г. // Ленинский сборник. Вып. 35. М., 1945. С. 330–331.

²³⁶ Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому в Наркомюст. 28 февраля 1922 г. // Ленинский сборник. Вып. XXXV. М., 1945. С. 334–335.

²³⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922. № 36. 18 июня. Отдел 1. Ст. 423. С. 808.

Идея Ленина о «новом гражданском праве» для Советского государства, юридически оформляющего взаимоотношения не только частных лиц, но и экономические отношения в системе государственного хозяйства не получила развития в трудах советских правоведов.

Так, Я.Л. Берман в статье «Марксизм и гражданский кодекс», опубликованной в 1922 году в мартовском номере журнала «Советское право», предлагал построить Гражданский кодекс РСФСР таким образом, чтобы он содержал «определение гражданского права *в его отличии от публичного права*». При этом Яков Леонтьевич пояснял, что «это различие следует искать в двух типах регулирования социальных отношений: 1) публично-правовом или коллективистическом, который заключается в установлении сложной системы высших и низших, подчиненных и соподчиненных органов с планомерным предписанием им предмета и направления в деятельности, с единым направляющим центром, единым бюджетом и т.д., 2) частно-правовом или индивидуалистическом, т.е. таком, который нормирует отношения множества друг от друга независимых и действующих по своим собственным планам и желаниям хозяйственных единиц, т.е. действующих без установления единого плана действия, без единого бюджета, без единого центра, который бы направлял действия целой системы органов»²³⁸. Из этого высказывания видно, что Я.Л. Берман, так же как и А.Г. Гойхбарг, связывал гражданское право только с *частно-правовым или индивидуалистическим типом* регулирования социальных отношений.

Подобное воззрение разделяли в 1920-е годы почти все советские правоведы. Так, С.И. Асканазий писал: «Те сферы хозяйственного оборота, где преобладает частно-правовое регулирование, образуют сферу действия гражданского права. Особенностью гражданского права советских республик является то, что оно не получает распространения на весь наш хозяйственный оборот, как это имеет место в капиталистических государствах; оно находит пределы своему применению там, где в оборот проникают начала планового характера. Внедрение плановых начал в наш хозяйственный оборот создает широкую сферу отношений, остающуюся вне частно-правового регулирования. В этой сфере планируемого хозяйства могут быть

²³⁸ Берман Я.Л. Марксизм и гражданский кодекс (по поводу проекта Гражданского кодекса, выработанного Нар. Комиссариатом Юстиции) // Советское право. 1922. № 3. С. 97–98.

выделены особые ветви хозяйственного права — промышленное, земельное, кооперативное право и др.»²³⁹.

Аналогичным образом смотрел на судьбу гражданского права при социализме Ф.И. Вольфсон. В «Учебнике гражданского права», вышедшем первым изданием в 1925 году, а третьим — спустя два года, он довольно категорично заявил: «В социалистическом централизованном плановом хозяйстве не может быть места для договоров, сделок, собственности и вообще гражданских прав... При системе частного товарного хозяйства гражданские права необходимы. При системе централизованного социалистического планового хозяйства гражданские права не нужны»²⁴⁰.

В докладе на первом совещании по вопросам советской науки права и государства Вышинский упрекал советских цивилистов в том, что они «все еще не научились рассматривать вопросы гражданско-правовых отношений и гражданского права в целом, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, не признающую в области хозяйства ничего “частного”»²⁴¹. Этот упрек был справедлив: советские правоведы далеко не сразу признали необходимость создавать новое гражданское право, принципиально отличающееся от буржуазного, соответствующее условиям именно централизованного социалистического хозяйства. В 1920-е годы их представления о сущности гражданского права определялись в большей мере доктриной И.А. Покровского, выраженной им в книге «Основные проблемы гражданского права», нежели ленинскими идеями о сущности и предназначении гражданского права в социалистическом обществе. Они не восприняли мысль В.И. Ленина о необходимости гражданско-правового регулирования не только в сфере частного хозяйства, но и в централизованной социалистической экономике, базирующейся на государственной собственности на средства производства.

С момента появления Гражданского кодекса французов, то есть с 1804 года, в западноевропейском правоведении было принято считать, что создание гражданского кодекса формирует отрасль гражданского права. Советские цивилисты смотрели на введенный в действие 1 января 1923 года

²³⁹ Асканазий С.И. Правовые формы товарного и планового хозяйства // Советское право. 1926. № 5. С. 38.

²⁴⁰ Вольфсон Ф.И. Учебник гражданского права. С предисловием Я.Н. Бранденбургского. 3-е издание. М., 1927. С. 9.

²⁴¹ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 40.

Гражданский кодекс РСФСР как на временную уступку капитализму. П.И. Стучка писал в 1924 году: «Скажем откровенно, наш кодекс является только результатом отступления»²⁴². Отметив после этих слов, что кодекс «одновременно обладает особенностями, придающими ему чрезвычайно важное значение», Петр Иванович тут же признал, что данные особенности «обнимают лишь незначительное количество статей, клином врезавшихся в эту перепечатку извлечений из чисто буржуазных кодексов»²⁴³. Принятие в Советской России Гражданского кодекса он посчитал рецепцией «*буржуазного гражданского права*»²⁴⁴. По его словам, «составители проекта гражданского кодекса рассуждали приблизительно так: тут создается небольшой уголок для нэпмановщины, для капиталистической эксплуатации, при одновременном противоядии: особом советском публично-хозяйственном, трудовом и земельном праве»²⁴⁵.

Соглашаясь сохранить термин «гражданское право» для обозначения совокупности норм, регулирующих экономические отношения в Советском государстве, Стучка предлагал применить к нему еще одно название, учитывающее, что это право будет действовать в условиях плановой социалистической экономики. «Я полагаю, что этому единому Госплану должна соответствовать сложная, но единая организация производства и обмена, единая система общественных отношений, одним словом, *единое советское, гражданское или хозяйственное право*»²⁴⁶. Это мнение выразил не рядовой правовед, а председатель Верховного суда РСФСР. При этом Петр Иванович считался специалистом именно в области гражданского права. Незадолго до смерти он опубликовал исповедь о перипетиях своей научной деятельности, в которой заявил: «Я с самого первого выступления на правовом теоретическом фронте указывал, что считаю основным правом гражданское право, а

²⁴² Стучка П.И. Классовое государство и гражданское право. М., 1924. С. 48.

²⁴³ Там же. Под указанными статьями Гражданского кодекса П.И. Стучка подразумевал, скорее всего, статью 30, которая предусматривала возможность признать недействительной сделку, направленную «к явному ущербу для государства», и другие статьи, обеспечивавшие государственные интересы (напр., ст. 1, 147, 402). Статья 30 соответствовала принципу, провозглашенному еще в Институциях Юстиниана (Кн. 1. Титул 8. § 2): «*Expedit enim rei publicae, ne quis re sua male utatur* (Для государства выгодно, чтобы никто не злоупотреблял предоставленным ему правом)»

²⁴⁴ Стучка П.И. Классовое государство и гражданское право. С. 51.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же. С. 55.

остальные области права лишь ответвлениями или подсобными отраслями»²⁴⁷.

В рассматриваемом докладе Вышинского появление в советском правоведении категории хозяйственного права было представлено результатом «вредительской работы врагов народа», поставивших его на место ликвидированного гражданского права²⁴⁸. Правда, в тезисах к докладу это объяснение не получило отражения: в них лишь констатировалось, что «место гражданского права заняло так называемое “хозяйственное право”»²⁴⁹, но зато была повторена данная в докладе оценка хозяйственного права как смеси «троцкистско-бухаринских измышлений в области права, соединенных с приемами, заимствованными у буржуазных юристов»²⁵⁰.

На самом деле появление категории хозяйственного права в советской юридической науке 1920-х годов было связано с попытками советских правоведов осмыслить особенности правового регулирования имущественных отношений в условиях огосударствленной экономики. Такие попытки предпринимались правоведами западноевропейских стран с конца XIX – начала XX века, когда заметно возрос удельный вес крупных объединений в промышленности и резко усилилась регулирующая роль государства в экономических отношениях. В германском правоведении уже в 90-е годы XIX века вошел в употребление термин «Wirtschaftsrecht» – «хозяйственное право», стали издаваться статьи и книги по его проблемам²⁵¹, начали формироваться различные доктрины этого явления.

В 1917 году при Йенском университете был учрежден Институт хозяйственного права (Institut für Wirtschaftsrecht). Его основатель и директор Юстус Вильгельм Гедеман (*Justus Wilhelm Hedemann*) в 1922 году выпустил небольшую книжку под названием «Grundzüge des Wirtschaftsrechts (Основные черты хозяйственного права)». В 1924 году эта работа была издана в

²⁴⁷ Стучка П.И. Мой путь и мои ошибки // Советское государство и революция права. 1931. № 5–6. С. 73.

²⁴⁸ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 40.

²⁴⁹ Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 271.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ См.: Агарков М.М. Понятие хозяйственного права в германской литературе // Право и жизнь. 1924. Кн. 5–6. С. 33–37. Раевич С.И. Германская литература по хозяйственному праву // Революция права. 1928. № 2. С. 131–140.

переводе на русский язык в Советской России²⁵². Автор сделал в ней вывод о том, что понятие хозяйственного права утвердилось в германской юриспруденции с поразительной быстротой — «в течение трех-пяти лет» и теперь «в университетах читают лекции о хозяйственном праве, учреждаются специальные кафедры и специальные институты. В литературе оно давно уже завоевало неотъемлемое место, от солидного учебника до простейших картограмм. Мы с ним сталкиваемся как в повседневной прессе, так и в политических беседах»²⁵³. Ю.В. Гедеман признавал, что в начале 1920-х годов среди германских правоведов являлось «господствующим воззрение о том, что наряду с правом семейным, наследственным, государственным, церковным, международным, нужно поставить и новый предмет: хозяйственное право»²⁵⁴. Однако сам он смотрел на этот феномен скорее как на особое направление в юриспруденции наподобие естественного права²⁵⁵.

Утверждению категории хозяйственного права в советской юридической науке начала 1920-х годов способствовало не только понимание гражданского права как юридической формы частного или индивидуалистического хозяйства, заставлявшее правоведов искать для экономики, базирующейся на государственной собственности, юридическую форму иного рода, но и введение в первый советский гражданский кодекс таких норм, которые подчиняли индивидуальные права и саму правоспособность интересам развития народного хозяйства. Изложение основных положений данного кодекса начиналось со статьи, в которой провозглашалось: «Гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Согласно же четвертой статье, гражданская правоспособность предоставлялась всем гражданам, не ограниченным по суду в правах, «в целях развития производительных сил страны».

А.Г. Гойхбарг, при участии которого эти статьи были сформулированы, именно в них видел самое серьезное основание для того, чтобы считать Гражданский кодекс РСФСР 1922 года законодательным выражением не гражданского, а хозяйственного права. Это мнение разделял и Л.С. Таль,

²⁵² Гедеман Ю.В. Основные черты хозяйственного права. Трансформация понятия собственности. Харьков, 1924.

²⁵³ Там же. С. 10.

²⁵⁴ Там же. С. 12.

²⁵⁵ Там же. С. 11.

известный своей монографией о трудовом договоре, первая часть которой была издана в 1913-ом,²⁵⁶ а вторая — в 1918 году. В этой части была выражена, пусть и в неявной форме, идея хозяйственного права, отличного от гражданского²⁵⁷. В 1924 году Лев Семенович опубликовал статью «Понятие и сущность хозяйственного права», в которой отметил, что для этого явления «характерна тенденция совмещения и примирения таких разнородных форм правовой организации, как государственное регулирование, социальная автономия предприятия и индивидуальное самоопределение отдельных лиц. Их сближение достигается принципиальным признанием функционального характера, как частных прав (ст. 1 Гражд. кодекса), так и самой правоспособности (ст. 4 Гражд. кодекса), т.е. установлением того основного начала, что индивидуальные права и правоспособность мыслятся лишь как средства для целей коллектива и только, как таковые пользуются охраной правопорядка, — идея совершенно чуждая индивидуалистическому хозяйству»²⁵⁸.

Л.С. Таль показал в этой статье, что появление в правоведении категории хозяйственного права отражало объективные процессы, происходившие в то время во всех развитых странах, и объяснил ее отличия от категории гражданского права. «Движение в сторону коллективизма в хозяйстве стало одним из важнейших и крупнейших факторов современной общественной эволюции, — констатировал советский правовед. — Оно ставит науке права определенные задачи, требующие тщательного исследования и творческого разрешения. Для этого необходимо, прежде всего, систематическое сопоставление и анализ исследуемых явлений, т. е. всех правовых институтов, начал и идей, свойственных коллективистическому хозяйству, в отличие от индивидуалистического. В этом смысле, необходимость особой дисциплины „хозяйственного права“ властно диктуется жизнью. Конечно, индивидуалистическое хозяйство также имеет свое хозяйственное право, но в нем нет объединяющей идеи. Оно, как мы указывали, собирательное имя для исторически сложившихся специальных отраслей права. Право коллективис-

²⁵⁶ Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Часть 1: Общие учения. Ярославль, 1913.

²⁵⁷ Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Часть 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1918. С. 23–51.

²⁵⁸ Таль Л.С. Понятие и сущность хозяйственного права / Право и жизнь. 1924. Кн. 9. С. 18–19.

тического хозяйства проникнуто особым духом, построено на началах, чуждых и отчасти противоположных праву индивидуалистического строя и поставленные ему проблемы существенно отличаются от последнего как по характеру, так и по методам их разрешения»²⁵⁹.

По мнению Л.С. Таля, права на имущество, которое не имеет статуса частной собственности, и в то же время используется для хозяйственных целей, «не укладываются ни в один из известных гражданскому праву типов имущественных прав. Коллективное хозяйство не может не быть плановым хозяйством, а в последнем индивидуальные права и обязанности автоматически принимают, в большей или меньшей степени, характер „функций“, которые по самой своей природе чужды индивидуалистическому праву»²⁶⁰.

Связывая гражданское право только с частным, индивидуалистическим хозяйством и признавая его неспособным дать юридическое оформление централизованной плановой социалистической экономике, советские правоведы, казалось бы, должны были развивать науку хозяйственного права как параллельную по отношению к цивилистике, то есть не ставить хозяйственное право на место гражданского права. Если же они приходили к выводу о том, что содержание гражданского права при советской власти «весьма существенно изменилось», как это утверждал П.И. Стучка²⁶¹, то логичным было бы применять для обозначения юридической формы централизованного планового хозяйства привычный для всех термин «гражданское право», а не вводить в оборот новую и довольно расплывчатую категорию «хозяйственное право».

Вышинский критиковал правоведов, разрабатывавших идею хозяйственного права за то, что они ликвидировали гражданское право и поставили на его место так называемое «хозяйственное право», между тем критиковать их следовало бы не за саму эту замену, а за отсутствие в ней какой-либо логики. В результате сложилась весьма странная ситуация как в советском юридическом образовании, так и в советской учебной литературе по юриспруденции.

²⁵⁹ Там же. С. 23.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Стучка П.И. Классовое государство и гражданское право. С. 50.

По словам Л.С. Талья, «в России о хозяйственном праве впервые заговорили в связи с образованием общественных факультетов и пересмотром планов преподавания. Чувствовалась потребность в дисциплине, систематически излагающей и освещающей правовые основы создаваемого в России хозяйственного строя, а также, по мере возможности, соответствующие этому строю принципы и нормы права. Гражданское, торговое и, отчасти, трудовое право, в том виде, как они преподавались раньше, перестали быть официальным действующим русским правом, по мере того, как гражданский оборот заменялся коллективистическими формами производства и распределения. Поэтому, наряду с указанными предметами, были введены (по крайней мере, в Москве) курсы, под разными названиями (напр., “Правовые основы хозяйственного строя Советской России”), посвященные праву коллективистического хозяйства»²⁶².

Программа Факультета общественных наук 1-го МГУ на 1920-1921 учебный год показывает, что студентам юридического отделения читались лекционные курсы по гражданскому и торговому праву, но одновременно преподавались такие предметы, как «Рабочее право», «Частное право коллективов» (проф. Л.С. Таль), «Кооперативное право» (проф. В.Н. Шрётер)²⁶³.

Виктор Николаевич Шрётер (1885–1938) являлся выпускником юридического факультета императорского Московского университета и учеником Г.Ф. Шершеневича. Он стал одним из основателей советской науки хозяйственного права²⁶⁴. В 1922 году В.Н. Шрётер опубликовал весьма интересную статью о правовых проблемах, возникающих в процессе участия государственных предприятий в частно-правовом обороте, в которой обратил внимание на необходимость уяснения теоретических основ хозяйственного права. «Наше хозяйственное право не имеет прецедентов, оно пишется на белом листе, и декреты наши отчасти принципиально, отчасти в силу новизны дела ограничиваются крайне общими постановлениями»²⁶⁵, —

²⁶² Таль Л.С. Понятие и сущность хозяйственного права. С. 17.

²⁶³ Программа Факультета общественных наук 1-го МГУ на 1920-1921 уч. г. // ОПИ ГИМ. Ф. 442. Оп.1. Д. 35. Л.115-116.

²⁶⁴ Шрётер В.Н. Система промышленного права. М.-Л., 1924; Шрётер В.Н. Советское хозяйственное право. (Право торгово-промышленное). М.-Л., 1928.

²⁶⁵ Шрётер В.Н. Государственное предприятие и частнопредпринимательский оборот // Советское право. 1922. № 3. С. 127.

утверждал он в этой статье и делал вывод о том, что при таких обстоятельствах судьи вынуждены искать юридические основания для решений хозяйственно-правовых споров только в тех «общих принципах, которые только и имеются в декретах или общепризнаны в быту»²⁶⁶. Данный вывод означал, что формирование в Советской России в начале 1920-х годов науки хозяйственного права отвечало практическим потребностям и тому состоянию российской экономики, которое стало складываться после гражданской войны и в результате проведения Советским государством новой экономической политики.

После преобразования в июне 1925 года юридического отделения ФОНа 1-го МГУ в факультет советского права был принят новый учебный план. Он отразил существенные перемены в статусе науки хозяйственного права, произошедшие в советском правоведении после введения в действие Гражданского кодекса РСФСР. Данный учебный план сохранил термин «гражданское право», но лишь в названии одной из предметных комиссий (ее председателем был назначен проф. И.С. Перетерский)²⁶⁷.

Распределение дисциплин по предметным комиссиям показывает удивительную ситуацию: в перечне предметов, входивших в ведение предметной комиссии по гражданскому праву, наука гражданского права отсутствовала. Вместо нее было указано «хозяйственное право». Правда, в перечне осталась «История институтов частного права»²⁶⁸.

Учебный план факультета советского права предусмотрел чтение лекций по хозяйственному праву на всех трех отделениях — государственно-административном с международным циклом, судебном и хозяйственно-правовом, а в дополнение — проведение семинариев по этому предмету в рамках судебного и хозяйственно-правового отделений²⁶⁹. Преподавание науки гражданского права данным учебным планом предусмотрено не было.

В 1927 году в издательстве Коммунистической академии вышел в свет первый том «Курса советского гражданского права» П.И. Стучки, представивший «Введение в теорию гражданского права». Основной текст данного тома

²⁶⁶ Там же. С. 128.

²⁶⁷ Обзорение преподавания на Факультете советского права 1-го М.Г. Ун-та на 1925-26 год. М., 1926. С. 7.

²⁶⁸ Там же. С. 8.

²⁶⁹ Учебный план факультета советского права // Обзорение преподавания на факультете советского права 1-го М.Г. Ун-та на 1925-26 год. М., 1926. С. 9-12.

начинался с весьма примечательного заявления автора: «Советское гражданское право, точнее, советский кодекс гражданского права, должно быть переложено в параграфы (статьи) политической экономией, вернее, эконом[ической] политикой нашего переходного периода. Таков будет лейтмотив (руководящее положение) всей моей работы»²⁷⁰.

После теоретических рассуждений о сущности права вообще и буржуазного гражданского права, в частности, Стучка представил определение советского варианта гражданского права: «Я определяю наше понятие “гражданского”, или, по-нашему, хозяйственного “права”, как “форму организации общественных отношений”, т. е. “отношений производства и обмена, охраняемой в интересах господствующего класса организованной этим классом государственной властью»²⁷¹. Отождествляя советское гражданское право с действующим Гражданским кодексом РСФСР и называя его хозяйственным правом, П.И. Стучка в то же время именовал свою книгу курсом «советского **гражданского** права». В этом было, если не противоречие, то какое-то странное несоответствие или расхождение. Имело ли оно какой-то смысл. И, если имело, то в чем этот смысл заключался?

-8-

Предпринятая в советском правоведении во второй половине 1920-х годов попытка заменить понятие гражданского права категорией хозяйственного права отражала перемены, происходившие в то время в экономической политике Советского государства, провозглашенной большевистской партией весной 1921 года.

X Всероссийская конференция РКП (б), проходившая с 26 по 28 мая 1921 года, объявила основным рычагом государственной экономической политики **товарообмен** между промышленностью и земледелием²⁷². Однако на

²⁷⁰ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Том 1. Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 9.

²⁷¹ Там же. С. 41.

²⁷² В принятой X партийной конференцией резолюции об экономической политике заявлялось: «Основным рычагом новой экономической политики признается товарообмен. Правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, создание вполне устойчивой формы экономического союза обоих классов на период перехода от капитализма к социализму невозможны без установления систематического товарообмена или про-дуктообмена между промышленностью и земледелием» (Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП (большевики). Май 1921 г. М., 1933. С. 92).

практике запустить механизм товарообмена не удалось. Крестьяне отказывались обменивать свою продукцию на промышленные товары и требовали за нее деньги. В результате и государственные товарообменные организации вынуждены были перейти к продаже товаров на рынке и к покупке сельхозпродукции за деньги. Выступая 29 октября 1921 года на московской губернской партийной конференции, В.И. Ленин признал ошибочность решения проводить экономическую политику через товарообмен: «Весной мы говорили, что мы не будем бояться возвращения к государственному капитализму и говорили о наших задачах именно, как об оформлении товарообмена... Что же оказалось? Оказалось, — сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы, — что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу»²⁷³.

В итоге XI Всероссийская конференция РКП (б), работавшая с 19 по 22 декабря 1921 год, вынуждена была переориентировать экономическую политику Советского государства с организации товарообмена на поддержку рыночных отношений²⁷⁴.

Этот поворот в экономической политике был одобрен IX Всероссийским съездом советов, собравшимся 23 декабря 1921 года. В резолюции по вопросам экономической политики, принятой 28 декабря, съезд повторил положения резолюции XI партийной конференции о необходимости признать существование в стране рыночных отношений и призвал рабоче-крестьянскую власть «взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения» путем

²⁷³ Ленин В.И. Речь на московской губернской партийной конференции (заседание 29 октября 1921 г.) // Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений. Том XVIII. Часть 1. 1921 год. М.-Л., 1925. С. 366.

²⁷⁴ В принятой XI партийной конференции резолюции по вопросам экономической политики было заявлено, что для дальнейшего ее проведения РКП должна «самым внимательным образом считаться с хозяйственной обстановкой, характерными чертами которой надо считать: 1) образование внутреннего рынка, как результат отказа от продрозверстки; 2) развитие денежного обмена». Резолюция предостерегала от применения «в области народного хозяйства со стороны Советской власти тех методов, которые применялись ею в предшествующий период и которые вызваны были специальными условиями острой гражданской войны» (Одиннадцатая Всероссийская конференция РКП (б). Москва. 19–22 декабря 1921 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 2. 1917–1922. М., 1983. С. 467).

«систематических, строго обдуманых и построенных на точном учете процессов рынка экономических мероприятий»²⁷⁵.

Указанные мероприятия предполагали создание соответствующего гражданско-правового порядка. Поэтому в резолюции IX Всероссийского съезда советов предписывалось: «Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономической политики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены **твердые гражданские нормы**. Граждане и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены»²⁷⁶ (выделено мною. — В.Т.).

Таким образом, не только в советском правоведении, но и в официальных политических документах *формирование советского варианта гражданского права прямо увязывалось с потребностью юридического оформления рыночных отношений*, которые Советское государство вынуждено было в то время признать и даже поддерживать.

Четыре года спустя большевистская партия резко изменила свой подход к регулированию хозяйственных процессов. XIV съезд ВКП (б), проходивший с 18 по 31 декабря 1925 года, принял решение поставить во главу угла в области экономической политики «задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение, под ее руководством и при помощи кооперации, все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства»²⁷⁷. Данный поворот в экономической политике был осуществлен в целях обеспечения экономической самостоятельности СССР, способной предотвратить превращение нашей страны «в придаток капиталистического мирового хозяйства»²⁷⁸. XIV съезд постановил, что для достижения этой цели необходимо «держаться курс на индустриализацию страны, развитие производства

²⁷⁵ IX Всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. № 6. 28 декабря 1921 года. М., 1922. С. 39.

²⁷⁶ Там же. С. 42.

²⁷⁷ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л., 1926. С. 516.

²⁷⁸ Там же.

средств производства и образование резервов для экономического маневрирования»²⁷⁹.

С этого времени Советское государство стало на путь ускоренной социализации экономики. Проходивший со 2 по 19 декабря 1927 года XV съезд ВКП (б) в своей резолюции о хозяйственной политике партии заявил: «По отношению к возросшим в своей абсолютной массе, — хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства, — элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»²⁸⁰.

Все это вело к усилению плановости в государственном управлении экономикой, так как экономика, основные отрасли которой принадлежат государству, не может сколько-нибудь успешно развиваться без плана²⁸¹. Поэтому уже в начале 1921 года Декретом СНК РСФСР была создана Общеплановая комиссия (Госплан) для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана, а также рассмотрения и согласования с ним «производственных программ и плановых предположений различных ведомств» и областных (хозяйственных) организаций по всем отраслям народного хозяйства»²⁸².

Обозревая планирование в условиях нэпа, советский экономист С.Г. Струмилин в 1927 году констатировал: «Таким образом, если не извращать перспективы, то придется признать, что плановое регулирование хозяйства было одним из основных факторов того подъема, который у нас столь ярко обозначился с первого же года после прекращения гражданской войны и

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л., 1928. С. 1282.

²⁸¹ Советский экономист В.А. Базаров писал в работе о методологии планирования, изданной в 1924 г.: «Едва ли надо доказывать, что система национализированной промышленности может существовать и развиваться только при наличии плана, объемлющего народное хозяйство в его целом. Это, в сущности, простая тавтология, — трюизм, самоочевидность которого отнюдь не подрывается тем обстоятельством, что в условиях переживаемой нами эпохи распределение продуктов должно осуществляться не в непосредственном плановом порядке, а при помощи “вольного” товарного рынка» (Базаров В.А. К методологии перспективного планирования (в дискуссионном порядке // Базаров В.А. Избранные произведения. Том 1. М., 2014. С. 314).

²⁸² Положение о Государственной Общеплановой Комиссии. 22 февраля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1921. № 17. Ст. 106. С. 161.

провозглашения начал новой экономической политики. Не следует ведь забывать, что нэп явился у нас не только развязыванием стихии рынка, но и введением ее в определенные рамки. Рынок плюс план — вот полная формула нэпа»²⁸³.

Для Советского Союза значение планирования в экономической политике повышалось еще и потому, что стране было жизненно необходимо добиться экономической самостоятельности²⁸⁴. Именно поэтому после XIV съезда ВКП (б), провозгласившего целью хозяйственной политики достижение Советским Союзом экономической самостоятельности, политика планирования стала совершенствоваться и приобретать общегосударственный характер.

Эту перемену заметил С.Г. Струмилин, служивший в середине 1920-х годов в Госплане СССР. Сравнивая прежнюю методику составления планов с новой, он писал: «В первых опытах текущего перспективного планирования (до 1925 г.) в Госплане, составлялись только отдельные отраслевые планы и программы. До увязки их в единый народнохозяйственный план дело не доходило уже потому, что эти опыты, взятые в отдельности, были еще весьма несовершенны. Лишь в 1925 году Госплану удалось подняться на следующую ступень планирования. Мы имеем в виду первые контрольные цифры на 1925/ 26 г., где вместо прежних разрозненных производственных программ и отраслевых планов встречаемся уже с замыслом целостного

²⁸³ Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 29–30.

²⁸⁴ Беседа в начале 1941 г. об особенностях социалистической политэкономии, Сталин считал необходимым заметить: «Если бы у нас не было такого планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путем, все началось бы с легкой промышленности, а не с тяжелой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с головы на ноги. Мы начали с тяжелой промышленности, а не с легкой, и победили. Без планового хозяйства это было бы невозможно. Ведь как шло развитие капиталистического хозяйства? Во всех странах дело начиналось с легкой промышленности. Почему? Потому, что легкая промышленность приносила наибольшую прибыль. А какое дело отдельным капиталистам до развития черной металлургии, нефтяной промышленности и т.д.? Для них важна прибыль, а прибыль приносилась прежде всего легкой промышленностью. Мы же начали с тяжелой промышленности, и в этом основа того, что мы не придаем капиталистических хозяйств» (Сталин И.В. Беседа об учебнике «Политическая экономия». 29 января 1941 г. (конспективная запись) // Сталин И.В. Сочинения. Том 15. М., 1997. С. 8).

народнохозяйственного плана, правда, пока только на один год»²⁸⁵. По свидетельству Струмилина в 1926 году Госплан приступил к разработке методики составления пятилетних планов развития народного хозяйства СССР²⁸⁶.

19 декабря 1927 года XV съезд ВКП (б) одобрил своей резолюцией документ под названием «Директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». 28 мая 1929 года проект данного плана, рассчитанный на срок с 1 октября 1928-го до 1 октября 1933 года, был утвержден постановлением V съезда Советов СССР и стал, таким образом, актом, обязательным для исполнения всеми государственными органами²⁸⁷.

Появление директивного планирования заставило советских правоведов по-новому взглянуть на перспективу существования гражданского права в советском обществе: в их среде стало весьма распространенным мнение о том, что единый государственный хозяйственный план оказывает разрушительное воздействие на гражданское право.

Так, цивилист С.И. Аскназий утверждал в 1927 году: «Внедрение плановых начал в хозяйственную систему и вытеснение ими в более или менее широкой сфере экономики начал товарных, ведет к дифференцированию ранее единого гражданского права. Различные сферы хозяйственного оборота оказываются подчиненными различным формам правового регулирования; сфера действия гражданского права в связи с этим значительно *суживается* — она ограничивается лишь теми областями экономики, где продолжают действовать отношения товарного типа. Внедрение плановых начал в оборот создает широкую сферу отношений, остающуюся *вне действия гражданского права*. В этой сфере планируемого хозяйства могут быть выделены группы хозяйственных явлений, правовое регулирование которых происходит в *однородных* формах; выделяя объекты этих однородных форм

²⁸⁵ Струмилин С.Г. Теория и практика планирования // Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. Л., 1932. С. 94. «С XV съезда партии начинается новая полоса в планировании», — сделал общий вывод Струмилин (там же. С. 132).

²⁸⁶ Там же. С. 102, 116–118 и др.

²⁸⁷ О сложной природе плановых актов, в которых юридическое содержание сочетается с неюридическими элементами планового предвидения, см.: Котляревский С.А. Правовые элементы плановых актов // Советское право. 1928. № 1. С. 11–27.

правового регулирования, мы получаем объекты особых ветвей хозяйственного права — промышленного, земельного кооперативного и др.»²⁸⁸.

О том, что плановые задания оказываются вне гражданского права, писал в первый год действия пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР Е.Б. Пашуканис, выдвигая при этом следующую аргументацию: «Законодательные и административные акты, превращаясь в оперативные задания, сохраняют лишь очень слабую примесь элементов юридических, т.е. формальных. Исполнители хозяйственных оперативных заданий имеют, конечно, формально очерченные полномочия и несут формальную ответственность как администраторы. Но эти моменты отходят на второй и десятый план по сравнению с хозяйственной целесообразностью как самого задания, так и методов его исполнения. Наоборот, чем меньше государство выступает непосредственно как хозяйственная организация, — а так и должно быть, согласно классической буржуазной доктрине, — тем большее место в актах управления занимает их формальная сторона. Процесс свертывания правовой формы проходит ряд ступеней, в общем соответствующих исчезновению рыночных отношений, отношений оборота»²⁸⁹.

П.И. Стучка в своем курсе гражданского права представил решения XIV конференции и XIV съезда ВКП (б) об ускорении вытеснения частного капитала в советском обществе социалистическими хозяйственными формами поворотным пунктом в развитии Советского государства и права. Указав, что «лозунг социалистического строительства стал *непоколебимым* руководством для действий», Петр Иванович высказал мнение о том, что данный лозунг должен получить и «правовое выражение прежде всего в нашей правовой *практике*. При задаче социалистического строительства “социально-экономические задачи” гражданских прав становятся многим яснее и конкретнее... Прежде всего *плановость хозяйства*, притом *социалистическая плановость*, в противоположность капиталистической плановости, должна служить путеводителем этой правовой организации, но одновременно

²⁸⁸ Аскназий С.И. Автономное и регулируемое правоотношение в хозяйственном праве СССР // Аскназий С.И., Мартынов Б.С. Гражданское право и регулируемое хозяйство. Л., 1927. С. 26.

²⁸⁹ Пашуканис Е.Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. 1929. № 5. С. 34.

необходимо глубже вникнуть в самый смысл этой социалистической плановости»²⁹⁰.

В составленных П.И. Стучкой в 1927 году от имени секции права и государства Коммунистической академии²⁹¹ тезисах об общих началах гражданского права СССР проводилась мысль о том, что нормы гражданского права оказались подчинены директивам Госплана, который устанавливает «впервые в мире и истории в государственном масштабе план производства и распределения, включая в этот план как государственную, так и кооперативную и частную собственность и ее производство»²⁹². П.И. Стучка предлагал далее включить в проект Гражданского кодекса СССР положения о том, что «в торговом обороте, соответственно единому госплану, НКТорг — сверх непосредственного экономического воздействия — производит организованное, основанное на законе, общее воздействие на уровень продуктов-товаров, при чем его законные распоряжения обязательны для всего гражданского оборота, не исключая и частных собственников»²⁹³, что «в целях обеспечения *устойчивости* госплана и гарантии развития производительных сил страны устанавливаются строго обязательные нормы гражданского оборота, исходя из того бесспорного начала, что предоставление *устойчивости и частному товарообороту* является одновременно надежным средством укрепления самого госплана»²⁹⁴.

Через два года в докладе на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников П.И. Стучка с сожалением констатировал, что «гражданское право рушится с каждым днем, по частям исчезает, разваливается все больше и больше»²⁹⁵, и предложил создать вместо него новую правовую отрасль, назвав ее «административно-хозяйственным правом»²⁹⁶. В

²⁹⁰ Стучка П.И. Курс гражданского права. Т. 1. Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 122.

²⁹¹ В 1926–1928 гг. П.И. Стучка занимал должность заведующего данной секцией.

²⁹² [Стучка П.И.] Тезисы секции об общих началах гражданского права СССР // Революция права. 1927. № 3. С. 157.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Стучка П.И. О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса. Доклад 10 мая 1929 г. / Революция права. 1929. № 5. С. 81.

²⁹⁶ Там же. С. 78.

содержание «этого нового хозяйственно-административного права»²⁹⁷ он включил «все отношения внутри социалистического сектора, регулируемые в порядке подчинения и плановости, и по спорам, из-за которых не полагается обращаться к суду, а, в крайнем случае, обращаться в АК и ВАК, как в расчетное учреждение»²⁹⁸.

Однако в своем же учебном курсе по гражданскому праву Петр Иванович отстаивал традиционное название этой отрасли, подчеркивая, что «понятие “хозяйственный” относится не к *одному* гражданскому праву, и, пожалуй, проще всего было бы сохранить, исторические названия “гражданское право” и “гражданский кодекс”»²⁹⁹. Вместе с тем он обращал внимание на особенный характер советского гражданского права, указывая, что по содержанию своему оно отличается от буржуазного уже тем, что в нем, и по прежним понятиям, содержится не одно только частное право но и публичное»³⁰⁰.

Между тем VI съезд прокурорских, судебных и следственных работников поддержал предложение П.И. Стучки о создании хозяйственно-административного права. В резолюции съезда по его докладу, в частности, говорилось: «Учитывая все возрастающие размеры внутриорганизационного регулирования производства и обмена в социалистическом секторе хозяйства, необходимо эти вопросы изъять из области гражданского права и суда, выделив их в особое хозяйственно-административное право, вместе с тем сократить и упростить наше общегражданское право»³⁰¹.

Идею П.И. Стучки поддержал цивилист С.Н. Братусь, заявивший, что плановость экономики разрушает почву для гражданского права. «Хозяйственно-административное право, — отметил он, — стоит на грани права, потому что та область отношений, которую мы относим к этой отрасли советского права, характеризуется отмиранием правосубъектности, коммер-

²⁹⁷ П.И. Стучка в данной фразе почему-то поменял местами определения «административный» и «хозяйственный».

²⁹⁸ *Стучка П.И.* О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса. С. 79.

²⁹⁹ *Стучка П.И.* Курс гражданского права. Т. 1. Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 45.

³⁰⁰ Там же. С. 70.

³⁰¹ Практика применения Гражданского кодекса. Проект резолюции к докладу П.И. Стучки на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР — утвержден в заседании коллегии НКЮ 24/1 1929 г // Ежегодник советской юстиции. 1929. № 6. С. 122..

ческого расчета и рыночной оперативной самостоятельности в хозяйственной деятельности госпредприятий. План преодолевает товарную форму отношений внутри социалистического сектора, устраняет обращение, как особую функцию, и вместе с тем углубляет оперативную — в производственно-техническом смысле — самостоятельность предприятия путем перевода его на внутренний хозрасчет. Планирование превращается в управление, и наоборот, управление — в планирование. Различие между планированием и регулирующей деятельностью отмирает: регулирование является продолжением и конкретизацией плановой работы»³⁰².

По мнению С.Н. Братуся, сфера действия хозяйственно-административного права расширяется по мере расширения обобщественного сектора, а сфера применения Гражданского кодекса при этом сужается. *«Но в действительности, — сделал вывод правовед, — это расширение сферы хозяйственно-административного права означает все большее превращение его в неправо, в науку об организационной структуре социалистического хозяйства»*³⁰³.

Идея хозяйственно-административного права оказалась востребованной и в некоторых юридических учебных заведениях. 6 января 1931 года Всесоюзное совещание по вопросам подготовки кадров для аппарата советов и органов юстиции приняло резолюцию «О подготовке юристов для народного хозяйства», в которой говорилось: «В учебном плане вуза, готовящего юристов-хозяйственников, должны найти себе место: а) общеметодологические дисциплины (политэкономия, диамат, история ВКП (б), ленинизм); б) должны быть серьезно представлены дисциплины по конкретной экономике по соответствующим разделам; в) должен быть полностью представлен весь круг правовых дисциплин с особым ударением на дисциплины хозяйственного права (гражданское, **хозадмправо**, земельное, трудовое, транспортное); г) должен быть включен в обязательном порядке и в значительном объеме курс организации управления»³⁰⁴ (выделено мною. — В.Т.).

Однако в большинстве юридических вузов пошли по самому легкому пути, ограничившись переименованием науки гражданского права в науку

³⁰² Братусь С.Н. К проблеме хозяйственно-административного права (против буржуазных извращений в хозяйственно-административном праве) // Советское государство и революция права. 1930. № 11-12. С.153.

³⁰³ Там же. С. 155.

³⁰⁴ Резолюции всесоюзного совещания по подготовке кадров советского строительства и права (6 января 1931 г.) // Советское государство и революция права. 1931. № 2. С. 172.

«гражданского и хозяйственного права». В учебном пособии по юридическому минимуму, изданном в 1935 году под редакцией народного комиссара юстиции РСФСР Н.В. Крыленко, усложнение названия традиционного учебного предмета было объяснено следующим образом: «Так как советское гражданское право имеет своим содержанием главным образом вопросы хозяйственного строительства и хозяйственных взаимоотношений единого планового социалистического хозяйства, в отличие от буржуазного «гражданского права», главный упор которого был на индивидуальные права граждан как хозяйственных единиц, самостоятельно выступающих на рынке капиталистического общества, мы советское гражданское право в основном трактуем как право хозяйственное. Поскольку однако в область этих правоотношений входят не только вопросы хозяйственного строительства, но и вопросы личных прав и обязанностей трудящихся, их отношений в хозяйственной области к государству и друг к другу — наиболее правильным наименованием всей этой области правоотношений будет “советское гражданское и хозяйственное право СССР”»³⁰⁵.

Как видим, к совещанию по вопросам науки советского права и государства, состоявшемуся в июле 1938 года, советская наука гражданского права пришла в довольно плачевном состоянии. А.Я. Вышинский в своем докладе несколько не омрачал ее состояние, когда говорил, что «до последнего времени советское гражданское право как особая юридическая дисциплина у нас не существовало»³⁰⁶. Но фраза о том, что «место гражданского права заняло так называемое “хозяйственное право”»³⁰⁷, которую он включил в тезисы к своему докладу, явно смягчала реальное положение дел в советском правоведении. Наука гражданского права была изгнана из советского правоведения и программы обучения в юридических вузах, но ее место никакая другая наука не заняла. Советские правоведы имели довольно смутное представление о сущности хозяйственного права и тем более права, которое было названо хозяйственно-административным.

³⁰⁵ Юрминимум. Учебное пособие по юридическому минимуму // Под редакцией Н.В. Крыленко. Ч. 2. М., 1935. С. 4.

³⁰⁶ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 40.

³⁰⁷ Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 271.

Восстановив науку гражданского права в системе советского правоведения, Вышинский изложил задачи, которые, по его мнению, необходимо было решить советским цивилистам, чтобы поставить ее на службу советскому обществу. В частности, он обратил внимание на необходимость разработки правовой природы самого широкого круга общественных отношений, в целях их «укрепления и развития», а именно: «личных и семейных отношений граждан, имущественных прав граждан, учреждений, предприятий и организаций в соответствии с интересами социалистического строительства»³⁰⁸. Он призвал изучать содержание и правовую природу «имущественных отношений граждан в СССР между собой, граждан с государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями и государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций между собой», природу и особенности «личных неимущественных прав граждан (авторское право, право на имя, патентное право, авторское свидетельство и проч.)», природу «личной собственности граждан». Сообщив, что вопрос о природе и характере личной собственности граждан имеет важное значение, Вышинский заметил, что «в этой области имеется немало вредной путаницы, попыток восстановить под тем или иным предлогом понятие частной собственности»³⁰⁹.

Кроме того, Вышинский назвал институты гражданского права, которые необходимо было исследовать применительно к условиям советского социалистического общества. Это институт приобретательской давности, учение о субъекте права и о юридическом лице в советском праве, о праве наследования. Выделил он также проблему вину в гражданском праве, вопрос о системе гражданского советского права (о вещном и обязательственном праве), проблемы кодификации гражданского права.

«Особенно важным представляется, — отметил прокурор СССР, — вопрос о юридической природе государственной собственности и связанный с этим вопрос о природе советского юридического лица или закрепленных за ним имуществ, “собственных” оборотных средств и проч.». «Задача эта, — пояснил он, — должна решаться с точки зрения утверждения единства и незыблемости государственной собственности и предоставления

³⁰⁸ Там же. С. 272.

³⁰⁹ Там же. С. 273.

“юридическим лицам” принадлежащего им по закону права распоряжения – управления имуществом государства лишь по поручению»³¹⁰.

Этим перечислением задач, стоявших перед советскими цивилистами, Вышинский отчетливо выразил собственное понимание сущности гражданского права. Данное понимание опиралось на здравый смысл и потому звучало особенно убедительно.

Точка зрения Вышинского проявилась и в его критике доктрины хозяйственного права, выдвинутой в 1920-е годы советскими правоведом. «Так называемое “хозяйственное право”, – заявил Андрей Януарьевич в своем докладе, – извращенно трактовало все важнейшие проблемы гражданско-правового строительства, рассматривая гражданские правоотношения в советском обществе не с точки зрения защиты прав советских граждан, советских государственных и общественных учреждений и предприятий, а лишь с точки зрения тех или иных организационно-хозяйственных мероприятий. Отсюда полное непонимание и игнорирование живых людей с их живыми интересами, правами, с их волей, желаниями и стремлениями»³¹¹.

В докладе на совещании по вопросам науки советского права и государства А.Я. Вышинский не дал определения советского варианта гражданского права. Он сделал это в статье «XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права», опубликованной в марте 1939 году. «Советское социалистическое гражданское право мы определяем, – сообщил он, – как систему правил поведения (норм), установленных государственной властью в целях регулирования тех имущественных отношений граждан между собой, граждан с государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями и этих последних (учреждений, предприятий и организаций) между собой, которые не регулируются в порядке административного управления»³¹². К этому определению Вышинский добавил небольшое, но немаловажное примечание: «Разумеется, в этих

³¹⁰ Там же.

³¹¹ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. С. 40–41. То же самое высказывание Вышинского (с незначительной стилиевой поправкой) приведено в тезисе № 38 к его докладу. См.: Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 271.

³¹² *Вышинский А.Я.* XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 22.

отношения выражается в известных юридических формах (договорные отношения, планово-договорные отношения) воля сторон (субъектов прав). Но для гражданских правоотношений характерно не выражение воли, ибо воля — одно из условий всякого правоотношения (там, где нет “воли”, нет права). Для гражданских правоотношений характерен *предмет регулирования*. Это вовсе не стирает граней между экономикой и правом, как думают некоторые товарищи»³¹³.

-9-

Советское уголовное право

Первое совещание по вопросам науки советского права и государства собралось в то время, когда по всей стране шла ожесточенная борьба с «врагами народа». Доклад Вышинского, ставший главным событием данного совещания, намечал пути дальнейшего развития советского правоведения, но одновременно являлся частью этой политической кампании. Из 54 его тезисов 13 были посвящены разоблачению «разрушительной работы в области науки права и государства» «врагов, замаскировавшихся под “советских юристов”»³¹⁴.

Указывая на негативные тенденции, нелепости или недоработки в какой-либо советской отраслевой юридической науке, прокурор СССР, как правило, представлял их не следствием объективно сложившихся обстоятельств, а результатом воздействия сознательной подрывной деятельности оппозиции.

Подобным образом Вышинский объяснял неудовлетворительное состояние и советской уголовно-правовой науки: основные ее недостатки он также связывал с вредительской деятельностью ряда советских правоведов. Но при этом изложение им проблем данной науки отличалось некоторыми существенными особенностями.

Совещание по вопросам науки советского права и государства проходило через четыре месяца после завершения судебного процесса по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Самым примечательным его эпизодом было последнее слово подсудимого Н.И. Бухарина, произнесенное вечером 12

³¹³ Там же.

³¹⁴ Тезисы с 12 по 19, 22–23, 31, 33–34, 38. См.: Тезисы доклада тов. А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 262–266, 269–271.

марта перед уходом судей на совещание для вынесения приговора³¹⁵. Николай Иванович постарался в этом выступлении опровергнуть не только выдвинутое против него обвинение в принадлежности к преступной группе, но и сам факт того, что подсудимые на данном процессе составляли подобную группу. Вместе с тем он утверждал, что на следствии и в суде никому не удалось сколько-нибудь убедительно доказать его вину в совершении такого преступления, как шпионаж. Государственного обвинителя Бухарин критиковал за то, что тот допустил в обвинительном заключении и обвинительной речи массу юридических несуразиц и нарушений элементарной логики.

Поскольку эти инвективы были брошены в адрес прокурора СССР в последнем слове подсудимого, Вышинский не мог сразу на них ответить. Такая возможность появилась 16 июля 1938 года, когда он делал доклад на совещании по вопросам науки советского права и государства. Острейший политический и юридический спор с подсудимым Н.И. Бухариным прокурор СССР А.Я. Вышинский представил в виде научной дискуссии по фундаментальным уголовно-правовым вопросам. Именно поэтому проблемам советской науки уголовного права в его докладе было уделено значительно большее внимание, нежели проблемам какой-либо другой отрасли советского правоправедения — государственному, административному или гражданскому праву³¹⁶, и это были в основном вопросы, связанные так или иначе с бухаринским процессом 2–13 марта 1938 года.

* * *

Обратившись в своем выступлении к советской уголовно-правовой науке, Вышинский сначала дал оценку ее общему состоянию, указав, что правоведов

³¹⁵ Изложение и анализ сокращенного опубликованного и полного архивного вариантов последнего слова Н.И. Бухарина см. в статье: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Статья 54 // Законодательство. 2022. № 1. С. 87–94.

³¹⁶ В публикации рассматриваемого доклада Вышинского в журнале «Советское государство» его рассуждения о советской науке государственного права и советской цивилистике занимают по три полных страницы (*Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 30–33, 39–42). Тогда как высказывания о проблемах науки уголовного права охватывают целых восемь страниц журнального текста доклада (Там же. С. 45–53).

ждет здесь «непочатый край работы, в прямом смысле этого слова»³¹⁷. «Ведь смешно сказать, — пояснил он, — у нас совершенно не разработаны юридические проблемы и по-юридически не разработаны основные проблемы нашего уголовного права, например, вопрос о вине и ответственности. У нас не разработан вопрос об умысле, неосторожности и вменяемости. Например, вопрос о вменяемости до сих пор является для нас какой-то лапласовской туманностью. Напутано здесь немало»³¹⁸.

После этих слов логичным было бы уточнить, в чем конкретно заключалась неразработанность основных проблем уголовного права и путаница в советской юридической литературе. Вместо этого Вышинский обрушился с довольно резкой критикой на Н.В. Крыленко и его единомышленников среди правоведов. При этом ничего нового Андрей Януарьевич не сказал, повторив те же упреки, которые неоднократно высказывал прежде. «Достаточно напомнить о Крыленко, — сказал он, — с его вредительскими установками насчет того, что не следует заниматься юридической “арифметикой и юридической казуистикой”, биться над тем, где умысел, а где неосторожность, где растрата, а где присвоение, где недобросовестность, а где халатность и т. д., или утверждение некоторых подвизавшихся у нас “юристов”, утверждавших, что деление на умысел и неосторожность особого практического значения не имеет»³¹⁹.

Критикуя бывшего наркома юстиции СССР, отрицавшего необходимость разработки в советской науке уголовного права категорий вины и ответственности, Вышинский уличал его в сознательном извращении мыслей классиков марксизма-ленинизма при попытке подкрепить цитатами из их произведений свою позицию: «Крыленко искажает ленинскую цитату, стараясь доказать, что Владимир Ильич отрицал вину и умысел. Крыленко клеветнически излагал этот вопрос, доказывая, что будто бы Ленин требовал наказания безотносительно к вине, лишь по признаку одного объективного вреда. Крыленко в своих вредительских упражнениях договорился до утверждения, что якобы “ответственность остается и тогда, когда налицо отсутствуют полностью всякая злая воля и даже неосторожность”»³²⁰.

³¹⁷ Там же. С. 45.

³¹⁸ Там же. С. 46.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же.

Чтобы показать лживость подобных высказываний Крыленко, Вышинский привел в докладе цитаты из ленинских произведений, «не оставляющие сомнения в том, что Ленин требовал точной и строгой дифференциации вины, персональной ответственности»³²¹. Так, выступая 27 марта 1922 года с политическим докладом Центрального комитета XI съезду РКП (б), В.И. Ленин говорил: «Если будут препятствия, надо уметь их устранить и тянуть к суду виновных за волокиту... Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы наказать — надо найти виновных»³²². Опираясь на эти ленинские слова, Вышинский подвел итог: «Все это не оставляет никакого сомнения в том, что иначе, как клеветой, нельзя назвать упражнения Крыленко, отрицавшего проблему вины и ответственности в советском уголовном праве»³²³. Это мнение звучало, как вывод из обвинительного заключения.

Данный эпизод показывает, что Андрей Януарьевич оставался прокурором и выступал как государственный обвинитель даже в чисто научном споре. Впрочем, в то время многие советские ученые вели себя в научных дискуссиях так, будто имели предназначение искать не истину, а врагов народа — и надо заметить, находили их и успешно разоблачали.

Вышинский и прежде неоднократно порицал Н.В. Крыленко за его взгляды на преступление и наказание, за его пренебрежительное отношение к закону, за пропаганду принципа, согласно которому «лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых», и другие подобные воззрения. В мае 1935 года прокурор СССР, выступая с докладом «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» в Институте советского строительства и права Коммунистической академии, подверг Крыленко довольно резкой критике³²⁴. Николай Васильевич ответил на эту критику на страницах журнала «Советская юстиция»³²⁵. В свою очередь Андрей Януарьевич опубликовал ответ на его ответ³²⁶. На этом Крыленко решил завершить полемику с Вышинским³²⁷. Тот согласился прекратить данный

³²¹ Там же.

³²² Протоколы одиннадцатого съезда РКП (б). М., 1936. С. 38.

³²³ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма... С. 47.

³²⁴ *Вышинский А.Я.* Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 1–12.

³²⁵ *Крыленко Н.В.* Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 8–11.

³²⁶ *Вышинский А.Я.* Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 4–8.

³²⁷ *Крыленко Н.В.* Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 8–11.

спор³²⁸, но напомнил, что вопросы, затронутые в нем, настолько значимы для дальнейшего развития науки советского права, что к ним неизбежно придется возвращаться и неоднократно³²⁹.

Данная дискуссия была интересна, помимо прочего, еще и тем, что проходила между правоведами, занимавшими должности прокурора СССР и наркома юстиции РСФСР. 20 июля 1936 года Н.В. Крыленко был назначен на пост наркома юстиции СССР, но повышение статуса не избавило его от критики Вышинским.

В феврале 1937 года в первой вступительной лекции по курсу «Уголовный процесс СССР», прочитанной во Всесоюзной правовой академии, прокурор СССР раскритиковал мнение наркома юстиции СССР о том, каким следует сделать уголовный процесс при пересмотре Уголовно-процессуального кодекса, высказанное им в изданной в 1928 года второй части руководства для судебных работников «Суд и право в СССР». Уголовный процесс, утверждал в этой книге Крыленко, «должен быть построен так, чтобы обеспечить возможность борьбы с прямыми врагами революции и нового порядка. В этих условиях совершенно ничем не доказанным является и обязательное его построение на основе “представительства сторон” и обязательное предоставление обвиняемому ряда формальных правовых гарантий. Недаром же в громаднейшей степени боязнь этих формальных гарантий должен быть объяснен тот факт, что в критические моменты борьбы пролетарская власть предпочитает прибегать к процессуальной технике ВЧК и ГПУ, где, как известно, формальные гарантии отсутствуют почти совершенно. Дать жесткий процесс, который бы давал возможность без лишних слов бороться с покушениями на революцию, — эта задача должна быть достигнута в результате пересмотра [Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. — В.Т.]»³³⁰.

³²⁸ Вышинский А.Я. Вопрос действительно исчерпан // Социалистическая законность. 1935. № 12. С. 4.

³²⁹ Изложение полемики 1935 г. между прокурором СССР и наркомом юстиции РСФСР по фундаментальным вопросам науки уголовного права и уголовного процесса см. в статьях: Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Статья 9 // Законодательство. 2018. № 4. С. 90–94. Статья 10 // Законодательство. 2018. № 5. С. 79–86.

³³⁰ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Ч. 2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1928. С. 17.

Изложив слушателям академии это мнение наркома юстиции СССР, прокурор СССР счел необходимым заявить: «Тов. Крыленко полагал, что там, где речь идет о борьбе с врагами революции, не нужно представительства сторон, там не нужно предоставление обвиняемому формально правовых гарантий. В этом рассуждении т. Крыленко имеется ряд ошибок.

Во-первых, ошибочно утверждение, что "в громаднейшей степени боязнь формальных гарантий" надо объяснить, что в известных условиях мы прибегаем, как говорит т. Крыленко, к процессуальной технике ВЧК и ГПУ. Дело вовсе не в "боязни формальных гарантий", а в более глубоких причинах, объясняющих необходимость существования в известных условиях таких органов пролетарской диктатуры, как ГПУ или ВЧК...

Во-вторых, ошибочно утверждение, что в "процессуальной технике ВЧК и ГПУ... формальные гарантии отсутствуют почти совершенно". Ошибочно потому, что нельзя противопоставлять "формальные" гарантии "неформальным" гарантиям, как вообще нельзя говорить о какой-то "процессуальной технике" ВЧК и ГПУ.

В-третьих, ошибочно говорить о каком-то "жестком процессе", который "без лишних слов" дает возможность "бороться с покушениями на революцию". Ошибочно потому, что "лишние слова" всегда и во всяком процессе — лишние. Может быть, автор хотел сказать о таком процессе, в котором можно обойтись без обвинителя, без прений сторон, без кассационного обжалования»³³¹.

Вывод, который прокурор СССР сделал в этом заочном споре с наркомом юстиции СССР, ясно показывает существо расхождений между ними. «Разумеется, — заметил Вышинский, — мы можем в иных случаях быть поставлены в необходимость прибегать к упрощенному судопроизводству по известной категории дел, например по делам, предусмотренным Законом от 1 декабря 1934 г. Было бы величайшим филистерством это отрицать... Но основная линия развития нашего процесса идет **не по линии ограничения или вовсе отказа от этих так называемых правовых гарантий**, а как раз наоборот, **по линии расширения их, по линии укрепления этих гарантий, по линии все большего и большего применения этих гарантий**. Это вполне естественно, потому что неправильно представление, будто бы разгромить

³³¹ *Вышинский А.Я.* Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян // Социалистическая законность. 1937. № 3. С. 8.

врага можно только на основе отказа от принципа состязательности или равенства сторон. Наоборот, на основе состязательного процесса разгромить врага бывает гораздо полезнее с точки зрения мобилизации внимания, общественного мнения»³³² (выделено мной. — В.Т.).

В отличие от Крыленко, Вышинский хорошо понимал, что государственная власть не может сколько-нибудь эффективно осуществляться без содействия со стороны общества, что суд должен быть гласным и по-настоящему состязательным для того, чтобы общество сочло его приговор справедливым.

21 мая 1938 года на Всесоюзном прокурорском совещании Вышинский снова выступил с критикой Н.В. Крыленко³³³. Николай Василевич был в то время уже под арестом (с 1 февраля 1938 г.). Его деятельность на посту наркома юстиции СССР внимательно анализировалась. Так, проходившее 15–19 марта 1938 года собрание актива наркоматов юстиции СССР и РСФСР совместно с работниками судов Москвы и Московской области приняло резолюцию, в которой говорилось, что «отсутствие четкой организационной работы, систематического контроля исполнения, снижение массовой политической работы среди судебных кадров создали возможность нарушения советских законов в самом суде», что в наркомате юстиции СССР, возглавлявшемся Крыленко, «была заведена такая система и такой стиль работы, которые были направлены не на борьбу за перестройку работы судебных органов, а на развал их работы»³³⁴. Многочисленные факты свидетельствовали о том, что бывший нарком пренебрегал своими должностными обязанностями, поэтому вывод гласил: «Враги народа творили в судебных органах свое гнусное дело, пользуясь покровительством Крыленко и той практикой юридического нигилизма и упрощенчества, которая свила себе при Крыленко крепкое гнездо в судебных органах. До конца выкорчевать крыленковщину и сделать юстицию крепостью против врагов — такова боевая задача»³³⁵.

³³² Там же.

³³³ Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Статья 56. Формирование теоретических основ советского правоведения // Законодательство. 2022. № 3. С. 86–94.

³³⁴ А.С. НКЮ не руководил московскими судами // Советская юстиция. 1938. № 4. С. 27.

³³⁵ Там же. С. 28.

С учетом этих обстоятельств развенчание идей Крыленко в докладе Вышинского на совещании по вопросам науки советского права и государства кажется лишенным всякого смысла. Ведь в то время, когда прокурор СССР читал свой доклад, уже шла подготовка к судебному процессу над бывшим наркомом юстиции и было очевидно, что Военная коллегия Верховного суда СССР вынесет в отношении него смертный приговор³³⁶. К тому же в 1937 году Н.В. Крыленко отказался от многих прежних своих идей. В статье о проекте Уголовного кодекса СССР 1930 года, разработанном секцией уголовного права Института советского строительства и права Коммунистической академии, Николай Васильевич признал, что в будущем Уголовном кодексе необходимо сохранить статью 10 действующего Уголовного кодекса редакции 1926 года о том, что «наказанию подвергаются лишь те, кто действовал умышленно или по неосторожности»³³⁷. При этом он отметил, что «возвращение этим самым права гражданства таким существенно-важным в уголовном праве моментам, как “умысел”, “неосторожность”, явится категорическим отмежеванием от всех тех, кто с нелегкой руки Пашуканиса именовал их в свое время “юридическим бараклом”»³³⁸.

Отказался Крыленко и от мнения, которого он придерживался во второй половине 1920-х годов, о том, что особенной части в Уголовном кодексе не требуется, поскольку установление точных составов преступления и соответствующих им наказаний препятствует борьбе с врагами революции. В 1937 году он стал утверждать, что «отрицание необходимости деления Уголовного кодекса на особенную и общую части», мнение о ненужности и

³³⁶ Так и произошло: 29 июля 1938 г. Н.В. Крыленко после короткого, продолжавшегося всего 20 минут судебного заседания был приговорен к расстрелу. В тот же день этот приговор был приведен в исполнение.

³³⁷ Крыленко Н.В. К критике недавнего прошлого (Проект Уголовного кодекса 1930 г.) // Проблемы социалистического права. Сборник. Вып. 1. М., 1937. С. 8. В данном случае Крыленко имел в виду следующую статью УК 1926 г.: «В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, т.е. предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, и б) действовали неосторожно, т.е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия» (Уголовный кодекс РСФСР. Научно-популярный практический комментарий с дополнениями и изменениями по 15 августа 1927 года / Под редакцией М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1927. С. 16).

³³⁸ Крыленко Н.В. К критике недавнего прошлого. С. 8.

нелепости «особенной части, построенной на принципе соответствия наказания и преступления», «отрицание необходимости точных “твердых” составов преступления» составляют «выводы **вредительской теории**, хитроумно преподнесенные под видом “теоретических положений”»³³⁹ (выделено мной. — В.Т.).

Критикуя Н.В. Крыленко в докладе на совещании по вопросам науки советского права и государства, Вышинский умолчал о том, что Николай Васильевич еще в начале 1937 года опубликовал статью, в которой выступил против своих прежних мнений, против отрицания категорий вины и умысла в советском уголовном праве. Андрею Януарьевичу явно хотелось **именно Крыленко** выставить персональным носителем таких идей в области уголовного и уголовно-процессуального права, которые предполагали продолжение революции и культивирование диктаторских методов управления страной, не опирающихся на закон, твердый правопорядок и общественно мнение. И можно догадаться почему.

Прокурор СССР называл эти идеи «вредительскими установками», подчеркивая их опасный мировоззренческий характер. Объявление Крыленко «врагом народа», а его деятельности в сфере юстиции — вредительством автоматически развенчивало все высказывания, оценки, мнения бывшего наркома юстиции СССР, в том числе и те, которые относились к проблемам преступления и наказания, виновности и социальной опасности. В рассматриваемом докладе Вышинского эти проблемы были названы «чрезвычайно серьезными» с точки зрения советской науки уголовного права³⁴⁰.

Значение их научной разработки повышалась вследствие того, что многие советские правоведы разделяли выводы Крыленко о ненужности для советского уголовного права категорий вины, умысла, неосторожности, о целесообразности отказа от особенной части в Уголовном кодексе и соответственно от построения точных составов преступлений. Более того, немало ученых исповедовали значительно более радикальные идеи, чем те, которым был привержен Крыленко.

Вышинский не упомянул в своем докладе конкретные фамилии, ограничившись репликой о «некоторых подвизавшихся у нас “юристов”»,

³³⁹ Там же. С. 10.

³⁴⁰ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма... С. 47.

утверждавших, что деление на умысел и неосторожность особого практического значения не имеет». Но он вполне мог назвать, например, *Михаила Михайловича Исаева*, который писал в 1925 году о целесообразности применения в борьбе с преступностью мер социальной защиты без учета вины, исключительно на основе оценки социальной опасности личности. «Само по себе слово “вина”, — утверждал он, — не представлялось бы таким уже страшным. В толковом словаре Даля на первом месте этому слову дается объяснение: “начало, причина, источник, повод, предлог” и т.п. и только на втором: “провинность, проступок, преступление, прегрешение” и т. п. Но “вина” в уголовном праве слишком уже срослась с представлением о классической школе, с представлением о справедливом возмездии, о нравственной оценке деяния, с представлением, наконец, о сухой абстрактной “формальной” вине, за которой упускалась из виду личность преступника — его “опасное состояние”. Нельзя, поэтому, не приветствовать, что Основные Начала³⁴¹ не только не знают “вины”, но отказались и от “наказания”. Предпосылкой же применения мер социальной защиты — и только их — является опасное состояние преступника³⁴². В зависимости от источника этого состояния и применяются те или иные меры социальной защиты»³⁴³.

Отсутствие понятия вины в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года и в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года не означало, что вина как явление не принималась во внимание при назначении наказания или других мер социальной защиты. Статья 11 УК РСФСР 1922 года устанавливала: «Наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т. е. предвидели последствия своего

³⁴¹ М.М. Исаев имеет в виду Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Постановлением Президиума ЦИК СССР 31 октября 1924 г.

³⁴² М.М. Исаев неточно воспроизводит установленное Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. правило применения мер социальной защиты. Согласно статье 12 этого акта, «меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их **социальной опасности**, так и от **степени участия в преступлении**» (выделено мною. — В.Т.). Как видим, предпосылкой применения мер социальной защиты является не «опасное состояние преступника», а степень его социальной опасности. Но это не единственная предпосылка.

³⁴³ *Исаев* М.М. Понятие социальной опасности в основных началах уголовного законодательства союза и союзных республик // Советское право. 1925. № 4. С. 55-56.

деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление; или б) действовали неосторожно, т. е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть»³⁴⁴.

Очевидно, что в данном случае подразумевалась именно **вина**. Подобным образом и статья 25 УК РСФСР 1922 года требовала при определении меры наказания учитывать: «совершено ли преступление с полным сознанием причиняемого вреда или по невежеству и неосознанности», «обнаружено ли совершающим преступление заранее обдуманное намерение, жестокость, хитрость, или преступление совершено в состоянии запальчивости, по неосторожности, легкомыслию, или под влиянием угроз и принуждения другого лица»³⁴⁵.

А.А. Пионтковский в своем учебнике по общей части уголовного права РСФСР, вышедшим в 1924 году, дал следующее определение рассматриваемого явления: «Вина есть психическое отношение вменяемого лица к учиненному им преступному деянию в форме умысла или неосторожности»³⁴⁶.

С точки данного определения вина подразумевалась в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, хотя понятие вины в нем не использовалось.

Предложение Н.В. Крыленко избавиться от особенной части в Уголовном кодексе поддерживал *Евсей Густавович Ширвиндт*. «Буржуазная юриспруденция пришла бы в ужас от одной мысли о возможности полного упразднения Особенной части, — писал он в 1929 году — Между тем эта мысль не только высказывается у нас в качестве теоретического положения, но и предлагается как практическое мероприятие, которое является вполне осуществимым. Н. В. Крыленко пишет по этому поводу: „По существу же основная идея, которая представляется нам правильной, сводится к тому, что мы можем и должны перейти от системы изложения нашего Уголовного кодекса в виде отдельных статей, определяющих, что есть преступление и какая полагается за него мера репрессии, — к системе определения основных категорий социально опасных действий с объединением их под одной карательной санкцией и с представлением затем суду и исправительно-трудовым органам возможности и прав

³⁴⁴ Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1922. С. 2.

³⁴⁵ Там же. С. 4.

³⁴⁶ *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1924. С. 131.

варьировать применение этой карательной санкции в зависимости от соответствующего поведения обвиняемого или осужденного”»³⁴⁷.

Одобрив революционные взгляды Крыленко на сущность и построение Уголовного кодекса, Е.Г. Ширвиндт шел в этой революционности еще дальше. Он полагал, что Уголовный кодекс вполне можно было бы составить так, чтобы его особенная часть сводилась к нескольким строкам примерно такого содержания: «Перечисленные социально вредные действия преследуются судом в зависимости от конкретного характера дела и качеств обвиняемого и своим последствием могут иметь лишь одну из таких-то и таких-то мер по свободному судебскому усмотрению».

Е.Г. Ширвиндт был значительно радикальнее Н.В. Крыленко и в вопросе о том, что можно назвать идеологией советского уголовного права. Евсей Густавович выступал за полное подчинение уголовной политики интересам Советского государства и вполне допускал ради защиты государственных интересов применение уголовных репрессий даже по отношению к людям, не совершившим на самом деле никаких преступлений. Вместо термина «революционная целесообразность» он употреблял словосочетание «революционный утилитаризм» и утверждал, что именно этот принцип должен лежать в основе советского уголовного права.

Принципы законности, соответствия наказания тяжести преступления, гарантии прав личности при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде Ширвиндт считал юридическими предрассудками, фетишами буржуазного правосознания. По его словам, на место слепого поклонения этим фетишам, на место боязни поколебать их устои в уголовном законодательстве следует поставить «принцип революционного утилитаризма». «Юридическая форма, как таковая, — писал он, — теряет для пролетарского государства свое решающее значение. Она не имеет больше самодовлеющего характера. Она сохраняется лишь „постольку-поскольку“. **Не „юридическая логика“, а „жизненная необходимость“, не юридический фетишизм, а революционный утилитаризм, — таковы основные принципы советского уголовного права.** Эти принципы должны быть применены и при построении советской системы мер социальной защиты.

³⁴⁷ Ширвиндт Е.Г. Система мер социальной защиты и проблема ее реформы // Основы и задачи советской уголовной политики. М., 1929. С. 86.

Нужно освободиться от всех юридических предрассудков именно в этой области, в которой и отдельная личность может быть наиболее болезненно ущемлена и интересы общего могут наиболее сильно пострадать. Если мы не можем считать уголовный закон „хартией вольности“ преступника, то все же мы не можем и не дать гарантий отдельной личности хотя бы от возможных еще бюрократических извращений в деле уголовной юстиции, тем более, что в такой гарантии заинтересована не только отдельная личность, но и государство в целом. С другой стороны, преступность может наносить такие чувствительные удары делу социалистического строительства (достаточно вспомнить эпидемию взяток или растрат), что самые репрессивные меры социальной защиты становятся оправданными, и интересы отдельной ущемленной ими личности должны отступить на задний план перед интересами защиты пролетарского государства»³⁴⁸.

Вышинский не стал анализировать и оценивать в своем докладе подобные взгляды, но если бы он уделил им какое-то внимание, то, можно не сомневаться, они были бы обозначены им как «вредительские».

Предельно резкую оценку этим идеям дал В.Д. Меньшагин³⁴⁹ в учебнике по уголовному праву, вышедшем в свет осенью 1938 года, то есть после совещания по вопросам науки советского права и государства. Вопрос о вине он назвал «одним из основных вопросов социалистического уголовного права»³⁵⁰, а выяснение степени виновности преступника — имеющим «большое значение для индивидуализации уголовной ответственности»³⁵¹.

Завершая описание категории вины, Владимир Дмитриевич констатировал: «Уголовная ответственность в социалистическом уголовном праве строится на принципе индивидуальной вины. Враги народа пытались сознательно ориентировать судебную практику на разрыв с принципами социалистического демократизма, с индивидуальной ответственностью, как определяющим принципом социалистического уголовного права. Не случайно реакционнейшие теории об отказе от вины и замене ее “опасным состоянием” так широко сейчас использованы “теоретиками” германского

³⁴⁸ Там же. С. 89.

³⁴⁹ Владимир Дмитриевич Меньшагин (1897–1977) являлся в 1954–1977 гг. заведующим кафедрой уголовного права на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

³⁵⁰ Меньшагин В.Д. Вина в советском уголовном праве // Уголовное право. Общая часть. М., 1938. С. 258.

³⁵¹ Там же. С. 260.

фашизма, которые в своей “расовой” и “волевой” теории уголовного права требуют при применении наказания руководствоваться не тяжестью совершенного преступления, а степенью опасности вообще воли, мировоззрения преступника для фашистской диктатуры»³⁵².

-10-

В тезисах к докладу Вышинского на совещании по вопросам науки советского права и государства ничего не было сказано об уроках судебного процесса по делу антисоветского «право-троцкистского блока», в котором он выступал государственным обвинителем, а главным обвиняемым являлся Н.И. Бухарин. Между тем в самом докладе этим урокам было уделено значительное внимание³⁵³.

Прокурор СССР не стал скрывать, что обратиться на научном совещании к данному процессу его побудила предпринятая вождем правых при выступлении с последним словом попытка опровергнуть обвинение в том, что в 1932–1933 годах по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств подсудимыми по настоящему делу «была составлена заговорщическая группа под названием “право-троцкистский блок”...»³⁵⁴. Приведя в докладе утверждения Бухарина, в которых предпринималась попытка доказать, что он и другие подсудимые не могли считаться группой заговорщиков, Вышинский констатировал: «Здесь, следовательно, мы имеем такую аргументацию: 1) члены шайки должны знать друг друга, чтобы быть шайкой; 2) члены шайки должны быть в более или менее тесной связи друг с другом; 3) он, Бухарин, не был знаком ни с Шаранговичем, ни с Максимовым, ни с Плетневым, ни с Казаковым; 4) он, Бухарин, никогда не разговаривал о контрреволюционных делах с Раковским, с Розгольцем, с Зеленским, с

³⁵² Там же. С. 260–261.

³⁵³ *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 47–53.

³⁵⁴ Обвинительное заключение по делу Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Ягоды Г.Г., Крестинского Н.Н.... // Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной Коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. М. 1938. С. 36. Приведенный тезис обвинительного заключения Вышинский почти дословно повторил в обвинительной речи на суде. См.: Речь государственного обвинителя Прокурора Союза ССР А. Я Вышинского // Там же. С. 613.

Булановым. Отсюда вывод, что никакой группы здесь нет, никакой шайки здесь нет»³⁵⁵.

Действительно, Бухарин говорил в последнем слове: «Гражданин прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и все же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи»³⁵⁶. Вышинский привел высказывания подсудимого в версии, зафиксированной в стенограмме судебного процесса³⁵⁷. Но опирался он при этом на опубликованный вариант данной стенограммы, в котором были сделаны сокращения, изменившие смысл того, что на самом деле сказал Бухарин.

В книжный вариант стенограммы не вошло, например, следующее заявление Бухарина: *«Я опровергаю, прежде всего, свой, якобы, факт принадлежности к группе, сидящей на скамье подсудимых, ибо такой группы как таковой вовсе не было, и вовсе не эта, якобы, группа носила название право-троцкистского блока»*³⁵⁸. После вывода Бухарина о том, что «сидящие на скамье подсудимых не суть какая-либо группа, они суть на разных линиях соучастники заговора, но не группа в строгом и юридическом смысле этого слова», в первоначальном, еще неуправленном тексте стенограммы шла фраза: *«А раз это так, то ясно, что эта несуществующая группа не может быть, вопреки обвинительному заключению, сформирована по заданиям разведок»*³⁵⁹. В печатное издание стенограммы эти слова также не вошли. Но они являются ключевыми для понимания причины, по которой Бухарин отрицал то, что он и другие обвиняемые по делу антисоветского «право-троцкистского блока» составляли преступную группу «в строгом и юридическом смысле этого слова», а также факт своей принадлежности к ней. Вождь правых стремился опровергнуть обвинение в том, что подготовку заговора — «дворцового переворота» — он

³⁵⁵ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада... С. 50.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». С. 680.

³⁵⁸ Из неуправленной стенограммы по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Вечернее заседание 12 марта 1938 года. Последнее слово Н.И. Бухарина // Источник. Документы русской истории. 1996. № 4. С. 81.

³⁵⁹ Там же.

вел по заданию иностранных разведок, что иностранные разведки были хозяевами над ним и он действовал, «выполняя их волю».

Вышинский же в докладе на совещании по вопросам науки советского права и государства представил высказывания Бухарина результатом неправильного понимания сущности соучастия в заговоре в составе преступной группы. Согласно стенограмме доклада, опубликованной в восьмом номере журнала «Социалистическая законность» за 1938 год, прокурор СССР сказал: «К таким преступным формированиям, как “право-троцкистский блок”, старые понятия заговора и шайки едва ли с юридической точки зрения, могут быть применимы. Бухарин, очевидно, имел в виду именно эту старую юридическую доктрину, когда в своем последнем слове он пробовал полемизировать против тезиса обвинительного заключения об его ответственности за все совершенные этим “блоком” преступления, в которых он, Бухарин, не принимал личного и непосредственного участия»³⁶⁰.

В стенограмме этого доклада, опубликованной в четвертом номере журнала «Советское государство» за 1938 год, приведенное высказывание прокурора СССР было дано в другой редакции, не содержащей упоминания Бухарина: «К таким преступным формированиям, как “право-троцкистский блок”, понятия заговора и шайки в старом юридическом смысле не применимы. Знать друг друга, знать о деятельности каждого участника шайки — не обязательное условие для признания наличия шайки или заговора»³⁶¹.

Какой вариант рассматриваемого утверждения Вышинского был первоначальным, а какой — отредактированным, установить по журнальным публикациям доклада невозможно³⁶². Однако содержанию доклада Вышинского на июльском 1938 года научном совещании соответствует тот

³⁶⁰ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на 1-м совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г. // Социалистическая законность. 1938. № 8. С. 30.

³⁶¹ Советское государство. 1938. № 4. С. 50.

³⁶² Андрей Януарьевич являлся ответственным редактором обоих журналов. Из выходных данных указанных номеров следует, что материалы восьмого номера «Социалистической законности» поступили в издательство 4–13 августа 1938 г. Данный номер был сдан в производство 5–14 августа 1938 г., подписан к печати 10 сентября 1938 г. Рукопись материалов четвертого номера «Советского государства» поступила в издательство 8 августа 1938 г., сдана в производство 9 августа 1938 г. Данный номер подписан к печати 22 сентября 1938 г.

вариант рассматриваемого высказывания, который был опубликован в журнале «Социалистическая законность». Тем более, что после изложения аргументации Бухарина, Андрей Януарьевич заговорил как раз о *старой юридической доктрине*, влиянию которой он приписал отрицание вождем правых наличия у подсудимых по делу антисоветского «право-троцкистского блока» признаков преступной группы.

«Действительно, — сказал он, — по старой доктрине для наличия шайки или “шайкообразной” группы нужно соглашение участников, нужна иерархическая организация (хотя эта последняя не обязательна даже по этой доктрине), нужно, следовательно, знать друг друга. Я говорил на суде, что, по мнению многих криминалистов, для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, каждого из сообщников на каждое из преступлений. Как известно, это действительно господствующая точка зрения, предполагающая, что для понятия соучастия недостаточно объективной причинной связи и общих условий субъективной виновности, но требуется еще особенное единство воли, выраженное в соглашении, и т. д. и т. п. Другой взгляд, защищавшийся Сергеевским³⁶³, соучастниками считает всех тех, кто находится к преступному результату в отношении субъективной виновности, независимо от характера своей преступной деятельности. Думается, что ни та, ни другая точка зрения не могут быть безусловно принятыми»³⁶⁴.

Взгляд на соучастие как на уголовно-правовой институт, предполагавший соглашение между соучастниками о совместной преступной деятельности, отразили в своих произведениях русские правоведы А.С. Жиряев³⁶⁵, В.Д. Спасович³⁶⁶, П.Д. Калмыков³⁶⁷, С.М.

³⁶³ Имеется в виду профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета *Николай Дмитриевич Сергеевский* (1849–1908), автор ряда солидных трудов по уголовному праву.

³⁶⁴ Советское государство. 1938. № 4. С. 50. Социалистическая законность. 1938. № 8. С. 31.

³⁶⁵ «Заговор существует, коль скоро состоялось предварительное на определенное какое-либо преступление между несколькими лицами соглашение» (*Жиряев А.С.* О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 116). «Шайкою преступников называется сообщество нескольких лиц, предварительно согласившихся между собою на целый ряд в отдельности еще не определенных, однородных или разнородных преступлений, кои они решаются совершать совокупными силами» (Там же. С. 120).

³⁶⁶ *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1863. С. 177–178.

³⁶⁷ *Калмыков П.Д.* Учебник уголовного права. Часть общая. СПб., 1866. С. 139–140.

Будзинский³⁶⁸, А.Ф. Кистяковский³⁶⁹, Л.С. Белогриц-Котляревский³⁷⁰ и др. Этот подход действительно являлся господствующим в российском правоведении XIX – начала XX века. Его выразил в своих лекциях по уголовному праву и Николай Степанович Таганцев – по общему признанию, один из самых авторитетных русских правоведов.

«Соучастие, как совместная виновность, – писал Таганцев, – предполагает единение в преступной деятельности в широком значении этого слова, хотя бы таковая как по законной ее характеристике, так и в ее фактическом проявлении представлялась сложной, составленной из ряда действий, отделенных друг от друга и по месту, и по времени и тем не менее составляющих одно общее целое, и этого именно условия может и не быть у одновременно привлекаемых, хотя бы и по одной и той же статье закона, ибо понятие однородности вины разнится от понятия совместности вины»³⁷¹.

Объединение в виновности могло состояться, по мнению Таганцева, путем прямого соглашения или общения, выраженного «такой деятельностью, которая служила бы наглядным доказательством соглашения, как для других соучастников, так и для суда»³⁷². В связи с этим он утверждал, что «со стороны субъективной, шайка предполагает соглашение на несколько преступных деяний, на целый их ряд, и притом соглашение, не периодически повторяющееся, а общее на постоянную преступную деятельность»³⁷³.

Именно условие о наличии соглашения между заговорщиками или членами шайки Вышинский считал самым слабым элементом доктрины соучастия, изложенной Н.С. Таганцевым в лекциях по уголовному праву. В докладе на совещании советских ученых-правоведов Андрей Януарьевич твердо заявил: «Не может быть принято мнение Таганцева и других, требующих для соучастия наличия соглашения»³⁷⁴.

³⁶⁸ Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 220–221.

³⁶⁹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Том 1. Общая часть. Киев, 1875. С. 204–205.

³⁷⁰ «Единение воли или соглашение составляет коренное условие соучастия, как солидарной ответственности» (Белогриц-Котляревский Л.И. Очерки курса русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1896. С. 175).

³⁷¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Том 1. СПб., 1902. С. 736.

³⁷² Там же. С. 747.

³⁷³ Там же. С. 750.

³⁷⁴ Советское государство. 1938. № 4. С. 50.

Эта позиция была вполне логичной для прокурора СССР, выступавшего государственным обвинителем на судебных процессах по делам заговорщиков. Доктрина соучастия, господствовавшая в дореволюционном российском правоведении, связывала сущность этого уголовно-правового института с таким соглашением, которое, выражая единение воли соучастников, предполагало их знание об умысле других. Отсутствие такого знания позволяло вполне обоснованно говорить об отсутствии соучастия, а следовательно, и преступной группы как таковой. Бухарин в своем последнем слове как раз на этом основании и отрицал тот факт, что он и остальные подсудимые составляли группу заговорщиков.

Однако Вышинский отверг указанную доктрину не только по конъюнктурным соображениям, но и в угоду **здоровому смыслу**. Ее трудно или даже невозможно было использовать для оценки вины членов заговорщической организации — например, политической партии, поставившей своей целью захват государственной власти в стране любыми, и в том числе противозаконными средствами.

В лекциях по русскому уголовному праву и в «Курсе русского уголовного права» Н.С. Таганцев отмечал: «Если в программу партии входит определенная преступная деятельность, тогда вступление в партию может быть иногда признано равносильным со вступлением в сообщество для учинения определенного преступного деяния»³⁷⁵. Вышинский обратил внимание на эту оговорку авторитетного правоведа и в докладе на совещании не преминул заметить: «Таганцев сам вынужден признать, что вступление в партию, в программу которой входит определенная преступная деятельность, может быть иногда признано равносильным вступлению в сообщество для учинения определенного преступного деяния. Следовательно, участие в группе, осуществляющей ряд преступных действий, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если он сам к этим преступным действиям непосредственного отношения не имел и согласия на их совершение не давал»³⁷⁶.

Главным недостатком господствовавшей в российском правоведении доктрины соучастия являлась слишком узкая трактовка этого уголовно-правового института, не позволявшая применить ее ко всем типам преступ-

³⁷⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 736 (сноска 1).

³⁷⁶ Советское государство. 1938. № 4. С. 50–51.

ных организаций. Однако некоторые российские правоведы, известные своими научными трудами в области уголовного права (Н.Д. Сергеевский, Г.Е. Колоколов, И.Я. Фойницкий), самый серьезный порок этой доктрины видели в отрыве ее от общих начал уголовного права. «Объединение в виновности», с которым Таганцев связывал возникновение соучастия, они считали нарушением этих начал и пытались исключить его из юридической конструкции данного института.

Так, Н.Д. Сергеевский противопоставлял принципу солидарной виновности, которую предполагала господствовавшая доктрина соучастия, общепризнанный в уголовном праве принцип «субъективной виновности». «Соучастие, — утверждал он, — есть не более, как один из случаев присоединения к преступной деятельности одного лица деятельности другого лица, именно такой случай, когда эта вторая деятельность есть тоже преступная и когда обе они совершаются при наличности всех условий субъективной виновности по отношению к результату. Задача всей конструкции (теоретической и законодательной) соучастия заключается согласно этому взгляду в применении к отдельным соучастникам общего начала уголовной ответственности: *всякому субъекту вменяется все то, что он причинил при наличности субъективных условий вменения*»³⁷⁷ (курсив мой. — В.Т.).

Оценивая попытку ввести в юридическую конструкцию соучастия принцип субъективной виновности, Вышинский безапелляционно заявил: «Мнение Сергеевского неправильно потому, что оно исключает ответственность тех участников преступной группы, которые своей субъективной деятельностью не причинили преступного результата. Между тем самое участие в подобного рода преступной группе, независимо от того, вложил ли данный участник ее в тот или другой преступный результат, в котором реализовалась преступная деятельность этой группы, говорит, что этот участник должен отвечать и за этот результат, как за всю деятельность своей группы, именно как ее участник»³⁷⁸.

Взгляд на институт соучастия, представленный Н.Д. Сергеевским, разделял и Г.Е. Колоколов. Он был автором книги об этом институте, вышедшей в 1881 году, но написал в ней больше о разных теориях соучастия, нежели о

³⁷⁷ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1887. С. 374–375. СПб., 1900. С. 304–305. СПб., 1911. С. 313. СПб., 1915. С. 321.

³⁷⁸ Советское государство. 1938. № 4. С. 51.

собственном понимании его сущности³⁷⁹. Свое представление о соучастии Георгий Евграфович подробнее и яснее выразил в лекциях по уголовному праву, машинописная рукопись которых была издана в 1895 году литографическим способом. «Соучастие, со стороны субъективной, — отмечал он, — предполагает только, что каждое из участвующих лиц действует **виновным образом**, причем безразлично, выпадает ли на долю преступников *dolus* или *culpa*³⁸⁰, существует ли между ними соглашение или нет»³⁸¹.

Стремление правоведов совместить институт соучастия с принципом субъективной виновности, ограничить метод юридической оценки вины соучастников общими началами причинности, — все это вело в действительности к ликвидации соучастия как самостоятельного института уголовного права.

«Учение о соучастии должно строиться на тех же принципах, на которых покоится ответственность отдельного преступника за совершенное им преступление. Оно должно представлять собою лишь применение этих принципов к тем случаям, когда преступление совершено несколькими лицами»³⁸², — утверждал С.В. Познышев. В связи с этим он определял соучастие как «виновное совершение одного преступления совместной деятельностью нескольких лиц»³⁸³. Очевидно, что в этой трактовке термин «соучастие» использовался для обозначения более сложной разновидности преступлений, но не соучастия как особого правового явления.

Наиболее решительно и последовательно ставил вопрос о применении общих начал причинности при рассмотрении дел о соучастии Иван Яковлевич Фойницкий. «Не может быть и речи об уголовно-ответственном участии в чужой вине, — писал он в 1891 году, — вина каждого самостоятельна и отдельна как при единичной, так и при совместной деятельности. В обоих случаях для уголовно-юридической оценки вины каждого единственно пригодными должны быть признаваемы одни и те же общие начала причинности, причем не только при единичной, но и при

³⁷⁹ Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении. (О соучастии вообще и подстрекательстве в частности). М., 1881.

³⁸⁰ *dolus* или *culpa* (лат.) — умысел или вина.

³⁸¹ Колоколов Г.Е. Уголовное право. Курс лекций. 1894–95 год. М., 1895. С. 352–353.

³⁸² Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть. М., 1912. С. 372.

³⁸³ Там же.

совместной деятельности отсутствие внутренней и внешней причинной связи каждого данного деятеля с явлением [приводит к тому, что] утрачивается возможность вменить ему это явление в вину»³⁸⁴ (слова в квадратных скобках вставлены мной³⁸⁵. — В.Т.).

Хотя Фойницкий довольно резко критиковал господствовавшую в российском правоведении доктрину соучастия³⁸⁶, Вышинский весьма скептически отнесся к предложенной им трактовке данного уголовно-правового института. Андрей Януарьевич назвал неправильной точку зрения, исходя из которой Иван Яковлевич нападал на «схоластичность господствовавшей доктрины о соучастии».

Указанную схоластичность Фойницкий усмотрел в присущей названной доктрине идее общности вины всех соучастников. «Это значит, — объяснял он, — что вина каждого становится виною всех в отдельности, свои и чужие вина перестают различаться»³⁸⁷. Вышинский не принял такого объяснения, задав в докладе два риторических вопроса: «О какой чужой вине можно говорить в данном случае? Разве эта так называемая чужая вина не становится фактом соучастия в общем преступлении своей виной?»³⁸⁸.

Основной же порок представлений Фойницкого о соучастии Вышинский усмотрел в его попытке трактовать данный уголовно-правовой институт «с точки зрения общих начал причинности», утверждая при этом, что при

³⁸⁴ Фойницкий И.Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. Издание Московского юридического общества. 1891. Том 7. № 1. С. 21.

³⁸⁵ Без этих уточняющих слов части предложения «отсутствие... связи... с явлением» и «утрачивается возможность» явно не согласуются между собой.

³⁸⁶ Фойницкий писал, в частности, что господствующая доктрина о соучастии, во-первых, «страдает схоластичностью построения и полна презумпций, не оправдываемых природою вещей и стоящих в противоречии с началами современного уголовного права», а во-вторых, «не обнимая всех случаев совместной деятельности многих лиц, требующей особых определений, она страдает неполнотою и потому не только не дает новых верных понятий в этой области, но даже не достигает целей объединения и обобщения готового материала, преследуемых всякой научной конструкцией» (Фойницкий И.Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии. С. 8). При этом он пояснял, что в трактовке соучастия «схоластичностью прежде всего отличается условие единства умысла, выставляемое господствующей доктриной» в то время, когда соучастие предполагает на самом деле столько умыслов, сколько соучастников, поскольку каждый входит в общий состав по своему свободному волеизъявлению. Между умыслами соучастников может существовать сходство и совпадение, но только не единство (Там же).

³⁸⁷ Там же. С. 5.

³⁸⁸ Советское государство. 1938. № 4. С. 51.

отсутствие внутренней и внешней причинной связи каждого соучастника с преступлением утрачивается возможность вменить ему это деяние в вину.

«Правильный сам по себе, этот принцип, — подчеркивал Вышинский, — неприменим в вопросе о соучастии, если соучастие понимать не в узком смысле этого слова, т. е. не как участие нескольких лиц в совершении общими усилиями одного или нескольких преступлений, а понимать его в широком смысле слова, т. е. как совокупность действий многих или нескольких лиц, не только вызвавших данный преступный результат, но и в той или иной мере и степени, прямо или косвенным образом, посредственно или непосредственно предопределивших или облегчивших наступление преступного результата, являющегося конечной целью преступной деятельности»³⁸⁹.

В обвинительной речи на судебном процессе по делу антисоветского «право-троцкистского блока», произнесенной 11 марта 1938 года, прокурор СССР назвал неправильной распространенную среди правоведов-криминалистов точку зрения, согласно которой «для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на **каждое** из преступлений» (выделено мной. — В.Т.). «Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения. Жизнь знает примеры, когда результат общей преступной деятельности достигается самостоятельным участием в этой деятельности сообщников, объединенных лишь единой, общей для всех преступной задачей. Для соучастия нужно **общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел**. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении»³⁹⁰ (выделено мной. — В.Т.). При этом Вышинский подчеркивал, что соучастники должны нести ответственность за всю совокупность преступлений шайки в полном объеме и в тех случаях, когда они не знали о каких-то преступлениях, совершенных какой-либо частью группы, «если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений»³⁹¹.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». С. 612.

³⁹¹ Там же.

В докладе на совещании ученых правоведов, прочитанном 16 июля 1938 года, Вышинский развил свою трактовку сущности соучастия и представил ее уже как целую научную доктрину. Он заявил, что соучастие необходимо понимать «не в узком смысле этого слова, т. е. не как участие нескольких лиц в совершении общими усилиями одного или нескольких преступлений». Соучастие следует трактовать в широком смысле слова «как совокупность действий многих или нескольких лиц, не только вызвавших данный преступный результат, но и в той или иной мере и степени, прямо или косвенным образом, посредственно или непосредственно предопределивших или облегчивших наступление преступного результата, являющегося конечной целью преступной деятельности»³⁹².

Призывая понимать соучастие «в широком смысле слова», Вышинский имел в виду прежде всего принципы, составляющие юридическую конструкцию соучастия, а также методику правовой оценки виновности соучастников преступной группы. Он предлагал считать преступной группой не только лиц, спаянных общим согласием и умыслом на каждое преступление, но и тех, кого объединяет общий преступный замысел. Это не означало, что прокурор СССР игнорировал принцип индивидуализации ответственности, предусмотренный статьей 18 УК РСФСР 1926 года, гласившей: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера определяются для каждого из соучастников в зависимости как от степени их участия в данном преступлении, так и от степени опасности этого преступления и участвовавшего в нем лица»³⁹³. Напротив, он настаивал на соблюдении судами выраженного в данной статье принципа, но предполагал, что при этом будут учитываться особенности соучастия как уголовно-правового института. На эти особенности Вышинский еще раз обратил внимание в своем докладе, когда подводил итог своим рассуждениям о сущности соучастия. «Для понятия соучастия, — подчеркнул он, — необходимо наличие **не причинной связи, а связи вообще** данного лица с совершенным преступлением»³⁹⁴ (выделено мной. — В.Т.).

Вышинский не мог не понимать, что общую доктрину института соучастия, охватывающую все его виды, сформировать невозможно. Он

³⁹² Советское государство. 1938. № 4. С. 51.

³⁹³ Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий с дополнениями и изменениями по 15 августа 1927 г. / Под ред. М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. М., 1927. С. 31.

³⁹⁴ Там же. С. 53.

создавал юридическую конструкцию для соучастия, возникающего не в простых шайках преступников, а в сложных преступных объединениях, каковыми могли быть и являлись заговорщические организации, ставившие своей целью свержение социалистического общественного и государственного строя в СССР, восстановление в стране капитализма и власти буржуазии, подрыв военной мощи Советского государства, его поражение в войне с иностранными государствами, расчленение нашей страны, отрыв от нее территорий в пользу иностранных государств и т.д.

В качестве примера заговорщической организации подобного рода Вышинский представил в докладе на научном совещании группу подсудимых, осужденных по делу антисоветского «право-троцкистского блока». «В деле “право-троцкистского блока”, — подчеркнул он, — мы имеем именно такое соучастие в широком смысле этого слова. Для всех участников этого “блока” общей целью было свержение советской власти, захвата власти правотроцкистским центром. Для всех принявших участие в этой преступной деятельности эта цель была общей и точно воспринятой. Здесь нет исключения ни для одного из подсудимых, даже для врачей-отравителей — Плетнева, Казакова и Левина, что между прочим Бухарин на суде также оспаривал. Но это уже *questio facti*. Для всех участников этого “блока” были общими, всеми ими принятыми и одобренными способами борьбы — средства, применяющиеся право-троцкистскими изуверами (вредительство, диверсия, террор, шпионаж). Все они шли к осуществлению своей общей цели общими путями — измены, предательства, убийства и т. д. То обстоятельство, что одни из них действовали как убийцы, другие как шпионы, третьи как диверсанты и т. д., не меняет их положения с точки зрения их юридической ответственности»³⁹⁵.

Предложенное Вышинским расширенное толкование соучастия при рассмотрении дел о заговорщических организациях имело смысл еще и потому, что подобного рода преступные группы применяют, как правило, особые меры для сохранения своей деятельности в тайне не только от государственной власти и общества, но и от собственных членов. Для предотвращения полного раскрытия и окончательного разгрома такой организации заговорщики обыкновенно посвящаются в тайны только тех

³⁹⁵ Там же. С. 51.

действий организации, которые проводятся только ими или только их касаются в той или иной мере. Они чаще всего и не знают ничего о тех членах организации, с которыми не сотрудничают и не общаются. При такой конспирации преступной деятельности заговорщической организации использование для оценки вины соучастников в ее преступлениях общих начал причинности, применяемых по общему правилу при рассмотрении судебных дел о преступлениях, оказывается бессмысленным, поскольку в большинстве подобных случаев невозможно установить внутреннюю и внешнюю причинную связь между действиями соучастника и преступлениями организации и соответственно вменить ему эти преступления в вину. Многие заговорщики, если не большинство, в этом случае уйдут от уголовной ответственности за тяжкое преступление, создающее угрозу существованию целой страны и жизни ее населения.

* * *

В тезисах доклада А.Я. Вышинского на совещании по вопросам науки советского права и государства «разработка учения о соучастии» была названа одной из первоочередных задач, стоящих перед советскими правоведами в области науки советского социалистического уголовного права. Помимо этого, в перечень таких задач были включены исследования проблем вины и ответственности, вопросов об умысле, неосторожности, о наказании и точных составах преступлений.

Таким образом, Вышинский выделил в особую категорию ключевые, мировоззренческие вопросы уголовного права. Они активно и широко обсуждались советскими правоведами в 1920-е годы. Теперь пришло время заново их рассмотреть и переосмыслить.

В истории советского правоведения начиналась новая эпоха...